

№ 205
60

УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ НАУК

Збірник Історично-Філологічного Відділу № 60

МУЗЕЙ УКРАЇНСЬКИХ ДІЯЧІВ НАУКИ ТА МИСТЕЦТВА

ЄВГЕНІЯ РУДИНСЬКА

ЛИСТИ ВАСИЛЯ ГОРЛЕНКА ДО ПАНАСА МИРНОГО

1883—1905

396

У Київі—1928

ВИДАННЯ

ІСТОРИЧНО-ФІЛОЛОГІЧНОГО ВІДДІЛУ

I. Записки Історично-Філологічного Відділу: кн. I (1919)—1 крб. 50 к.; кн. II—III (1920—1922) та кн. IV (1923) — по 2 крб.; кн. V (1924—1925)—2 крб. 50 коп.; кн. VI (1925)—2 крб.; кн. VII—VIII (1926)—7 крб.; кн. IX (1926) та кн. X (1927)—4 крб.; кн. XI (1927)—3 крб. 50 к.; кн. XII (1927)—4 крб.; кн. XIII—XIV (1927)—4 крб. 25 к.; кн. XV (1927) і кн. XVI (1928) по 3 крб. 50 к.; кн. XVII (друк.), кн. XVIII (друк.), кн. XIX (друк.).

II. Етнографічний Вісник: кн. I (1925)—90 коп.; кн. II (1926)—1 крб. 80 к., кн. III (1927), кн. IV, кн. V та VI—по 2 крб.; кн. VII (друк.). **Бюлетень Етнограф. Ком.** (1925—1927) по 5 коп.

[III] Україна: (1924) кн. I—IV—5 крб.; (1925) кн. I—VI—6 крб.; (1926) кн. I—VI—6 крб.; (1927) кн. I—IV—5 крб. 90 к. (продається тільки в Держвидаві).

IV. Збірник Історично-Філологічного Відділу:

- № 1 — акад. Дм. Багалій. Нарис української історіографії. Вип. I: Джерелознавство (1923)—1 крб.; вип. II: Козацькі літописи (1925)—1 крб.
- № 2 — Т. Сушицький. Західньо-руські літописи, як пам'ятки літератури (1921)—1 крб.
- № 2а — Ф. П. Сушицький. Зап.-русскія літописи, какъ памятники литературы (1921)—1 крб.
- № 3 — акад. Аг. Кримський. Історія Персії та її письменства. I. Як Персія, зовійована од арабів, відродилася політично (1923)—1 крб.
- № 4 — Давній Київ: а) Хв. Ернст. Контракти й контрактний будинок у Києві. Економічно-історичний нарис (1924), 2-ге вид. (з 20 малюнк.)—50 коп.; [б] Збірка—Київ та його околиця (1926)—6 крб. 25 коп.; в) В. Щербина. Нові студії з історії Києва (1926; з 26 мал.)—2 крб. 50 коп.
- № 5 — В. Науменко. З історії початків української літератури XIX в. (1924)—50 коп.
- № 6 — акад. Аг. Кримський. Перський театр, звідки він узівся та як розвивався, з 5 малюнками (1925)—1 крб.
- № 7 — проф. Вол. Резанов. Драма українська (Старовинний театр). Вип. I. Спеціалні вистави в Галичині (1926)—2 крб. 75 коп. Вип. 2. Як устатковувано сцену (з мал.) (друк.). Вип. 3. Шкільні дієства великоднього циклу (1926)—4 крб. Вип. 4. Шкільні дієства різдвяного циклу (1927)—2 крб. Вип. 5. Драми етнографічні (закінч. друк.).
- [№ 8] — Ол. Курило. Уваги до сучасної української літературної мови, 1923 і 1925.
- № 9 — акад. Аг. Кримський. Хафиз та його пісні, в його рідній Персії XIV в. та в Європі (1924)—1 крб. 25 коп.
- № 10 — акад. Аг. Кримський. Історія Туреччини та її письменства, т. I (1924)—1 крб. 50 коп.; т. II, вип. 2 (1927)—1 крб. Вступ (1926)—75 коп.
- № 11 — Ів. Намаїн. Водяні знаки українських паперів до 1650 р. (1923)—2 крб. 50 к.
- № 12 — акад. О. Шахматов та акад. Аг. Кримський. Нариси з історії української мови та хрестоматія старописьменської українщини (1924)—1 крб.
- № 13 — Програми для збирання етнографічних матеріалів: 1. Ол. Курило. Початки мови (1923)—25 коп. 2. Клим. Квітна. Професіональні народні співці та музианти (1924)—60 коп. 3. Проф. Є. Тимченко. Діалектологічні вказівки (1925)—15 коп. 4. Програми до збирання пісенного матеріалу (1925)—5 к. Див. № 29.
- № 14 — В. Гандов. Діалектологічна класифікація українських говорів (з мапою) (1923, відб. з IV-ої книги „Записок“) — (випродано).
- № 15 — Найголовніші правила українського правопису (1927, 165-та тисяча)—10 к. (випродано).

УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ НАУК

Збірник Історично-Філологічного Відділу № 60

МУЗЕЙ УКРАЇНСЬКИХ ДІЯЧІВ НА КИ ТА МИСТЕЦТВА

ЄВГЕНІЯ РУДИНСЬКА

ЛИСТИ ВАСИЛЯ ГОРЛЕНКА ДО ПАНАСА МИРНОГО

1883—1905

(з 8 фотографічними знімками)

У КИЇВІ

З друкарні Української Академії Наук

1928

Бібліографічний опис та шифри для бібліотечних каталогів на цю книгу вміщено в „Літопису Українського Друкѣ“ та „Картковому репертуарі“ Української Книжкової Палати.

Дозволяється випустити в світ.

Неодмінний Секретар Академії Наук, акад. *Ал. Кримський.*

ПЕРЕДНЄ СЛОВО.

Музей українських діячів науки та мистецтва поставив собі завдання увічнити пам'ять славетних діячів, що віддали життя своє й творчість розвоєві української науки та українського мистецтва.

Музей цей має бути пам'ятником їм — не плитою, напис на якій з бігом часу зітреться, не монументом, що його може розбити необережна рука байдужого нащадка, — а живим пам'ятником-музеем, де житимуть вічно й образ діячів і продукція його творчости, де в розмаїтій плетеніці біографій розгортатимуться перед широким глядачем, глибоко змістовні, цікаві сторінки історії української культури.

Щоб найкраще зафіксувати пам'ять діячів, Музей зосереджує поруч іконографічного матеріалу (образ діяча), манускриптів, друків та художніх творів (продукція творчости діяча) й речовий матеріал (оточення діяча) і відтворює постаті діячів з їхньою ідеологією в відповідній побутовій обстанові.

З тою-таки метою увічнення славетних діячів, відтворення їхнього життя, творчости, доби, Музей намітив низку видань.

Перший випуск матеріалів Музею, що присвячено Миколі Лисенкові (статті про нього, листи його до різних осіб, матеріали до життя й діяльності, портрети і т. п.), затримався й вийде друком пізніше, ніж цей другий.

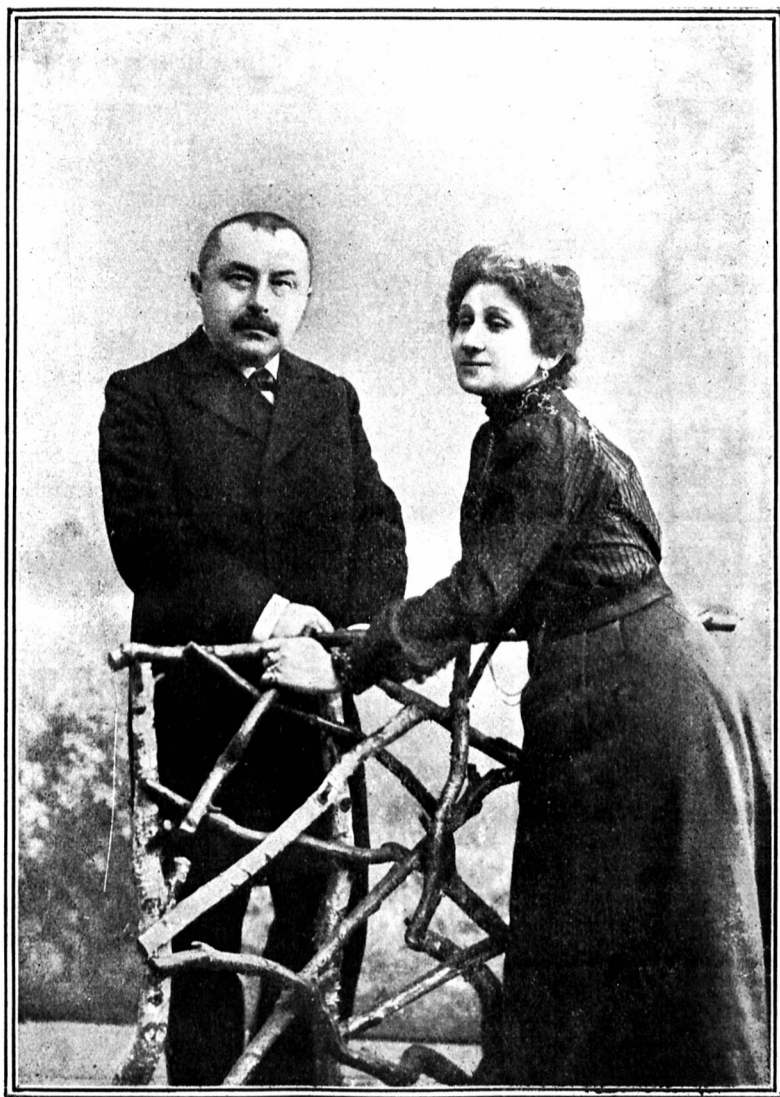
Листи Василя Горленка до Панаса Рудченка (Панаса Мирного) ухвалив Музей випустити в світ з таких мотивів. Насамперед Музей діячів ушановує пам'ять не лиш найвидатніших діячів української культури, не тільки геніїв та проводирів українського громадсько-культурного руху, а, в міру сил своїх, усіх тих, хто працею своєю на ниві української науки та українського мистецтва на вшанування те заслужив.

Місце серед таких менших діячів належить, безперечно, й Василю Горленкові. Був він український етнограф, письменник, критик, був близький приятель найвидатніших наших діячів 80-х та 90-их років і працював разом із ними; листи свої, що тут подаються, писав до одного з корифеїв української літератури, та ще й до такого, що надовго зумів заховати під псевдонімом своє ім'я і всю свою біографію, яку ці листи у великій мірі розкривають.

Насамкінець листи ці, одбиваючи в собі глибоку, тонку, надзвичайно чулу натуру з одного боку, малюючи багато яскравих моментів із життя літератури та мистецтва українського й російського з початку років 80-х і до революції 1905-го року з другого, являють собою справді незрівнянний зразок епістолярної вмілости.

Нема чого говорити про значіння листування у справі меморіальній взагалі. Останніми часами видрукувано чимало листів може часом не зовсім обережно й таких, що їм-би не треба ще бути виданими. Публікуючи листи Горленкові, зберігаючи правопис та абрєвіатуру авторів, упорядчик дозволив собі опустити два-три ймення та кілька рядків, не пояснювати певних натяків, щоб не вразити неприємно ще живих сучасників Горленкових або близьких до них осіб.

До видання цього додаються кілька портретів Горленкових, портрет Панаса Мирного з дружиною, портрет Заньковецької з Горленком. Музей складає глибоку свою подяку Олександрі Рудченковій (дружина Панаса Мирного), С. Думитрашківій (небога В. Горленка) та В. Думитрашкові й Полтавському Державному Музєві за іконографічний матеріал, що вони ласкаво передали Музєві для цього видання.

Василь Горленко та Марія Заньковецька у 90-х рр.

„...въ этихъ старыхъ бумагахъ запечатлѣлось давно бывшее, отошедшія и угаснувшія черты когда-то тутъ протекавшей жизни“.

Горленко. Южно-русскіе очерки и портреты. Захолустье. Стор. 205.

Той, кому попадали до рук книжки Василя Горленка „Южно-русскіе очерки и портреты“¹⁾ та „Украинскія были“²⁾ (з відділами „старинные силуэты“ і „художники“) — не міг лишитися байдужим до них, думається мені, і не пройнятися симпатією до їх автора³⁾.

В своїх коротких, художньо-завершених, тонких нарисах відтворює він перед читачем „старинные силуэты“ людей минулих часів (Бандуриста XVIII в. — Григорій Любисток, Мельхиседек Значко-Яворський, славнозвісний „коварникъ“ Теплов, гадяцький поет Макаровський) або силуети пам'яток українського мистецтва та старовини (Петропавлівський монастир на Чернігівщині, замок Вишневецьких); вмілою рукою малює „портрети“ наших майстрів слова (Дмитро Ростовський, Квітка, Котляревський), або пензля (Шевченко — гравер і живописець, Левицький, Боровиковський); подає нариси етнографічні (Крестьянская ярмарка, Послѣдніе кобзари, Завѣты деревни) і творчо відбудовує, вносячи белетристичний елемент, „были“, на підставі мертвого ніби, документального, матеріалу, вміючи створити цілу картину минулого життя (Бабушка Полуботкова, Стихотворецъ-обыватель начала вѣка, Аполлоновы житницы). Глибоким чуттям архівіста знаходив він цікаві документи, спостережли-

¹⁾ Южно-русскіе очерки и портреты. К. 1898.

²⁾ Украинскія были. Описанія и замѣтки. К. 1899.

³⁾ Цей короткий нарис Горленкового життя написала я вже давно й прочитала його на засіданні Комісії для вивчення громадських рухів при У.А.Н. 6/XI 1925 р.

Я радю проте, що друкується він тепер, — у листопаді бо р. 1927 минуло 20 літ з дня смерті Василя Горленка. Цей автор безумовно заслуговує на те, щоб ушанувати його пам'ять спеціальними оглядами праці його на полі української етнографії та художньої критики в галузях літератури й мистецтва. Він дав у всіх цих напрямках надзвичайно багато цінних відомостей та вказівок, висловив чимало оригінальних думок, ужив нових метод.

На жаль, весь архів його загинув. Варт було-б видати хоч листи його до інших українських діячів, яких чимало збереглося в архівах і у приватних осіб. Хай будуть листи його до Панаса Мирного першими з них.

вим оком етнографа бачив багато цікавого в своїх подорожах по Україні, — надзвичайно обдарований смаком, словом та почуттям міри, — вмів про все те в небагатьох словах цікаво розповісти, підкреслюючи всю своєрідність української культури.

Не меншу, якщо не більшу втіху, дають Горленкові листи до різних осіб. Він любив їх писати, любив їх одержувати, був справжній майстер епістолярного стилю. Листи-ж уважав він за одне з найцінніших джерел до освітлення доби, до виявлення невлесних рисочок силуету чи портрета. В своєму малюнку „Стихотворець-обыватель начала вѣка“¹⁾ каже він: „Исчезновение старыхъ рукописей, фамильныхъ бумагъ и писемъ явление столь обычное, что мы почти не обращаемъ уже на него вниманія и перестали возмущаться имъ. Въ обществѣ мало культурномъ, какъ наше, и въ эпоху полного перелома всего строя жизни, какова наша эпоха, этимъ свидѣтелямъ прошедшаго даютъ мало цѣны, легкомысленно не дорожатъ ими“.

Горленко дуже цінував такі папери та листи. Свій малюнок „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка“ побудував він на листуванні і зазначав²⁾, що „приведенная выше переписка представляетъ много данныхъ для характеристики времени, общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ выдающихся людей тѣхъ годовъ, и самыхъ участниковъ ее“.

Тому-то, знайшовши в паперах Мирного низку листів до нього від Горленка, звідавши справжньої насолоди від глибокої їх змістовності, тонкого гумору й прегарної форми, я публікую їх і хочу спробувати на їх підставі освітити життя самого Горленка. Листи ці додають дуже багато до надто недостатнього біографічного про нього матеріалу. Вони-ж, ці листи, допомагають з'ясувати, чому цей симпатичний автор, вищезгадані книжки якого склалися, за винятком лиш кількох, з статтів друкованих перед тим у „Кіевской Старинѣ“, що її відданим співробітником з самого її заснування, а надто в роках 80-х, він був, — кінець свого життя, 8—10 років, віддав співробітництву в „Новомъ Времени“ й третю свою книжку „Отблески“ (хоч і був у ній відділ „Малороссія“) склав уже з статтів, друкованих у „Новомъ Времени“. Чому, почавши з „южно-русскихъ“ малюнків та портретів і „Украинскихъ былей“, рецензій на український театр та літературу, одійшов він од цього й опинивсь у ворожому таборі — в органі огидного шовінізму.

Матеріалів до біографії Горленка дуже мало. 15 рядків в Енциклопедичному словникові Брокгауса й Ефрона та некрологи в „Историческомъ Вѣстникѣ“ (передруковано з „Нового Времени“) та в „Україні“, за 1907 р.

¹⁾ Украинскія были, стор. 49.

²⁾ Южно-русскіе очерки и портреты, стор. 47.

³⁾ Отблески 1905. СПб.

Отже коротенька замітка в Енцикл. словн.¹⁾ говорить, що Горленко — співробітник „Нов. Врем.“, журналіст, етнограф і критик, який „любовно относился къ малорусской старинѣ и ея даровитымъ сынамъ, Котляревскому, бандуристу Крюковскому, Боровиковскому и Левицкому, котрымъ посвятилъ рядъ интересныхъ литературныхъ портретовъ“²⁾.

З замітки поруч, про рід Горленків, бачимо, що Василь Горленко походив з „стариннаго дворянскаго“ роду, записаного в родословних книгах Черніг., Полтавськ. й Курськ. губернь, що ведеться від реєстрового ксака Лазаря Горленка.

З некрологу в „Україні“³⁾ дістаємо деякі докладніші біографічні відомості. Народивсь Василь Горленко в січні 1853 р. в заможній родині, вчивсь у Полтавській гімназії, тоді в Ніжені, в лицю Безбородька, здається не добув там курсу, поїхав до Парижу, вчивсь у Сорбонні, і, володіючи добре французькою мовою, став співробітником часопису „Figaro“.

В початку 80-х років повернувся до Росії. З 1882 р. невідомо під чийм впливом, віддався українській етнографії й літературі. З моменту заснування „Кіевской Старини“ став її співробітником і прихильником. Зробив низку етнографічних подорожів; об'їздив між иншим Київщину „по стопамъ“ Куліша, де той збирав матеріял для „Записокъ о Южной Руси“. Їздив у такі подорожі з Костомаровим. Навернув до етнографічних студій молодих діячів, зокрема Мартиновича. Багато працював над перекладами з французької мови й цікавивсь тим, оскільки відоме, й відоме правдиво, життя російське й українське французам.

Хоч і був співробітником „Новаго Врем.“, та лиш у відділі літературно-артистичному, все-таки почувуючи ніяковість од свого перебування в числі співробітників цього часопису.

Вмер самотній у Петербурзі, сумуючи за півднем; поховано його на Прилуччині.

Автор некрологу характеризує його так: „його тонко розвинута естетична вдача тягла його до сфер чистої штуки, до літератури, яку він любив як в її класичних зразках, так і в новіших, сучасних напрямках, за якими пильно стежив.“

Він був надзвичайно глибоким знавцем малярства і вважався одним з найкращих художественних критиків у Росії“⁴⁾.

Автор некрологу вносить поправку, кажучи, що Горленко походив з старовинного козацького роду. І дійсно в „Русскомъ Архивѣ“ (р. 1875 II кн.) подаються цікаві подробиці про те, як перетворивсь козацький рід у „старинный дворянскій родъ“.

¹⁾ Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій Словарь, Историч. Вѣстникъ. Некрологи В. П. Горленко. 1907.

²⁾ Див. ще О. Дорошкевич, Естет і поміщик. Життя й Революція 1925, XI, стор. 61—66. Автор помилково називає Горленка Вас. Дмитровичем і чи не перебільшує його близькості до укр. лівобережного панства.

³⁾ Дорошенко Д., Горленко Василій Петрович. Україна, 1907, V. Стор. 214—217.

⁴⁾ У Д. Д-о. Україна, 1907, V. Стор. 217.

Початок свій той рід веде від полковника прилуцького Лазаря Ондрієвича¹⁾, що за Зборовським договором був одним з перших занесений у славнозвісний список 40.000 реєстрових по прилуцькій сотні. Пережив він усю боротьбу другої половини XVII в.: то був на боці Виговського, то коривсь Москві, то йшов за Дорошенком, то повертався покірно назад. Наприкінці свого життя вірно служив царям, дістав за це дворянство, ґрунт і маєтності.

Отже син його, Дмитро, рішуче виступив з Мазепою 28 жовтня 1708 р., щоб сполучитися з шведами; після Полтавської баталії перебував у Туреччині, занудився за рідним краєм, погодився, аби вернутись додому, на обмеження прав і був поселений у Москві, де одержував 10 коп. денно на прожиття; тільки в 1731 р. відпущено його додому і мусів він підписати реверса, яким визнавав себе й своїх заручників вартими смертної кари, коли якусь „противность в предосужденіе Россійской Имперіи учинить...“

Приборкала Москва всіх, хто чинив якісь „противности вь предосужденіе Россійской Имперіи“, і потомки Дмитра, полковника прилуцького, стали вже покірними слугами цариць. Син Дмитра Горленка жонатий був з дочкою Данила Апостола, внук узяв за себе внучку гетьмана Скоропадського, а доньок своїх повіддавав уже за російських достойників: графа Милорадовича, якого так яскраво змалював Василь Горленко в нарисі „Бабушка Полуботкова“ та графа Дев'єра, — і перевернувся козацький рід у „старинный русскій родъ“. Перевернулися нащадки Мазепиного радника й приятеля і забули, „чиї вони діти“. Чи-ж забув і Василь Горленко?

З листів до Панаса Мирного, що з ним звязаний він був інтересами літературними й глибокою потім інтимною приязню, знайомимося ми з Горленком 80-х років й з них довідуємося і про зовнішні факти його життя.

Но надо что-нибудь сказать и о себѣ,
Я подчиняюсь моей лихой судьбѣ,
И дни свои плачу вь тиши уединенья
Среди далекаго, забытаго селенья.

З листа до Н. В. Стороженка,
12/х 1888 р.²⁾

80-і і мало не всі 90-і роки жив Горленко в своєму маєткові, в селі Ярошівці, на Прилуччині, подарованому предкові його Дмитру Лазаревичу ще від Мазепи.

Вступивши в коло земських діячів, хоч і не дуже активно, Горленко віддававсь улюбленій літературі й став постійним співробітником „Кіевской

¹⁾ Див. ще Дабижа А. Роспись рода Горленковъ. К. Ст. 1886, VI, I—XII і Дабижа А. Горленки (Очерки прилуцкой старины). К. Ст. 1887, II, 237—268; X, 199—232.

²⁾ Прочитати листи В. Горленка до Н. В. Стороженка і взяти з них кілька цитат ласкаво дозволив мені М. О. Макаренко, якому вони належать. Складаю йому свою глибоку подяку.

Старини“. Буваючи в справах земських у Полтаві й літературних у Києві, він зав'язав зносини з усіма українськими письменниками та діячами того часу, серед них і з Панасом Мирним, з яким дуже зблизився. Листи до близького духом і симпатіями приятеля, гарні формою, часом цілком завершені маленькі художні твори, одбивають усе життя й зокрема інтереси його, що в ці роки сконцентровано на українській справі. Червоною смужкою проходить через усі листи цікавість автора їх до української книжки. Всюди шукає він українських видань, — старих у букіністів (1883, 12/VIII), нових за кордоном (1885, 19/III), не проминає вже безперечно жадної з них, що виходять у Києві, чи де инде. Їх постачає він Мирному (1885, 19/III), постійно повідомляє про вихід тої чи іншої літературної новини (1889, 25/III). Немає книжки, статті, оповідання в „Кіевской Старині“, пісесі, яку-б він проминув, не зазначивши хоч її назви, коли не давши їй оцінки завжди тонкої, оригінальної. Немає автора, що з'явився-б був на обрію української літератури, який не зацікавив-би Горленка (1885, 19/VIII; 1888, 12/VIII; 17/IX).

У 80-х роках він увесь захоплений думкою видати альманаха в Києві. З приводу цього збірника, в якому на першому місці мусів бути вміщений твір П. Мирного „День у дорозі“, в 4 листи до Мирного (1888 10/V, 12/VIII і 1889 25/I, 26/X). З них знати, як цікаво komponував Горленко той збірник, як любовно готував його, — цензура його заборонила: „Запретили все и безъ всякихъ объясненій, всѣ статьи и приложенія...“ (1889, 26/X)¹⁾. Утиски цензурні не перестають хвилювати Горленка. То повідомляє він Мирного про якусь полегкість, чи хоч сподіванки на таку, то сумує з приводу нових заборон.

У 80-х роках дав Горленко „Кіевской Старині“ з 76 його там уміщених статтів — п'ядесят шість²⁾ і стежив за кожним, мовляв, її кроком.

Усім відоме значіння українського театру в перші роки його існування. Як долею української книжки цікавиться й боліє Горленко, так само захоплюється він і театром, стежучи за ним з любов'ю й тривогою. У 89 р. повідомляє він Мирного, що трупа Садовського та Заньковецької їде до Полтави, радить ходити що-разу, як гратиме Заньковецька, „великая артистка безъ преувеличенія“, а потім 26/X того-таки року питає: „гдѣ теперь Ваши недавніе гости артисты, кого волнують и мучатъ? Когда я сталкиваюсь съ этой удивительной труппой, я и радъ и недоволенъ. Я забываю обо всѣхъ остальныхъ интересахъ и совершенно предаюсь ей всей душой. Разъ цѣлый мѣсяць я странствовалъ съ ними. Даже пробовалъ играть, но неудачно...“.

Буваючи врядигоди і в Петербурзі, Горленко й там шукає всього українського. Коли галицька співачка, Крушельницька, співала в Італійській опері, він пішов слухати її в концерті й зазначає, що вона співала

¹⁾ Див. лист до Познанського в тій самій справі, додаток до листа 1888 10, V.

²⁾ 21 статтю в 90-х р. і лиш одну в 1903 р.

українську пісню в обробці Лисенка, „выговаривая какъ истая малорос-сіянка, какою она и есть“.

Горленка цікавить усе українське: Шевченкова панахида ¹⁾, Шевченкові вечори, українські музеї в Києві і Полтаві, призначення художника Сластіона до Миргородської художньої школи і т. и.

Болюче у його місце — невизнання України. Все, що допомагає уявити окремішність України, зазначає Горленко і вітає кожнісінький факт, який „служить несомнѣннымъ признаніемъ законности существованія малорусской литературы“ (11/IX 96).

Належачи отак усією душею справі українській, колосальну роль відіграв він у біографії Панаса Мирного, як письменника: буквально не давав він йому спокою, благаючи кінчати „Повію“, писати ще і ще, видавати написане.

Тепер уже відомо, що найпишніший розцвіт письменницької діяльності П. Мирного припадає на 70 та початок 80 рр. При кінці 80 років, обтяжений працею та родиною (хора дружина, а потім і дрібні діти), він далеко заховав свої писання і навертався до них хіба короткими вільними хвилинами. Горленко був одним з тих, що показували Мирному його місце в літературі й кликали постійно до дальшої праці, і чи не єдиним за деякі роки, кому Мирний читав свої твори, з ким ділився новими задуманими темами, чиві оцінки шукав... Вони бачилися що-разу, як Горленко бував у Полтаві, а часом Мирний, їдучи на ревізію по повітових скарбницях, заїздив на короткий час до Горленка в Ярошівку.

Може цим побаченням та листам завдячуємо ми „Морозенка“, „Згубу“ та інші речі Мирного, надруковані в 90-х роках; було-б може і з ними таке, як з „Повією“, якої, не вважаючи на всі нагадування та благання, так і не діждався Горленко і якої в цілому вигляді не маємо досі й ми.

Не з самим лиш Мирним був близький Горленко. І в Києві, і в Петербурзі він обертається поміж видатними українцями (1883, 12/VIII; 1885, 19 VIII; 1897, 16/VIII; 1900, 11/I).

Так живе внутрішньо, так-би мовити, Горленко в гурті українців, зосереджений на українській літературі, українському мистецтві, з початку 80-х і мало не до кінця 90-х років, і цікаве робить він завваження в листі 21/XII 1897 року. „Читалъ усердно (и теперь пишу о ней) книгу Уманца ‚Гетманъ Мазепа‘, очень замѣчательную книгу и прекрасно написанную. Это первое доброе слово о Мазепѣ съ 1709 года, шутка ли сказать! Я же давній, инстинктивный и традиционный мазепинецъ, и съ радостью встрѣчаю фактическія подтвержденія своихъ симпатій къ Мазепѣ“.

¹⁾ 1888 25/II. Сегодня здѣсь служатъ панихиду по Шевченку въ Казанскомъ соборѣ. Каждый годъ таковая совершается безвозбранно. А въ Киевѣ, воображаю, какъ ищутъ теперь наши друзья забытую церковь на окраинѣ города, чтобъ сойтись. Да и сойдутся ли?

Проте підходить він до мистецтва й літератури з широкими, європейськими вимогами; пильно стежить за всякими новинами російської й закордонної літератури; — смерть Доде для нього — тяжкий удар.

А як-же біжить його життя зовнішнє, хто він такий у себе вдома, цей журналіст?

З листів до Мирного не виглядає за постаттю самого автора їх чиясь інше обличчя. В одному з перших листів довідуємось, що його екстренно викликано з Полтави до Києва телеграмою од матери. Може це було перед її смертю. В листі до Н. Стороженка сумно оповідається про смерть старенької тітки (19/V 1885 р.). „Бѣдная тетушка жила у насъ постоянно, и я не могъ представить себѣ нашего дома безъ нея. Всю безконечную зиму она проводила въ Ярошовкѣ... Приѣзжая въ родной уголь изъ странъ самыхъ дальнихъ, въ ненастную осень, въ ужасный зимній холодъ, во всѣ времена моей жизни я находилъ ее всегда въ той же комнатѣ, за тѣмъ же столикомъ, раскладывающую пасьянсъ. Въ мигъ поспѣвало нѣчто согрѣвающее и насыщающее мой дорожный аппетитъ, и видъ этой мирной жизни и обстановки вносилъ успокоеніе въ мою душу, часто передъ тѣмъ истерзанную всіми тяжестями жизни и полную тоски...“

Це було р. 1885. І з того часу въ старому Ярошівському домі, серед „запущеннаго стараго сада, съ громадными дубами и ясенями, съ липовыми бесѣдками, съ чащами рибису, сирени, барбарису, съ разлогими живописными, но уже погибающими яблонями и грушами“, сада, в якому колись виспівував у стилі Жуковського „Хижину въ Ярошовскомъ саду“ „стихотворецъ-обыватель начала вѣка Иванъ Андреевичъ Горленко“, — живе Василь Петрович Горленко, самотній, оточений лиш своїми книжками. У багатьох листах скаржитися він Мирному на свою відлюдність, говорить, що господарство в нього йде недобре, що „зіяюція дыры“ трудно заповнити. Мимоволі рівняєш його до того-таки „стихотворца-обывателя“, який „отличаясь большою поэтической лѣнью, утопая въ волнахъ синяго дыма, несшагося изъ чубука его длиннѣйшей трубки, давно сдалъ все хозяйство на руки женѣ“, і коли вона кликала його, як „главу дома и верховнаго распорядителя по управленію“, щоб допоміг їй творити суд і розправу: — „Ахъ, другъ мой, дѣлай какъ хочешь, говорилъ онъ и спѣшилъ въ комнаты записать мелькнувшую въ умѣ счастливую рѣшму“¹⁾.

Отак і Горленко, якому ні на кого було скинути господарство, поспішав од усіх справ своїх до „безцѣнной литературы“. Він не був активним земським діячем. Коли спочатку він турбувався, що не підготований до діяльності земської, бажав ближче ознайомитися з усією справою, пізніше він скаржився, що треба їхати на вибори, щоб скинути пануючу „сѣверную партію“ — йому, „скептику и инвалиду земскаго дѣла“.

¹⁾ Украннекія были, стор. 58.

Дуже швидко побачив він безодню між своїми ліберальними поглядами й переконаннями прилуцьких та полтавських земців, що обстоювали на земських зборах різку для селян і пишалися своїми дворянськими привілеями. З огидою описує Горленко їх поведження та розмови на весіллі сусідів Новицьких у листі до Н. Стороженка. Проте не хотів він ніде служити і був пан, поміщик, що жив на кошти, які давав йому маєток. Це становище обов'язувало його бути „попечителем“ школи, переводити в школі іспити, слухати співи нового церковного хору, влаштовувати десь на посади дітей місцевого попа... Та, головне, мусів він провадити господарство. Отже він цього не любив і не вмів робити. Щоб мати прибутки, треба було віддавати господарству більше сил та уваги, треба було іншу вдачу мати.

Горленко-ж своєю вдачею був людина аж надто м'яка, легко було його обійти, обдурити. Землю оддавав в оренду селянам дуже дешево¹⁾; раз-у-раз проминав терміни, щось забував зробити.

Здоров'я було в нього надто не міцне. Часто-густо повідомляє він, що сидить або й лежить хорий. „Утлыя мои одежды не защитили моего злополучнаго тѣла во время поѣздки въ Кіевъ—и я простудился“... Не міг пересидіти у Рудченків вечір, як обіцяв, і „по какой простой причинѣ: просто прилегъ, прибитый усталостью, давая клятву, что всего на 5 минутъ и увы! проснулся въ 11 часовъ объятый ужасомъ, что пропустилъ поѣздъ!“

Можє з самотности склався меланхолійний та песимістичний склад душі. Він каже, що „въ существѣ подверженъ глубокой меланхолиі“ 27/VI 1896. „Надо ли на что-нибудь надѣяться, — сумно бренть мінорна нотка, — не благоразумнѣ ли, во избѣжаніе вѣчныхъ разочарованій, выкинуть это слово изъ своего личнаго, по крайней мѣрѣ, словаря совсѣмъ!“

З такою вдачею і „глупо чувствительною душой“ боротися з життям було не легко. Дуже швидко опинився Горленко в боргах у приватних осіб та банків, бо очевидно на землі й давніше був борг. З листів 90-х років знати, що матеріальні справи остаточно заплуталися. Вже в 1888 р. пише він з приводу фотографічної картки своєї на заміну одержаної од Мирного, що „въ отношеніи карточекъ я такой же вѣчный недоимщикъ, какъ по отношенію къ тѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ, съ которыми приходится имѣть мнѣ дѣло...“. Що далі, то все стає гірше—і вияснюється, що треба покинути існування пана, який живе рентою, треба почати систематично заробляти, чим умів,—а це й була саме улюблена література.

¹⁾ З слів сусід його Вас. Викт. Новицького та Ол. Марк. Киселя (пасинка Костомарова), яким складаю подяку за відомості про Горленка.

Василь Горленко, мати його
та сестри на початку 70-х років.

Увы, отъ южныхъ странъ такъ холодомъ несетъ,
Окуталъ милый югъ такой душевный ледъ,
Что хоть на сѣверѣ иди отогрѣваться.
Дя, югъ родимый мой, пора съ тобой разстаться:
Изноешь, пропадешь, надѣясь на тебя.
Довольно мукъ, надеждъ — пора спасать себя.

Все это отношу конечно къ обществу, т. е. лучше сказать къ отсутствію общества у насъ, отсутствію той среды, которая сдѣлала бъ возможной жизненную дѣятельность.

З листа 6/III 1890 до Н. Стороженка.

Так писав Горленко в 1890 р., не знаходячи в Київі чи Полтаві собі діяльності, що задовольнила-б його морально й матеріально. Листів до Мирного від початку 90-х років немає (їх очевидно загублено, бо не було перерви в листуванні), з кінця р. 1896 починає складатися думка, що єдиний вихід з цього було-б їхати до Петербургу і там знайти постійну літературну роботу (1896 2/IX).

Горленко й поїхав туди на початку 1897 року не так, як їздив колись — не надовго і не часто (після 1883 р., приміром, він їде туди лиш р. 1888 — місяця на 1½), а мусів „безмѣрно хлопоча и обманутый банковыми расчётами, принятъся за самую черную, постоянную газетную работу, среди которой провель все свое время“ (1897 р. 29/IV).

В-осени того-таки року він вирішив їхати до Петербургу для заробітку, але виїхати не міг: „Мои дѣла ни на волосъ не подвигаются, т. ч. не знаю, когда выѣду, и эта неизвестность, мѣшающая возможности хоть кое-какъ устроить свой бытъ, — убиваетъ меня. Вотъ что значитъ выбиться совсѣмъ изъ колени, какъ я, потомъ никакъ не попадешь на проѣздную дорогу. Увы, улы! колея очень нужный предметъ на свѣтѣ!“

І тільки в квітні 1898 р. він опинився серед газет та газетарів петербурзьких, одвойовуючи у них постійну для себе працю — „у этого народа все основано на спѣшкѣ и борьбѣ. Роль борца совсѣмъ не по мнѣ, да что подѣлать!..“

В грудні того-ж року матеріальна скрута була така, що „чуть-чуть не погибъ, большими личными усилиями, молитвами моихъ друзей и судьбой еще кое-какъ меня хранящей, я вынырнулъ изъ самой пучины...“ (6/XII 1898).

1899 рік був з цього боку поворотним. Поїхавши до Петербургу в безрезні місяці, Горленко таки одержав добру з матеріального боку роботу — рецензії в „Новомъ Времени“. „Я въ Петербургѣ съ 7-го (14/III 1899 р.). Хлопотъ по писанію сразу обрушилось на меня много и, вмѣсто того, чтобы послѣ моего Ярошевскаго одиночества побольше посмотреть и увидѣться съ людьми, подолгу долженъ просиживать въ своей меблированной комнатѣ, читая книги для рецензии. Но это у меня то же, что у Васъ служба — рецензии оплачиваются блистательно — 15 ¹⁾ коп. строка, такъ

¹⁾ А не 35 коп., як каже О. Дорошкевич у своїй статті „Поміщик і естет“ (Життя й Революція. 1925, XI).

что ими можно питаться, одѣваться, обуваться. За отсутствіемъ другихъ доходовъ, къ этому надо прибѣгать поневолѣ“.

Повернувшись з Петербургу, Горленко лае його, називає „болотною; ненавистною столицею“, та зазначає, що без нього обійтися для професійної літературної праці не можна (20/V 1899). „Безъ литературной работы не могу уже жить, а заработокъ отъ нея есть только тамъ...“ (27/V 1899).

Листи кінця цього року яскраво малюють неможливість залишатися в старому холодному домі, необхідність переселитися на „отхожі промыслы“, щоб існувати. „Я иду уже на все уступки, чтобы устроиться съ долгами и завоевать себѣ хоть какую-нибудь свободу передвиженій и дѣйствій“. На початку грудня Горленко на цілу зиму виїхав до Петербургу і з 1890 р. став постійним уже співробітником „Новаго Времени“, до якого „пощастило“ йому пристати, хоч мріяв він про „Русскія Вѣдомости“ (лист до Н. Стороженка), „но тамъ, говорятъ, полно“.

Змінилося життя Горленка зовнішньо, одірвався він од рідного краю і потроху починає губити звязок з ним, одходить від улюбленої, такої близької колись української справи.

Жити в Петербурзі було йому дуже тяжко. Вічна матеріальна незабезпеченість, гірше того — борги висять над ним постійними термінами, держать його весь час у напруженій необхідності мати гроші для виплат. З цього часу листи до Мирного міняють трохи свій характер. Давня приязнь з Пан. Як. Рудченком та його родиною, становище Рудченка, як значного полтавського урядовця, зробили його постійним виконавцем різних ділових доручень. Часто-густо цілий лист мало не весь заповнено справами і, хоч Горленко журиться: „какое несчастье, что нельзя писать и не говорить о дѣлахъ!“ або „все письмо наполнено несносными дѣлами въ то время, какъ хочется совсемъ о другомъ говорить съ Вами!“ (2/XII 1899), проте в кожному листі прохає то зайти до банку, то передати комусь план землі. Підписи під цими листами дуже характерні: „Обнимаю Васъ и остаюсь любящій Васъ мученикъ жизни... и банка“ або „обнимаю Васъ и остаюсь любящій, безсовѣстный, назойливый, но благодарный...“.

Листи повні безнадійної втоми. „Чтобы жить не имѣя другихъ источниковъ дохода, кромѣ построчной платы, и при страшной петербургской дороговизнѣ, можете себѣ представить, сколько надо писать, а писавши о книгахъ, сколько надо читать для этого“ (11/I 1900). „Я провожу зиму въ какомъ-то чаду отъ постоянной мысли о срочномъ писаніи, средь постоянного чтенія книгъ, и все это наскоро, къ спѣху!“ (30/III 1900).

А треба було все-таки жити й робити там, бо що могла йому дати літературна праця в Полтаві чи Києві? Він писав для „Полт. Вѣдомостей“ один час що-неділі статті, з оплатою 3 коп. рядок, так що, щоб заробити, треба було, як він казав, „завѣдомо писать много балласта“. Горленкові-ж, що його твори вражають завершеністю, смаком — це надто тяжко було робити. Що давали йому його власні книжки, розповідає він Мирному

в відповідь на те, що в Полтаві вважали за надто високу ціну „Українських былей“ (27/V 1899).

Живучи тепер зиму в Петербурзі, Горленко переносить і на літо в Ярошівку свою працю рецензента „Нов. Времени“. Сюди висилають йому книжки, і нема коли писати на теми українські. Хоч видав він перші дві книжки свої на самім кінці 90-х років, та були то статті давніше написані. Для „Кіевской Старини“ в 90-х роках написав він ще 21 статтю, в 900-х — тільки одну.

Крім рецензій, пише він тепер статті для розкішних видань, таких як видання Дягілева або Історія кавалергардів.

Проте почуває Горленко, що якось недобре, не так як треба, стоїть він що-до справи української. Він не перестав цікавитися, як і попереду, українською літературою, цензурними утисками її, підтримує звязки, зав'язує нові (з Грінченком та Єфремовим, наприклад, у 1901 р.), а проте пише Мирному (6/V 1901 р.): „о литературных малороссійских новостях мнѣ надо Васъ спрашивать, ибо я возился все только съ русскими и иностранными по должности моей“.

Отже на початку нового віку тимчасом розцвітала українська справа. Засновано було Р. У. П. та інші політичні партії, змінила своє обличчя „Кіевская Старина“, досить вільно став розходитися по Україні „Літературно-Науковий Вістник“. Тісніше сконцентровані громадські сили стали проявляти себе при нагоді.

Один з таких моментів було відкриття пам'ятника Котляревському в Полтаві. Значіння цього свята, що до серця глибоко відчув самовидець і активний учасник його С. Єфремов, яскраво одмічено двома його статтями¹⁾. Звідти і пізнаємо усю глибину і зміст тодішнього протесту українців, що зійшлися звідусіль шанувати Котляревського. Виявився той протест, як відомо, тим, що голосно було заявлено обурення проти міністерської заборони української мови на святі для російських українців, з вимогою занести протест до протоколу. Публіка-ж вийшла з залі демонстративно. Протест було підготовлено на випадок заборони, і умову вийти з залі склали видатніші українські діячі числом від 30 до 50, а протест вийшов гучний, бо залю покинула вся маса народу, що була на урочистому засіданні, голосно протестуючи.

З приводу цього свята, центром якого безперечно був цей інцидент, що, на думку С. Єфремова, поклав початок свідомості не одного з пізніших видатних українських діячів, які після того стали рішучими борцями за українське відродження, — в лист Горленка з 7/IX 1903 р., перший після свята. На ньому Горленко був присутній, як кореспондент „Нового Времени“.

В листі тому ні слова про інцидент. Горленкові все подобалося, і на перший план він висуває голову та членів Управи, як тих, що

¹⁾ С. Єфремов, Праздникъ украинской интеллигенции. К. Ст. 1903, X, 168—202. С. Єфремов, 3 гадок самовидця, Привіт Ів. Франкови в сорокліте його письмен, праці. Літер.-Наук. Збірник, Львів 1916, стор. 169—176.

придбали собі вічну вдячність од усіх друзів батьківщини. (Дуже цікаво порівняти цей лист Горленка з листом Познанського до Вашкевича, в якому описано свято й інцидент)¹⁾.

У листі своєму Горленко скаржитися, що „Новое Время“ не надрукувало його телеграму з Полтави в 300 слів. В № 9874 „Нов. Времени“ 31 серпня 1903 р. вміщено повідомлення замість забороненої телеграми. Всього три рядки — „Съѣздъ на торжество огромный, невиданное оживленіе...“ Дальший лист до Мирного з 24/IX починається так: „Если въ чемъ напуталь, писавши о ‚замѣчательныхъ‘ Полтавскихъ дняхъ, то не вините меня... Я вѣдь не зналъ закулисной стороны дѣла, писалъ такъ, какъ видѣлъ. Городского голову можно обвинять въ томъ, что онъ, или не знаю кто, послали запросъ въ Министерство о томъ, можно ли читать малорусскія привѣтствія. Вообще же онъ, кажется, славный и хорошій старикъ“. В № 9882 „Нов. Времени“ 8/IX вміщено кореспонденцію Горленкову. У ній з властивим йому хистом, у гарному його стилі описано свято, підкреслено найкращі моменти з боку літературно-наукового, — самий-же інцидент громадського значіння описано такими словами: „Многія привѣтствія были написаны по малорусски, но чтеніе перваго же изъ нихъ было остановлено. Удивленная публика молча оставила залъ засѣданія, и оно было закрыто. Непрочитанными осталось 19 привѣтствій“.

Певна річ, Панас Мирний не міг бути задоволений з такої кореспонденції...

1904 рік був надто тяжкий для Горленка: він пролежав кілька місяців у лікарні, хорий на плеврит. Задумав був продати селянам-сусідам частину землі, та банк, що мав дати їм позику на купівлю, затримував справу з огляду на попередні борги Горленка. Один з кредиторів Горленка став вимагати вдруге оплати векселя, по якому 13 літ тому вже було виплачено... Хорий, з Петербургу не маючи змоги стежити за всіма деталями справи, Горленко проминав терміни, призначені од суду на розгляд справи, турбувався і писав Мирному листи-доручення.

Війна з Японією викликала у Горленка абсолютно негативне відношення, була для нього справжньою мукою.

З 1905-го року, на жаль, надто небагато листів, щоб яскраво уявити собі весь настрій Горленка, проте досить, щоб ухопити головні його елементи. З першого листа, 11/III, знати, що не писав Мирному з осени попереднього року, значить великі події початку 1905-го року були пережили приятелі окремо, без обміну думками з їхнього приводу. В цім листі в дуже важливе завваження: „Усиленно добивался выхода при себѣ въ Петербургѣ книжки своей ‚Отблески‘, да такъ и не дождался... Въ ней собрано 28 статей изъ сотенъ (буквально) написанных мною въ „Нов. Врем.“ за семь лѣтъ работы. На эту работу я былъ вынужденъ обстоятельствами. Сколько нареканій и клеветъ претерпѣлъ я за нее. Между тѣмъ я не написалъ ни одной строки, противной моимъ убѣжденіямъ

¹⁾ Дав. примітку до листа 24/IX 1903 р.

й нечестной. Дѣлю идетъ о томъ, гдѣ я пишу. Какъ смотрѣть на это, скажите прямо? Я наканунѣ очень опредѣленнихъ рѣшеній“.

Та так тільки „наканунѣ рѣшеній“ він і залишився.

Два моменти в цьому році доводять його признання: „отбился я отъ нашей публики“, що він робить в останньому з листів до Мирного 23/XII 1905 р.

В серпні 1905 р. відбувся Археологічний з'їзд в Катеринославі. З приводу його обмінялися листами Мирний і Горленко. На жаль, немає листа Мирного, та з Горленкового листа-відповіді знати, що Мирний повідомив його про намір українців протестувати на з'їзді проти того, що не було запрохано вчених з Галичини.

Дуже палко починає Горленко свого листа: „Я їду въ Екатеринославъ въ субботу 13-го авг. Письмомъ Вашимъ весьма взволнованъ, совершенно несогласенъ (при всей любви и уваженіи къ Вамъ) съ доводами этого письма и спѣшу ствѣтить“. Він доводить далі, що з'їзд матиме таке колосальне значіння, таку велику користь для краю, що зривати його було-б злочином, а закінчує тим, що не буде чинити нічого проти тих, хто протестуватиме, але й з ними не буде.

Доводи дуже серйозні, це певно є щире його переконання, бо й попереду в листах він зазначав, що якір просвіта, ухиляючися від політичної праці. Згадується тут подібний погляд сучасника нашого, Ромен Ролана, на вічні цінності, що вищі за боротьбу сьогоднішнього дня. „В живому громадському організмові, каже він (Клерамбо), завдань багато. Тимчасом як ядро армії б'ється за-ради негайного завоювання прогресу—інші мусять піддержувати вічні цінності, що вищі і за завтрішніх і за вчорашніх переможців. Своім світлом ті цінності випереджають усіх,—саяво, що йде від них, освітлює шлях далеко вперед,—ген по той бік диму бойовиська“.

Говорячи таке, не треба бути ні в одному з таборів, що б'ються. Отже, Ромен Ролан фактично, своїм життям став *au-dessus de la mêlée*, а Горленко віддав своє ім'я найчорносотеннішій газеті, і якщо може й дійсно не написав у ній нічого своїм переконанням і сумлінню противного, то залишався в ній у той момент, коли кожний прогресивний людині треба було одійти геть від того гнізда шовінізму, насильства та переслідування всякого прагнення до свободи і зокрема свободи національної. А від „Нов. Времени“ й за кореспондента був він на Катеринославському з'їзді.

Другий момент—коли Мирний запросив його до участі в „Рідному Краю“. В останньому з тих листів, що ми маємо, 23/XII 1905 р., дає він відповідь на це запрошення і робить сам собі характеристику таку-ж влучну, так само чудесно зформуловану, як те він робив для інших людей, авторів, творів,—блискучий рецензент, що набив руку на означеннях коротких і виразних. „Вообще я изломанный, искалѣченный (понівечений), плодъ истории, обломокъ дворянства, съ нѣкоторыми сносными, но и со многими несносными его сторонами. Я трагически сознаю все это, но не могу уже переѣмниться...“.

Так розв'язується поставлене в мене вище питання: чи забув Горленко, чий він син? Якщо не забув, якщо й не „закрив очей“ на національне питання (лист 12/V 1900 р.) — то одійшов од нього, „отбился отъ своей публики“ (23/XII 1905 р.).

Перечитавши всі листи Горленкові до Мирного, пересвідчиться кожен, що за єдину причину співробітництва Горленка в „Новомъ Времени“ був надто прикрий його матеріальний стан.

Отже були й інші чинники до того, що Горленко потроху одійшов од української справи.

Насамперед, треба завважити, що та, невідома авторові Горленкового некрологу особа, що вплинула на молодого Горленка, як приїхав він із-за кордону, — був Костомаров, привідця групи українців, неприхильно настроєних проти всякого протесту, замкнених у рамці літератури для „домашняго обихода“, безполітичної культури.

В статті Горленка „Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ“¹⁾ читаємо таке: „Лѣто 1883 г. Н. И. Костомаровъ проводилъ въ Полтавской губ. въ с. Дѣдовцахъ подъ Прилукой. Познакомившись съ нимъ, года за два передъ тѣмъ, въ Петербургѣ и живя недалеко отъ Дѣдовецъ, въ тѣхъ мѣстахъ я былъ кажется единственнымъ изъ посѣтителей его петербургскихъ вторниковъ. Эти вечера въ квартирѣ его на 9-ой линіи Вас. остр., гдѣ онъ прожилъ 25 лѣтъ, останутся навсегда памятными посѣщавшимъ ихъ. Въ этомъ уютномъ уголкѣ, откуда безчисленныя книги почти вытѣснили хозяина, все съ перваго взгляда напоминало родину... Тамъ чудился какъ бы уголокъ далекаго, родного края...“.

Молодий, блискучий, повний широких літературних та мистецьких інтересів, співробітник „Фігаро“, познайомився з Костомаровим р. 1881; якщо й не він перший вплинув на Горленка, то все-ж не можна не думати, що на тих вівторках склалися його погляди. Тою стежкою й пішов Горленко²⁾.

За другого чинника був указ 1876 р. Як відомо, § 2 його звучить так: „печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малорусскомъ нарѣчій воспретить“. Отже молодий журналіст був багато обдарований для того роду літературної роботи, що як-раз був заборонений для друку: ні оригінальних статтів, ні перекладів. Значить — щоб не мовчати, треба було писати російською мовою.

Та не був він тут якийсь виняток, співробітникував-бо в „Кіевской Старинѣ“. Треба згадати, що брати Рудченки, які склали письменницьку братську спілку, листувалися російською мовою, і всі примітки та уваги в рукописах спільної праці — українського роману, робили так само мовою російською.

¹⁾ Южно-русские очерки и портреты, стор. 111.

²⁾ Як ставився він до Костомарова, виявляє він у листі до Н. Стороженка: „Я принялся за работку „На могилу Костомарова“... Мнѣ бы хотѣлось оторвать кусокъ сердца и бросить на эту могилу“. 20/IV 1885.

Ще одне. Горленко був письменник професіонал. Отже під тиском цензурних заборон українські автори не могли голосно промовляти до свого народу. Під тиском загальним не міг народ виділити з себе читача, якому приступні були-б писання Горленка, з його блискучим стилем, з його темами в сфері мистецтва. Він писав про себе: „я люблю болѣ тонкое, болѣ рѣдкое. А для популярной литературы надо здоровое, простое“. В умовах тодішнього українського життя Горленкові було тісно й нудно. „Да, югъ родимый мой, пора съ тобой прощаться, изноешь, пропадешь, надѣясь на тебя...“. Отже, одбившись од своєї публіки в справах літературних, почавши „возиться по должности своей съ русскими да иностранными новостями“, Горленко де-в-чому наблизився до табору ворожого, і власне це було розгортання отих „несносныхъ сторонъ“ дворянства і зміцнення всієї тої позиції, що через вищенаведені причини займав Горленко.

Він, що, будши дворянином та землевласником, такий далекий був і поглядами своїми і всім укладом життя, повного високих духовних інтересів, од поміщицької ідеології, він, що поки мав змогу — поринав цілком у „безцѣнную литературу“, замість дбати про прибутки в господарстві та прибуткову експлоатацію своєї землі, а пізніше жив, „обувался и одѣвался“ з дуже нелегкої праці газетяра — з революцією 1905 р. опинився значно ближче до тієї ідеології, ніж того можна було сподіватися на підставі всіх фактів його життя.

Якщо в листах до Мирного, що уриваються на 23/II 1905 р., не відчувається ще крайнього розвинення тої ідеології, то в листах його до О. М. Куліш р. 1906-го, цитованих у О. Дорошкевича ¹⁾, її знати вже дуже виразно.

Проте закінчуючи таким сумним акордом опис Горленкового життя, хочеться нагадати, що, одбившись од своєї публіки, Горленко страждав від цього, що він свідомий „несносныхъ сторонъ“ свого дворянства й трагічно це переживав.

На півночі, куди поїхав він ратувати себе, не мав він ні слави, ні грошей, ні становища. Жив у зненависній, шаблоновій, на його думку, столиці, в огидній йому „меблированной комнатѣ“, замість спілкування з людьми, завалений безліччю книжок, які треба було, наперекір його вдачі, нашвидку рецензувати; мав невдячну ролю газетяра, що писання його завтра нікому не буде потрібне, і до того-ж ніколи не був морально спокійний, відчуваючи ніяковість перед своїми, яких надто шанував.

Є. Рудинська.

ЛИСТИ В. ГОРЛЕНКА.

С. Ярошовка

Прилуц. уѣзда. 12 августа 83 г.

Не разъ и не два собирался я писать Вамъ, многоуважаемый Афанасій Яковлевичъ и почему то все откладывалъ. А между тѣмъ надо было еще оправдаться передъ Вами. Комаровъ въ Кіевѣ весной говорилъ мнѣ о письмѣ Вашемъ къ нему, гдѣ вы опровергаете слухи объ имѣющихся у Васъ написанныхъ произведеніяхъ, слухи распространенные будто бы мной. Тутъ виноватъ самъ Комаръ, увѣряю Васъ. Какъ библіографъ и издатель онъ выпытывалъ у меня, узнавъ, что я видѣлся съ Вами въ Полтавѣ, о томъ, что у Васъ есть. И я говорилъ ему о томъ, что читалъ самъ, т. е. о разсказахъ изъ „Правды“ и „Повіѣ“, котор. тогда еще не выходили. „Правда“ эта есть у него в библіотекѣ, но вѣрно, какъ всѣ библіографы, онъ больше любитъ заглавія, чѣмъ самыя книги и, занеся названья разсказовъ въ свои списочки, онъ успокоился и самыхъ разсказовъ не читалъ. Вотъ какъ все вышло и я не прибавлялъ ничего болѣе. Что касается моего пристрастія къ Вамъ, то въ немъ позвольте мнѣ не оправдываться, т. к. оно исходитъ изъ чистаго источника, увѣряю Васъ. Прошу Васъ также не разсердиться за нѣсколько словъ о „Повіѣ“ в „Кіевск. Старинѣ“¹⁾. Я вполне сознаю, какъ недостаточна и плоха эта замѣтка для романа, но я думалъ что кто-нибудь долженъ былъ отозваться и, зная неподвижность и лѣность Кіевлянъ, я рѣшился это сдѣлать. Между тѣмъ я оказался выразителемъ мнѣнья многихъ. Ник. Ив. Костомаровъ (живетъ все лѣто в Прилуцк. уѣздѣ) не менѣе увлеченъ „Повіей“ (грѣшокъ почтенный въ его лѣта). Онъ находитъ большой шагъ впередъ въ отношеніи концепціи и проч. передъ „Волами“, котор. онъ читалъ также. Его похвалы силъ и языку не передаю вамъ, щадя Вашу скромность. По содержанію онъ ихъ сравниваетъ съ Левицкимъ, а по языку съ Квиткой, у кот. много Харьковщины. Въ Кіевѣ у того же Комарова мнѣ случилось прочесть Вашу рукопись „День на пастивнику“ (2-го разсказа я не успѣлъ прочесть). Оставляя пока бесѣду объ этомъ прекрасномъ психологическомъ этюдѣ, я по его поводу, попрошу Васъ объ одномъ: у Васъ есть тамъ князь Ратіевъ. Одинъ Ратіевъ жилъ въ Миргородѣ и былъ женатъ на моей родной теткѣ. Онъ умеръ теперь, но живы его сыновья. Если Вамъ все равно замѣнить эту фамилію какою-нибудь другою, то будьте добры это сдѣлать. Для меня

¹⁾ К. Ст. 1883. 6. ст. 366—370.

собственно это безразлично, но сыновья его будутъ въ отчаяніи, т. к. их однофамилецъ в разсказѣ играетъ далеко не симпатичную (и даже вызывающую морозъ по кожѣ) роль. Впрочем если характеръ взять изъ дѣйствительности, то я беру назадъ свою просьбу.

Неожиданно я попалъ въ земскіе дѣятели и 2-го октября буду на губернск. собр. в Полтавѣ. Это дастъ мнѣ удовольствіе Васъ видѣть. Что касается самага дѣла, т. е. собранія, то мнѣ лучше бы не являться туда. Мнѣ хотѣлось подготовиться, пошляться по губерніи, приемотрѣться къ жизни и собрать кой-какія свѣдѣнія и факты. А пришлось все лѣто просидѣть дома и только развѣ сентябрь будетъ въ моемъ распоряженіи. На дняхъ я встрѣтилъ на ближайшей станц. жел. дор. Ольгу Петр. Косачъ, ѣхавшую из Гадяча, она говорила, что Вы приѣзжали в Гадячск. уѣзд, но что она не встрѣтилась с Вами. А Вы были там по поводу переселеній. У насъ записываются теперь также многіе на Амуръ. Какъ кажется это идет к губернатору на утвержденіе. Хорошенько ничего не разберешь.

Полтаву можно поздравить съ очень порядочной земскою газетою. Право, могло бы появиться нѣчто безконечно худшее. Что касается „Кіевск. Стар.“ то ее прижали и „внушенія“ и обстоятельства. Получили ли Вы зимой книги Ваши, мной возвращенныя посылкой из Кіева? В Петерб. я нашел у одного букиниста нѣсколько рѣдких старых малорусскихъ изданій и три брошюрки послал для Вашей библіотеки. Вѣроятно их у Вас не было. Не прогнѣвал ли я Вас этой посылкой? В Петерб. я познакомился с Вашим братом котор. видѣлъ потом и в Кіевѣ.

Если у Вас найдется немножко времени то очень обяжете написавъ. Мой адресъ таков: по Либаво Роменской ж. д. Ст. Дмитровка. В. П. Горленку в с. Ярошовку. Истинно уважающій Вас.

В. Горленко.

19 августа 1885.

Ярошовка.

Извините, дорогой Афанасій Яковлевичъ, что не сопровождалъ свою посылку ни строкой. Для отправки ее на почту я уловилъ „оказію“ (такъ какъ ловлю и для этого письма) а потому написать не успѣлъ. Я собралъ столько номеровъ „Зори“ и „Буковины“ сколько у меня было, чтобы по нимъ Вы составили хотя нѣкоторое представленіе объ этихъ газетах. Но извѣстна судьба газетъ. Послѣ чтенія с ними поступаютъ такъ невѣжливо, что дѣлается вчужѣ страшно за бѣдныхъ авторовъ „передовицъ“ и фельетонов! Писавши самъ в газетахъ я знаю что это авторамъ непріятно и так не поступаю. „Зорю“ просто потерялъ при переѣздѣ изъ Кіева, а „Буковины“ не получилъ первыхъ номеров, т. к. они разошлись уже въ редакціи, когда я газету выписалъ. Вотъ славная, чисто народная газетка. Федяновичъ ведетъ ее талантливо. В посланныхъ номерахъ не было к сожа-

лѣнію начала его повѣсти. Я ее читал всю—сентиментально очень, но читаешь с удовольствіем, хотя Федьянов, страшно повторяется. У него вездѣ одни и тѣ же лица и в голосѣ двѣ-три ноты хотя и чистыя. Опять по моей же винѣ Вы не получили начала „В гостях добре, а дома лучше“, представляющей интерес, как попытка современнаго политическаго галицкаго романа. Как нашли Вы очерк Пчилки? Из новостей у них вышли отдѣльным издан. повѣсть какого-то Красюченки „Юрій Горовенко“ и выйдут рассказы Франка „Галицки образки“.

„Сулимовскій Архивъ“, если пожелаете, прошу Вас оставить в Вашей библіотекѣ. Лазаревскій, редакторъ онаго, всучил мнѣ три экземпляра. Его цѣль была распространить книгу между интересующимися. Перелиставши сборникъ, Вы не удивитесь, конечно, что „большая“ публика не покупаетъ его.

Питаю твердую надежду быть въ Полтавѣ в первых числах сентября. Съ великой охотой буду читать „Перемудрив“ и без лукавства выскажусь о ней, если мое мнѣніе имѣет какое нибудь значеніе. Недавно я видѣлся съ Костомаровой. Она собирается издать этой зимой сборникъ в память о Ник. Ив. (на степендію или премію в Харьковск. унivers.). Там будетъ въ началѣ нѣсколько главъ его послѣдней повѣсти, писанной за недѣлю до смерти и малороссійское его стихотвореніе. Остальное будетъ из статей о нем или касающихся областей его симпатій, русских и малороссійских (имѣющіе уши слышати, да слышать!). Редакція будет не дамская (что есть сушая погибель) а Пыпинская и Мордовцевская.

Представьте Ваша полтавская Милорадовичка прислала два вѣнка на гробъ Никол. Ив. — оба поразительной красоты и роскоши. Ее никто за это, конечно, не благодарилъ, но любопытна психологія этой женщины. Как и во имя чего сдѣлала она это?

Пока я еще в Ярошевкѣ, а потому сюда и адресъ.

Искренно Вам преданный

В. Горленко.

Петербургъ 25 февр. 88 г.

Сто лѣтъ не писалъ к Вамъ, дорогой Афанасій Яковлевичъ, и вотъ пишу изъ Петербурга. Я здѣсь с недѣлю, пробуду еще съ мѣсяцъ до обратнаго возвращенія в Кіевъ. Есть много предметов для занятій в Публичной Библіотекѣ и кое-какіе литературныя дѣла вообще. Петербург за пять лѣтъ, что я не был, на мой взгляд не измѣнился ни на волосъ. Та же казенщина и отчужденность отъ настоящей жизни страны, тотъ же замороженный, однообразный, как бы „подъ орѣхъ“ сдѣланный бытъ. Я засталъ здѣсь Старицкаго съ трупной и третьегодня был на представленіи новой его пьесы „За друга“ (Драма в 5 дѣйств.). Это что-то невозможное. Рѣдкое дѣленіе дѣйствующих лицъ — на добродѣтельных и порочных, аляповатость и рогожа на каждом шагу, фальшь полнѣйшая и очень часто бала-

ганъ, на потѣху райка. Постановка позорная. Пещане и пещанки вмѣсто народной толпы. Состав труппы ничтожен. Кромѣ Манька, Касиненка и отчасти Вѣриной — не на кого смотрѣть. Примадонна копируетъ Заньковецкую, но усилія ея жалки. В общемъ для малоросса видѣть труппу Старицкаго невыносимо. Посѣщаютъ спектакли преимущественно русскіе. Полезная сторона дѣла все таки та, что труппа поддерживаетъ в русском обществѣ представленіе и сознаніе о Малороссіи какъ о чемъ то самостоятельномъ и отдѣльномъ. Въ этомъ отношеніи, во взглядахъ толпы замѣтно нѣкоторое улучшеніе. Благомыслящіе люди понимаютъ разницу двухъ трупп той — настоящихъ художниковъ и этой, бьющей на дешевый успѣхъ.

Сегодня сдѣсь служатъ панихиду по Шевченку в Казанскомъ Соборѣ. Каждый годъ таковая совершается безвозбранно. А в Кіевѣ, воображаю, какъ ищутъ теперь наши друзья забытую церковь на окраинѣ города, гдѣ бы можно сойдтись. Да и сойдутся — ли? но все таки Кіевъ остается великимъ, единственнымъ очагомъ нашихъ дней. Безъ него ничего бы все таки не было. Направляйте же туда высокія произведенія Вашего духа, Вы, избранные Богомъ люди. Пишите же ради Творца „Повію“, несравненный изобразитель нашей жизни. По извѣстіямъ изъ Кіева „Старина“ получила уже разрѣшеніе на возникновеніе. Какъ то поведутъ этотъ единственный органъ нашего самосознанія новые люди? Въ старой редакціи были недостатки, но многое было заслуживавшее одобренія. Новый издатель самъ безусловно глупъ. Все будетъ зависѣть отъ тѣхъ, кто на него будетъ имѣть ближайшее вліяніе.

Напишите мнѣ, дорогой Афанасій Яковлевичъ. Сборникъ с Вашей вещью во главѣ, я здѣсь представляю в цензуру. Адресъ мой таков: Большая Итальянская д. № 15 кв. 23. Пробуду здѣсь я думаю не больше 20-хъ чиселъ марта. Виктору Ив.¹⁾ мой поклонъ. Искренно Васъ уважающій

В. Горленко.

Петербургъ.
10 марта 88 г.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Спасибо большое за карточку, котор. наконецъ Вы собрались сдѣлать. Расквитаюсь с Вами изъ Петербурга же т. к. в отношеніи карточекъ я такой же вѣчный недоимщикъ, какъ и по отношенію к тѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ, с кот. мнѣ приходится имѣть дѣло. Старицкій с своей компаніей сегодня уѣзжаетъ в Варшаву. Послѣдніе спектакли его были удачныя, а по сборамъ и всѣ вообще были не плохи. У него есть нѣсколько пьес, котор. хорошо идутъ на сценѣ (безъ выдающихся артистовъ, конечно). Вашей пьесы я не видѣлъ, т. кк. ее давали еще до моего пріѣзда, но я раз-

¹⁾ Викт. Ив. Василенко, статистикъ і этнографъ, відомий полтавський громадський діяч, близький приятель П. Мирного.

спрашивал о ней у одного знакомого артиста и вотъ тѣ свѣдѣнія, котор. онъ мнѣ повѣдалъ: Первый разъ „Крути та не перекручуй“ дана была в Воронежѣ с большим успѣхомъ (вездѣ я повторяю его слова). Послѣ этого Старицкому вдумалось еще „поправить“ пьесу. В измѣненном видѣ она шла в Нижнем-Новгородѣ — не знаю с каким успѣхом. В Москвѣ успѣх ее был большой. Пьесу дали 14 раз, причемъ один раз в бенефисъ Манька, артиста, которого в Москвѣ невѣроятно любятъ. Онъ играетъ писаря (я не помню что за такое лицо в пьесѣ?) и говорятъ дѣйствительно превосходен. В Петерб. дана была 1 раз и успѣха не имѣла. Передѣлки, говорят, против печатнаго текста огромныя. Как и в каком смыслѣ сказать не могу, т. к. не видѣл. У Старицкаго я видѣл „Ніч пид Ів. Купала“ (сдѣлан. по пьесѣ „Шабельской“, за что чуть не было процесса) „Утоплени“, за постановку котор. Лысенко тянет Стар. к суду, т. е. другой впрочем своей оперы, но и эта шла не лучше, и „Не ходи Грицю...“ измѣненное и превращенное в жестокую мелодраму. Стар. написал „Хмельницкаго“, в формѣ хроники. Цензура не пропустила. О достоинствѣ вещи ничего не знаю. Я встрѣтился здѣсь с Ів. Яковлевичем¹⁾, прїѣхавшим из Остзейских стран — и был у него. Сдѣлал он громадную работу, а петербургск. чиновничество расписалось в своем безспіи, выписав для трудной работы человека за 1700 верст находившагося. Из Кіева пишут, что „Старина“ выйдет между 10—15 марта огромною (за три мѣс.) книгою с статьями Житецкаго (часть его изслѣдованія о стар. литературѣ), Антоновича, Лучицкаго, Буданова, и других. Матеріалов говорят, есть уже до іюня... Дай Богъ, чтобы она цвѣла и процвѣтала! Я пишу здѣсь для нее по заказу, пользуясь сокровищами Публичной Библіотеки.

Сборникъ еще не представленъ в цензуру. Ваша вещь помѣщена во главѣ — как произвед. самого сильного современнаго писателя, хотя (помните?) я тоже тосковал объ отсутствіи в ней человѣчковъ, искренно любуясь описаньями и мыслями этой вещи. Познанскій зрадывъ и не прислал „общаннаго опыта“, а вмѣсто того маленькій анекдотическій разсказ, котор. не знаю можно ли и ставить в книгу.

Если черкнете до 20-х чисел. марта — то в Петербург. Если послѣ — то в Кіевъ (Рейтарская д. 8). Что такое Вашъ новый разсказъ? „Повію“ же все таки видѣть мы жаждемъ.

Истинно Вас уважающій.

В. Горленко.

Кіевъ 10 мая 88 г.

Сто лѣтъ не писал Вамъ, дорогой Афанасій Яковлевич, теперь хоть передъ отбѣздом из Кіева пишу Вам. Выѣду я 14-го и, если напишете мнѣ, то адресуйте пожалуйста письмо на ст. Дмитровку и т. д. А я на-

¹⁾ Старший брат Мирного — І. Як. Рудченко — (Білик), що в той час був Управителем Казенної Палати в Херсоні.

дѣюсь что Вы напишете и вот почему: мнѣ надо знать, дадите ли Вы разрѣшеніе передать Вашъ, у меня находящійся, очеркъ „День у дорози“ в готвящійся Кіевскій сборникъ. Меня подкузьмилъ окончательно Познанскій ¹⁾ не приславшій обѣщанной работы. Оказалось что причины на то были очень основательныя. Над ним стряслась бѣда по доносу на него

¹⁾ Додаю лист В. Горленка до В. Познанського, що я знайшла в листуванні до нього.

20 мая 87 г.

Ст. Ярошовка Прилуцк.
уѣзда Полтавск. губ.

Милостивый Государь
Борисъ Станиславовичъ!

Простите, что не имѣя чести знать Васъ лично, обращаюсь къ Вамъ по слѣдующему литературному дѣлу.

Обреченное на альманахи и сборники малорусское издательство собирается на новую попытку этого рода. Нѣкій ревнитель украинской письменности даетъ средства на изданіе сборника и пригласилъ меня собрать и упорядочить необходимый матерьялъ. Главнымъ отличіемъ отъ недавно выходившихъ альманаховъ я предположилъ полное отсутствіе хламу и балласту, жестокое гоненіе на вирши про долю и иныя излюбленныя матеріи и преобладаніе чисто народнаго элемента. Предполагается выпустить подъ однимъ общимъ заглавіемъ, разомъ, два изящныхъ томика: 1) этнографическій 2) литературный. Въ этнографическій войдутъ важнѣйшіе матерьялы изъ записанныхъ и собранныхъ послѣ выхода большихъ малорусскихъ сборниковъ. Все помѣщаемое здѣсь будетъ впервые въ печати: вновь записанные варианты думъ (съ комментаріями) историческихъ пѣсень, балладъ (пѣс. объ извѣстныхъ, но не историческ. лицахъ, лицахъ бытовой исторіи) народные разказы (между прочимъ новость: о крѣпостномъ правѣ), старыя легенды и т. п. Кромѣ рукописей для этого томика послужатъ выборки лучшихъ вещей, собранныхъ на Украинѣ польскими этнографами (какъ напр. Эд. Руликовский, Мошинская и др.) и помѣщенныхъ въ изданія Краковской академіи, а также кое-что изъ рѣдчайшихъ провинціальныхъ періодическ. изданій и книгъ. Большая часть матерьяловъ для этого тома уже собраны.

Во второмъ, литературномъ томѣ предполагаются только беллетристическія вещи, удовлетворяющія очень строгимъ литературнымъ требованіямъ. Такъ какъ оба тома займутъ не болѣе 15—16 листовъ, то 2-й томъ будетъ около 8 лист. и в него войдутъ не болѣе шести авторовъ. „Въ портфель“ лежатъ уже: „День у дорози“ П. Мирного, очень оригинальная поэмка, одной вновь объявившейся въ Кіевѣ, поэтессы и 4 превосходныхъ стихотвореній Щоголева. Будетъ еще одна безтенденціозная проза Кулиша и, можетъ быть, очеркъ Номаса. И.... можетъ быть, что нибудь Ваше! Съ тѣхъ поръ какъ Вы напечатали в „Кіевск. Старинѣ“ первые очерки 60-х годовъ. Вы, безъ всякой лести, — стали сразу въ первомъ ряду южнорусскихъ писателей. Прекраснѣйшіе Ваши описательные этюды въ „Зорѣ“ показали, что украинскія Ваши работы также свѣжи и хороши, какъ и русскія. Вездѣ — яркость и правда изображеній, искренность, при высшей простотѣ и благородствѣ письма. Вездѣ — живая и добрая душа и зоркая наблюдательность. Нечего и говорить, какъ цѣнно было бы для предполагаемого сборника Ваше участіе. Если Вы напишете этнографическій очеркъ (по малорусски) — поклонимся низенько, если позволите перепечатать изъ „Зори“ „Весну в украинск. селѣ“ или „Чумаковъ“ — пособи́те много, но если напишете беллетристическій разказъ, очеркъ, этюдъ, — то подарокъ Вашъ будетъ несравненнымъ. Какъ Вы видѣли изъ перечисленія содержанія, почти половина авторовъ сборника принадлежатъ къ старому поколѣнію малорусск. писателей. Кромѣ кіевской поэтессы, изъ новыхъ — одинъ Мирный! Никто болѣе меня не цѣнитъ его огромнаго таланта, но, на бѣду, онъ неисправимый пессимистъ. Это міровоззрѣніе имѣетъ конечно вполнѣ законныя основанія, но въ начинающей или молодой литературѣ оно зву-

воронежских панов как на адвоката крестьян. По этому дѣлу он ѣздил даже в Петербург — не знаю что из этого вышло. Как бы то ни было, но мой планъ рухнулъ пока (т. к. нельзя было достать скоро работы, котор. с достоинством дополнила бы сборникъ). Издатель мой остается при своей готовности дать фонды и проэктъ изданія остается. Этнографическая часть тоже пойдетъ в ход, но литературной оказалось мало для книжки. Напишите мнѣ могу ли я передать его в Кіевскую книгу? Позвольте мнѣ выговорить еще одно условіе для себя и обѣщаніе Ваше для моего сборника дать осенью Вашу первую имѣющую выйти работу. Надѣюсь что обѣщаніе мнѣ будет дано. Во всяком случаѣ мой сборник никогда не выйдет без Васъ, и Ваш отказъ равносильен будетъ невыходу никогда книги. В Кіевск. сборникѣ будут вещи Янчука и Кропивницкаго, Барвинокъ, Марковича и еще кой кого. Сформироваться он должен к іюлю и сейчас пойти в цензуру. 2-й том „Степу“ не вышел, но обстоятельство это все таки оставляет надежду на выпуск Кіевск. В „Степу“ были переводы, и т. п. т. е. вещи котор. в цензуру не стоило давать, как безусловно не подходящія. Ромер, новый цензор, говорятъ терпимѣе стараго. В „Старинѣ“ пропущен очеркъ Ганны Барвинокъ, только начало котораго написано по русски. Ободренная этим — она прислала другой. Гомолинскій получил разрѣшеніе на изданіе цѣлаго десятка книжек. Конечно все это большею частью дрянъ и радоваться особенно нечему. Сообщаю только как фактъ. Пропущено новое изданіе „Кобзаря“, а в „Старинѣ“ неизданные пьесы Артемовскаго-Гулака. Тоже как факты сообщаю. Покончили ли Вы Вашъ начатый рассказъ? Скажите в двух словах тему. Не смѣю ли на него рассчитывать для своей книжки? А „Повія“? Я не устану никогда предлагать Вам этот вопросъ, рискуя надоѣсть Вамъ и разсердить Васъ. В Петербургѣ я встрѣтил одного совершенно незнакомаго Вам человека, котор. усиленно расспрашивал меня о судьбѣ романа и выражалъ скорбь о том, что она не появляется. Викт. Ив. сообщил проэктъ Ваш поѣздки на Кавказ. Может быть там, на водах, время позволит Вам взяться опять за роман. Жду письма от Вас в Ярошовку, а пока остаюсь всегда искренно Ваш.

В. Горленко.

читать какъ-то похоронно. Та вещь, котор. онъ прислалъ для сборника особенно дышетъ грустнымъ чувствомъ. Произведеніе Вашей, смѣло глядящей въ глаза жизни, музы могло бы быть противовѣсомъ скорби нашего великаго полтавца.

Беру на себя дерзость быть такъ болтливымъ и прямодушнымъ по праву нашихъ общихъ кіевскихъ знакомствъ. От Вашихъ друзей в Кіевѣ, котор. въ тоже время и мои друзья, я получилъ ободреніе на прямое обращеніе къ Вамъ.

Такъ какъ на изданіе сборника назначена извѣстная, опредѣленная сумма, то есть возможность предложить небольшой гонораръ (25 р. съ листа) кот. и будетъ высланъ сейчасъ по выходѣ книжки.

Прошу Васъ дать отвѣтъ по слѣдующ. адресу: по Либаво-Роменск. жел. дор. Станц. Дмитровка Василю Петровичу Горленко въ с. Ярошовку. Это мой нынѣшній

12 августа 88.

Ярошовка.

Многоуважаемый
Афанасій Яковлевич!

Давнымъ давно ничего не знаю о Васъ и хочется узнать что съ Вами и какъ Вы поживаете? Изъ газетъ я давно узналъ о перемѣщеніи Анучина¹⁾, изъ Полтавы въ Кіевъ и сейчасъ, конечно, подумал о Васъ. Что означаетъ для Васъ эта перемѣна? Не означает ли она хотя нѣкотораго облегченія отъ тяготы службы. Не будет ли имѣть переводъ Анучина вліянія на „Повію“, „Палія“, „Як ведетця так и живетця“ и все то что Вы таите еще въ себѣ? О, еслибы такъ, — простите мой эгоизмъ, — я крайне порадовался бы тогда этой перемѣнѣ. В самом дѣлѣ, кто к Вамъ назначень и уменьшится ли тягота Вашей службы? Не откажите сообщить въ письмѣ.

Полагал я тоже, что можетъ быть Вы на Кавказѣ, на водахъ (о такомъ предположеніи говорилъ Василенко), а потому лѣтомъ не писалъ Вамъ. Самъ я пребывал все время въ родныхъ палестинахъ. На короткое время был в іюлѣ только въ Кіевѣ.

Кіевскій сборникъ почти составленъ и скоро пойдетъ в цензуру. Въ него входятъ Вашъ очеркъ, разсказъ Марковича, Весна в украинском селѣ и *Enfant terrible* — Познанскаго, разсказы Мордовцева, комедія Янчука „Пилипъ Музика“, три (очень плохих по моему) прозаическихъ экулубрацій Днипровои Чайки, разсказ Ганны Барвинокъ (обнаружившей в „Молотникахъ“ прекраснѣшіе стороны своего дорованія), стихи Щоголева, Одарки Хмары (новоявленной поэтессы, не безъ способностей) и Манджуры, досель извѣстнаго за этнографа, а теперь выступающаго в качествѣ поэта и говорятъ хорошаго. Во 2-м отдѣлѣ — будут напечатаны текстъ 10 думъ, записанныхъ в 1810 году Котляревскимъ, собраніе старинныхъ малороссійскихъ стихотвореній (из журналовъ 1809—40 г. — между Котляревск. и Шевченкомъ) и еще собраніе каких то виршъ.

Как видите все беллетристика. Если цензура пустит — то книга выйдет к концу осени. Малороссійскихъ книгъ за это время никаких не выходило. Т. к. теперь в спросѣ театръ, то Кіевскій издатель Гомолинскій напечатал нѣсколько пьесокъ, кот. скоро выпустить. Когда я был в Кіевѣ

и лѣтній адресъ. Сборникъ будетъ печататься гдѣ легче цензура, мож. быть в Петербургѣ. Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь литературный Вашъ почитатель

В. Герленко.

Р. S. Адресъ Вамъ я узналъ отъ Феоф. Гавр. Лебединцева. При печатаніи ирійдется подчиниться поневолѣ „общерусскому правописанію“, а потому, если Вы дадите намъ что-нибудь, будьте добры установить правопись сами.

¹⁾ Анучинъ Евг. Мик. — Управитель Полт. Казенной Палати. С лист від І. Рудченка від 25/VII цього року, де він дає характеристику дуже симпатичну нового начальника Шидловського.

то заходил к нему и онъ хвастался мнѣ своими приготовленіями и одну пьеску дал прочесть в корректурѣ, это произведеніе опять новаго писателя какого-то Козловскаго, водевиль Гласный. Очень и очень недурненькая вещь. Левицкій, говорятъ, кончает большую повѣсть, гдѣ главным образом дѣйствуют женщины. Этот милѣйшій и добрѣйшій человекъ почему то вообразил, что его укоряютъ за черезчуръ пристрастное отношеніе к малорос. женщинам (Параска, Палажка и проч.) и вот задумал реабилитировать себя, изобразив нѣсколько идеальныхъ женских характеровъ.

Теперь мой коробъ литературныхъ новостей совершенно пустъ. Жду письма от Вас, хоть коротенькаго. Пока жму Вашу руку и остаюсь всегда Ваш

В. Горленко.

17 сент. 88

Ярошовка.

Многоуважаемый Афанасій Яковлевичъ!

Я все поджидал письма отъ Стороженка, чтобъ отвѣтить Вамъ, но сей лѣннивецъ такъ медлитъ, что я успѣю еще обмѣняться письмомъ с Вами, пока добьюсь его отвѣта. Я спрашивал его о Коваленкѣ. Едвали земство выдастъ субсидію постоянную т. е. на болѣе или менѣе продолжительное время. Можетъ быть выдастъ единовременное пособіе. Но можетъ быть согласится и на стипендію, — примѣры дѣйствительно и есть и были. Стороженко, можно сказать напередъ, — сдѣлаетъ во всяком случаѣ все возможное, разъ за Коваленка ходатайствуете Вы. В рядахъ поклонниковъ автора „Повіи“ (жаждущихъ окончанія этого произведенія и появленія другихъ) он, вмѣстѣ со мной и еще нѣсколькими, находится в самой первой шеренгѣ. Для него, разумѣется, большое удовольствіе сдѣлать что-нибудь пріятное Вамъ. Сторож. председателемъ управы в Переясловѣ и можетъ многимъ способствовать в этомъ дѣлѣ.

О Кіевскомъ сборникѣ нѣтъ покуда никакихъ свѣдѣній. Кіевляне до того медлительны, до того апатичны подъ часъ, что боюсь, что дѣло затянется, хотя всѣ рукописи сборника имѣются уже на лицо. О названіи его ничего не знаю. Я видѣлъ также объявленіе „Правды“, но сильно сомнѣваюсь, чтобъ ее пустили в Россію. Боюсь также что во главѣ стоитъ Конисскій — онъ вѣдь совсѣмъ кажется переѣхалъ в Галицію. Онъ в высшей степени безтактенъ; к тому же завалитъ журналъ своими стихами и прозой. Радъ бы чрезвычайно былъ ошибиться. Даете ли Вы туда что-нибудь? У Васъ все такъ есть в настоящее время нѣсколько готовыхъ вещей (Ловы, Морозенко, рассказъ котор. писали лѣтомъ)? Посылаю Вамъ книжечку „Зерно“ присланную вмѣстѣ с газеткой „Буковины“, котор. я получаю. Кромѣ двухъ стиховъ Сивенькѣго (Самойленка) да еще кое какъ рассказъ Ярошинской — пустая

книжечка. Франко очень плохой поэтъ. Говорят прислал очень недурную повѣсть в „Кіевск. Стар.“ Она скоро будет напечатана. — Из беллетристики „Старины“ я в восторгѣ от „Молотников“ Ганны Барвинок. Я не ждал даже от нее такого искусства и такой выдержки. В октябрѣ напечатан будет ея же „Половинщик“. Что касается „Порченой“ (читали ли Вы эту дребедень?) то это нѣчто ужасное, и если это первый плод г-жи Левицкой-Пашенко, то несомнѣнно плодъ — мертворожденный. Очень хороши въ послѣдней книгѣ статьи Веселовскаго и Теличенка. Кто у Вас на мѣсто Анучина? О еслибъ попался какой нибудь любитель малорос. литературы, котор. как и другіе хотѣлъ бы видѣть в печати окончаніе „Повіи“. Но управляющіе Казенными палатами (кромѣ одного Херсонскаго)¹⁾ больше любят казенныя бумаги, чѣм самыя лучшія произведенія искусства.

Я пробуду в деревнѣ до половины октября. Очень обрадуется написав

Весь Вашъ
В. Горленко.

„Зерна“ не трудитесь пересылать мнѣ обратно, я уже прочитал их.

11 окт. 88.

Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Сегодня я получилъ отъ Стороженка (отсутствовавшего, как оказалось, изъ странъ переяславскихъ) письмо съ извѣстіями о Коваленкѣ. Онъ знаетъ и его и его семейство и сообщаетъ въ письмѣ касающіеся всѣхъ ихъ данныя. Они родомъ изъ дер. Уласовки — изъ среды духовно-козачьей. Дѣдъ извѣстнаго Вамъ юноши былъ человѣкъ грамотный и по старомалорос. обычаю занимался сутяжничествомъ, но в то же время сочинялъ стихи. Отецъ нынѣшняго Коваленка — Алексѣй былъ урядникомъ Переясловской сотни, когда въ 1853 году былъ сформированъ въ послѣдній разъ малороссійскій козацій полкъ. Братъ фельдшера Коваленка былъ учителем, теперь служитъ конторщикомъ въ экономіи Дзѣвановскихъ, куда помѣщенъ Стороженкомъ. Григорій Алекс. Коваленко (Вашъ protégé) по окончаніи курса въ полтавскомъ земскомъ фельдшерскомъ училищѣ былъ фельдшеромъ в с. Лехновкѣ. Теперь онъ фельдшеромъ в каком то подгородномъ селѣ близъ Переяслова (названія села я не разобрал). Село это подгородное, большое, фельдшеру занятій масса. По этому, конечно, Коваленку остается мало времени для занятій живописью. Что касается его способностей (говоритъ Стороженко, слова котораго до сих поръ цитируются) то дѣйствительно онъ заслуживаетъ вниманія. Онъ рисуетъ очень изрядно — карандашомъ, перомъ, акварелью и масляными красками“. Опыты его Стороженко предполагаетъ передать директору Кіевск. школы рисованія Мурашку,

¹⁾ І. Яков. Рудченко (Білик).

котор. при его навыкѣ, опредѣлить какую степень способностей показывають эти пробы. Сторож. читал и малорусскую повѣсть Ковал. „Марны надіи“ и находить в ней хорошій язык и задатки реального воспроизведенія жизни“. Будущность Коваленка (продолжаетъ Сторож.) лучше всего устроить такимъ образомъ: на будущій годъ онъ подлежить отбыванію воинской повинности. Чгобы избавить его отъ возможности попасть въ военные фельдшера, гдѣ онъ оторвется отъ родины и можетъ погибнуть для нея, я предполагаю настоять, чтобы онъ выдержалъ учительскій экзаменъ и опредѣлю его въ одну изъ сельскихъ школъ. Там онъ будетъ имѣть болѣе досуга для занятій какъ живописью такъ и литературой. Затѣмъ если его таланты болѣе опредѣлятся, можно будетъ думать о развитіи его художественнаго образованія съ цѣлью выработать изъ него современемъ учителя рисованія или что-нибудь в этомъ родѣ“.

Противъ плана Стороженка, буквально передаваемого, можно бы что-нибудь возражать, еслибы не то обстоятельство, что на будущій годъ Коваленко подлежитъ призыву. А при этомъ соображеніи кажется предложенный исходъ один изъ лучшихъ. Какъ Ваше мнѣніе? Во всякомъ случаѣ я передалъ Вамъ отвѣтъ Стороженка какъ онъ есть. Къ этому нужно прибавить, что онъ всегда будетъ имѣть в виду судьбу Коваленка и что выражаемое Вами участіе къ судьбѣ этого юноши достаточно чтобъ возбудить в немъ интересъ къ нему.

Я еще съ мѣсяцъ пробуду в деревнѣ. Литературныхъ новостей никакихъ не знаю. Кіевляне не пишутъ ни слова о судьбѣ сборника, сообщить вамъ ничего не могу.

Какъ Вы поживаете и что подѣлываете? Если удосужитесь — истинно одолжите меня письмомъ.

Всегда Вашъ преданный
В. Горленко.

Кіевъ 29 черв. 89.
Большая Владимірская д. 22, кв. 38.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Давно не писалъ я Вамъ и не получалъ вѣстей отъ Васъ. Успѣлъ я наконецъ вырваться изъ села и перебраться в Кіевъ, гдѣ и околачиваюсь вотъ уже около мѣсяца. Конечно возобновилъ былую связь свою съ литературными дѣлами, о которыхъ и будетъ сіе мое посланіе.

Такъ давно готовящійся кіевскій альманахъ наконецъ почти собранъ. Остановка теперь за двумя вещами идущими въ приложеніи и за альбомами Шевченка, съ нѣсколькихъ листовъ которыхъ хотѣли сдѣлать фототипіи, что придастъ сборнику оригинальность и нѣкоторый спеціальнѣйшій интересъ. Большая часть рукописей лежитъ предо мною на столѣ, т. к. на меня ляжетъ не особенно заманчивая задача нести ихъ къ цензору и бесѣдовать

о разрѣшеніи изданія. Но пока придут недостающія двѣ рукописи да альбомы пройдет не менѣе 10 дней. Это время даст возможность сдѣлать отчаянную попытку, котор. сейчас Вам и изложу в двух словах: Я умоляю Васъ прислать для сборника третью часть „Повіи“. Не можете себѣ представить какъ публика опечалена тѣмъ, что это произведеніе остается без конца. Третья часть вѣдь я знаю у Вас совсѣм готова и если потребует поправок, то таковыя можно сдѣлать в 2—3 дня. Рукопись переписут здѣсь в Кіевѣ и возвратят Вам оригиналъ. *Не отвѣчайте Бога ради отказомъ.* Появленіе 3-й части даст интерес сборнику, свяжет его с двумя „Радами“ и придаст как бы характеръ періодичности и главное — заставит Вас кончить романъ. Я не говорю уже конечно о внутреннем интересѣ вещи, (идушем, разумѣется прежде всего) как вещи расширяющей сферу изображаемых обыкновенно въ малорос. литератур. явленій жизни и вырабатывающей художественный язык... Но Вы уже не можете не чувствовать сами как это нужно и важно теперь! Итак уступите общему желанію. Романъ вѣдь все равно и начал появляться по частямъ. Как литературный фактъ напоминаю Вам, что и „Евгеній Онѣгин“ появлялся по главам, через большіе промежутки. Итак жду отъ Вас рукописи 3-й части Пов. на этих днях. В случаѣ если бы это оказалось уже совершенно невозможным единственнымъ вознагражденіем была бы присылка новаго Вашего разсказа (на тему о бракѣ и семейной жизни) о котор. как то Вы сообщили. Но только на этом условіи и может-быть заключенъ миръ!

Содержаніе сборника таково:

Мирный. День у дорози.

Щоголевъ. Пять пьесъ.

Марковичъ. У наймы (разсказъ).

Манджура. Ренегатъ (баллада).

Мордовцевъ. Ни соби ни людям (казочка).

Янчукъ. Пилипъ Музика (Комедія).

Хмара. Сватанье Мороза (стих.).

Познанскій. Весна в украинск. сели.

Днипрова Чайка (увы!) Христось (разск. и „три стихотв. в прозѣ“)
(Гадость).

Самойленко. Три стихотворенія.

Познанскій. *Enfant terrible* (разсказецъ).

Приложеніе.

Историческ. думы, записанныя в 1810 г.

Старин. малор. стихи (1807—1840—между Котляревск. и Шевченком).

Фототипіи с рисунков Шевченка.

Вы видите по этому списку как не достаетъ повѣствовательнаго элемента. Внемлите же желанію многих и многих!

Левицкій кончил повѣсть „Над морем“ котор. выйдет отдѣльно. Магъ и чародѣй Гомолинскій издал с десяток брошюр — невѣроятный хлам,

кромѣ развѣ „Гласного“. Есть ли все сіе у Вас? Если нѣтъ — то напишите, я вышлю. Отвѣчайте скорѣе и шлите рукопись. Всегда и весь Ваш

В. Горленко.

25 марта 89.

Кіевъ.

Ошеломленный услышанной из уст Ваших новостью, я замолчал надолго, в то время какъ мнѣ именно слѣдовало откликнуться, чтобъ поздравить Васъ, многоуважаемый Афанасій Яковлевичъ! Дѣлаю это хоть поздно, но искренно теперь. Дѣйствительно для меня это было совершенной неожиданностью. От „моихъ полтавскихъ корреспондентовъ“ я узналъ фамилію Вашей невѣсты или жены (я еще не знаю была ли ужъ Ваша свадьба). Фамилія эта мнѣ знакома. Одна изъ дѣвицъ Шейдеман — Елизавета — училась вмѣстѣ с моими сестрами в Полтавскомъ Институтѣ и была дружна с старшей изъ нихъ. Еще и еще поздравляю Васъ съ новой жизнью. Съ личной точки зрѣнія совершенный Вами шагъ предстаетъ передо мной также, какъ настойчивый знакъ вопроса. Нашего полку убыло! Куда же приставать, къ какой сторонѣ, что себѣ дѣлать, если твердыни, казавшіяся несокрушимыми, рушатся постепенно на моихъ глазахъ? Вы поддерживали и примѣромъ своимъ и теоретически холостые „принципы“. Вспомните мораль задуманной Вами повѣсти. Теперь убѣжденія мои поколеблены, яснаго рѣшенія вопроса — нѣтъ. Не удивитесь же, если я сдѣлаю тоже самое что и Вы!... Когда? — Я не говорю этого.

Литературныя Кіевскія дѣла стоятъ такъ: Сборникъ с „Днемъ у дорожи“ пошелъ в цензуру, Левицкій дописал свою повѣсть „Надъ моремъ“ (из жизни интеллигенціи). Старицкій явился в Кіевъ читал надняхъ нам своего „Богдана Хмельницкаго“. Это родъ хроники, не пропущенный к представленію. Первый актъ хорош, дальше есть и мелодрама и подражанія. Обращеніе с исторіей — вольное, главный источникъ Костомаровъ. „Зорю“ и „Правду“ издаемъ время от времени. Послѣдняя доходитъ крайне не исправно. Ваша сказка давно там прошла и вышла отдѣльной книжкой¹⁾. В Одессѣ подаютъ в цензуру тоже литературный альманахъ, сооруженный Комаровымъ. На Масляной, раздобывши билетъ даровой, я ѣздилъ с Лисенкомъ в Одессу, гдѣ пересмотрѣлъ много пьесъ в исполненіи „труппы Садовскаго“. Видѣлъ и новыя вещи Карого, кромѣ „Наймычки“. Кажется послѣ Пасхи эта труппа будетъ играть въ Полтавѣ. Могу только сказать: идите каждый разъ, какъ Заньковецкая будетъ играть в драмѣ. Вы увидите великую актрису, безъ преувеличенія.

Откликнитесь словечкомъ, дорогой Афанасій Яковлевичъ. Гдѣ и какъ Вы теперь живете. Не достали-ли из дальняго ящика „Повію“ и не пересматриваете-ли ее. Ох, какъ ее ждуть до сихъ пор!

¹⁾ Казка про правду і кривду. Львів. 1889. 24 ст. і Правда. 1889, вип. IV ст. 233—244.

Ваш знакомый П. П. Бобровскій уѣхалъ в Каиръ, Испанію, Парижъ и пр. В. И. Шереметьевскій совсѣмъ мнѣ не пишетъ. Сдѣлайте исключеніе изъ полтавцевъ.

Всего Вамъ добраго желаю.
Искренно преданный В. Горленко.

28 августа 89 г.

С. Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Бывши в Полтавѣ я забылъ сказать Вамъ, что позволилъ себѣ дать Вашъ адресъ для высылки мнѣ в Полтаву одной книги. Книгу эту выслалъ дѣйствительно на Ваше имя изъ Кіева, а вмѣстѣ с ней и письмо, мнѣ присланное. Будьте добры книгу оставить у себя до слушного часу, а письмо переслать мнѣ какъ нибудь, перечеркнувши адресъ и написавши новый (Дмитровка etc) Извините что беспокоил и беспокою Васъ этимъ. Я ѣхалъ обратно на Кіевъ. В Кіевѣ слышалъ много непріятнаго изъ случившагося за послѣднее время. На пароходѣ чуть не погибъ отъ холоду въ своемъ лѣтнемъ пальто. На вокзалѣ пріѣхалъ во время и потому лишился возможности провести хорошій вечеръ с Вами.

Прошу передать мой поклонъ женѣ Вашей и поблагодарить за то радшіе и любезность, которыми я пользовался въ Вашемъ домѣ.

Если удосужитесь, то обяжете черкнувъ два слова. Въ деревнѣ я остаюсь до снѣга.

Всегда истинно уважающій Васъ
В Горленко.

26 окт. 89 г.

Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Спѣшу сообщить печальную новость: цензура запретила сборникъ „Вистку“, поданный мною Кіевскому цензору въ апрѣлѣ. Запретила весь и безъ всякихъ объясненій — всѣ статьи, приложенія и 17 фотографій, при немъ находившихся и воспроизводившихъ рисунки изъ путевыхъ альбомовъ Шевченка, также какъ и его портретъ, имъ самимъ в молодости рисованный. В окончательномъ видѣ сборникъ состоялъ изъ слѣдующихъ вещей:

Вашъ очеркъ.

Четыре стих. — Щоголева.

У наймы — Марковича.

Весна в украинскомъ селѣ — Познанского.

Ни соби ни людям. — Казка Мордовцева.

Стихи О. Хмары. (Сватання Мороза, маленькая поэма и 2 лирических).
Нисинитныця — Днипровой Чайки, против моей воли включенная.
Enfant terrible — Познанскаго.
Пилип Музыка. — Ком. Янчука.

Приложенія.

Думы народн. по списку 1810 г. (Предполагается И. П. Котляревскаго).
Стихотворенія 1807—1810 г. (между Котляр. и Шевченк. из журналов).
Фототипіи съ рисунков Шевченка и его портретъ.

Все сіе погибло т. е. для печати, т. к. в списках взята была предосторожность все оставить.

Гдѣ теперь Ваши недавніе гости артисты, кого волнуютъ и мучаютъ? Когда я сталкиваюсь съ этой удивительной трупой я и радъ и недоволенъ. Я забываю обо всѣхъ остальныхъ интересахъ и дѣлахъ и совершенно предаюсь ей душою. Разъ цѣлый мѣсяць я странствовалъ съ ними. Даже пробовалъ играть, но неудачно. Кто какъ Вы недавно видѣлъ эту трупцу во всемъ ея блескѣ, тотъ меня пойметъ и не осудитъ.

Съ „Кіевской Стариной“ тоже неладно. У редактора былъ ударъ, вдобавокъ его личныя матеріальныя дѣла разстроены. Но в будущемъ году журналъ будетъ идти попрежнему.

Я буду в деревнѣ до половины ноября. Если удосужитесь черкнуть словечко до тѣхъ поръ — то прошу направлять сюда, а послѣ хоть на адресъ редакціи „К. Ст.“ с передачей.

Слѣдовало бы пріѣхать на земское собраніе в декабрѣ, чтобъ низвергать расточителя и обжору Зеленскаго, да не знаю будетъ ли возможность. Шансы сего мужа, по всему что я слышу, довольно не тверды и не важны, и едва ли онъ устоитъ. Да пора ему и честь знать.

Прошу передать поклонъ мой Вашей женѣ. Пожелавъ Вамъ всего хорошаго остаюсь всегда неизмѣнно преданный

В. Горленко.

7 марта 96.

С. Ярошовка.

Дорогой и добрыйшій Афанасій Яковлевичъ!

Не могу не выразить сожалѣнія своего и извиненія передъ Вами и многоуважаемой Александрой Михайловной, что не провелъ у Васъ послѣдній вечеръ пребыванія своего в Полтавѣ. И по какой нелѣпо — простой причинѣ! Просто — послѣ бесѣды с Кулябкой, довольно усыпительной, прилегъ, давая клятву что всего на 5 минутъ и, увы! — проснулся в 11 часовъ, объятый ужасомъ, что пропустилъ поѣздъ! Усталость двухъ дней вдругъ взяла свое, придавила меня свинцовымъ сномъ и лишила удовольствія провести вечеръ с Вами! Если случится, можетъ быть, весною быть еще в Полтавѣ, ничего подобнаго не выйдетъ уже, я прійму рѣшительныя мѣры противъ такой непростительной слабости.

Но я все таки ужасно рад, что видѣлся с Вами, слышалъ Вашу новую вещь. Хорошо бы прослушать и „В черницах“ и попросить Вас покопаться въ ящиках, гдѣ лежитъ повѣствовательная проза... Слава Богу что Вы опять взяли за перо, которое не имѣете права покидать. „Згуба“ — вещь несомнѣнно интересная. Если Вы прибавите нѣсколько штрихов тут и там, то она будетъ уже почти конченною. Мнѣ все таки сдается слишкомъ ангельскимъ характеръ Химки. Гдѣ же в такомъ случаѣ самая Згуба, если она изъ всѣхъ жизненныхъ передраг выходитъ в голубиной чистотѣ! Да и заслуга добродѣтели испытанной, потершейся о всѣ ужасы жизни большая чѣмъ такой, котор. жила как будто не видя и не слыша ничего вокругъ себя. Но нѣсколькими фразами легко исправить эту голубинность героини, показавъ что она сознаетъ испытанный смыслъ вещей среди кот. живетъ. В общемъ же нашъ театръ получить очень интересный вкладъ в видѣ Вашей пьесы.

Прошу Вас передать Александрѣ Михайл. посылаемые бандеролью брошюрки, разныя французскія бездѣлушки в моемъ переводѣ. У меня не оказалось, к сожалѣнію ни одного оттиска перевода романа Лоти, а всего одна лишь его тетрадка. Если эта вещь интересуется ее, то там на оттискѣ встрѣтитъ ссылку на номеръ „Русск. Обзорнія“ в кот. она печаталась. Лѣтомъ выйдетъ отдѣльное изданіе в Москвѣ и я доставлю полный экземпляръ.

Многочисленные переводы мои (теперь я занятъ романами Балзака для ихъ отдѣльн. изданія) даютъ нѣкот. объясненіе, какъ я могу выносить цѣлые годы деревенскаго уединенія.

Откликнетесь если будетъ досугъ, добрѣйшій Афанасій Яковлевичъ, общеніе с Вами — одна изъ отрадъ моей жизни. Прошу передать мой усерд. поклон Алекс. Михайловнѣ и милым, хотя и безпокойнымъ представителямъ рода Рудченков. Сознаюсъ что втораго, по его чрезвычайной живости, я нѣсколько боюсь, а с маленькимъ „рыженькимъ“ очень жалѣю что не могъ разговориться по ограниченности времени, какое былъ у Вас.

Искренно Вашъ преданный

В. Горленко.

28 мая 96

с. Ярошовка.

Вы вѣроятно очень удивлялись, а можетъ быть и негодовали, многоуважаемый Афанасій Яковлевичъ, не встрѣтивъ меня ни въ одномъ изъ мѣстъ, в котор. условлена была у насъ встрѣча. Хотя феи, присутствовавшія при моемъ рожденіи, скупы отпуская мнѣ какіе нибудь дары, и совсѣмъ не одѣлили меня аккуратностью, но на сей разъ были исключительныя условія, заставившія меня нарушить всѣ клятвы. В Кременчугѣ мы не встрѣтились по той простой причинѣ, что в тотъ день я былъ еще в Полтавѣ, задержанный не конченнымъ дѣломъ. В Дмитровкѣ же не

могъ встрѣтить Вас т. к. был совѣм нездоров. В довершеніе моей простуды, в Полтавѣ меня смочил дождь въ такомъ уголку города, гдѣ не было ни единого извозчика (я такъ люблю шляться по разнымъ закоулкамъ) к тому же, как извѣстно Вамъ, я ѣхавши еще в Полтаву, забыл в Кременчуцком вокзалѣ свои калоши, а в Полтавѣ не хотѣлъ покупать новых, увѣренный что обрѣгу свои на возвратном пути (что и случилось, хотя калоши оказались с слѣдами усердной носки). Вся эта трагикомическая дребедень надѣлила меня простудой, насморком, ломомъ костей и при этомъ состояніи я был в день проѣзда Вашего через Дмитровку. Послать же с книгой тоже не могъ никого т. к. мой наличный персонал не давалъ мнѣ надежды что узнаетъ Вас по карточкѣ. Извиняюсь усердно что дважды надул Вас, Шекспира высылаю почтой, с непремѣннымъ условіемъ получить его от Вас лично в Ярошовкѣ.

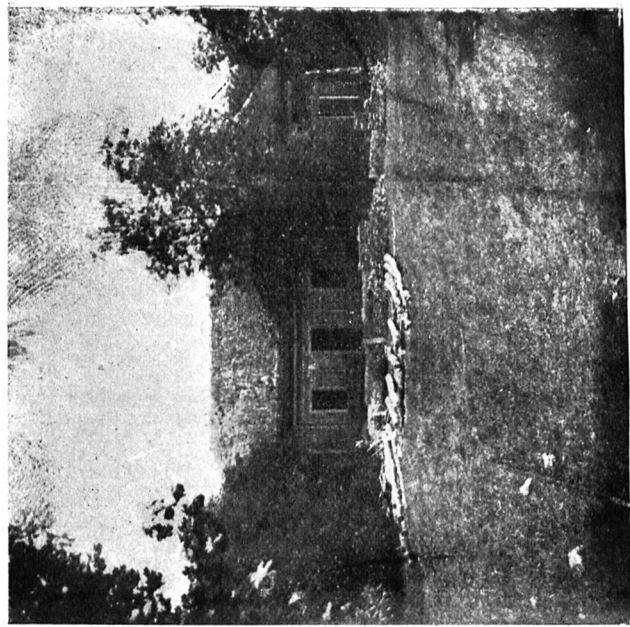
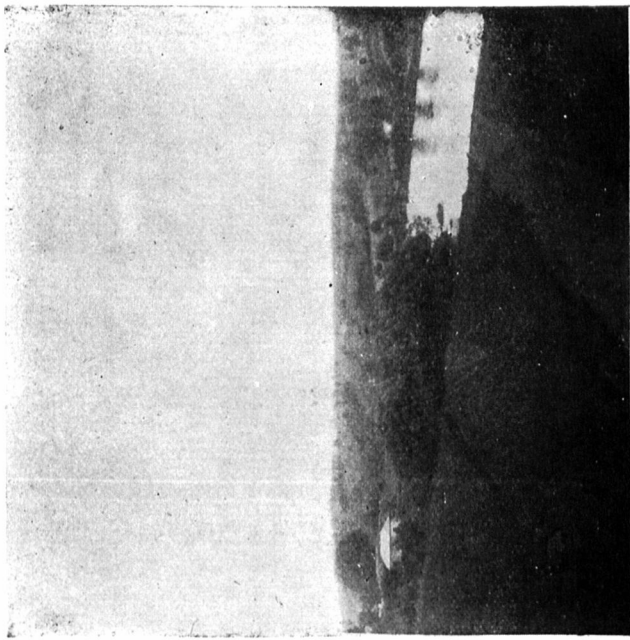
Послѣ всѣхъ описанныхъ выше исторій, я снова долженъ былъ ѣхать в Лубны, опять адеки утомился, т. к. большую часть пути, во избѣжаніе воловьей дороги сдѣлалъ на лошадахъ и вот почему до сихъ поръ не могъ написать даже объясненія своего страннаго поведенія.

Как же Вы поживаете, уѣхали ли уже Ваши в Гадячъ и когда Вы сами туда собираетесь? Начало лѣта у нас не особенно благопріятно — засуха, гусеницы в ужасающемъ количествѣ, уничтожающія листья и т. п. Вѣроятно это признакъ приближающейся старости, но все мнѣ в послѣднее время кажется худшимъ чѣмъ прежде. Это кажется общее явленіе в извѣстные годы, но всякое общее явленіе мы склонны принимать за личное, пока хорошенько его не испытаемъ и не извѣдаемъ сами. — Я ничего хорошаго не читал за послѣднее время, да и вообще почти не читалъ. — Одно из самыхъ трагическихъ чтеній попалось мнѣ в руки вчера. Это письма нашихъ переселенцевъ из Сибири, из Тобольской губерніи, вышедшихъ этой весной. Сколько драмъ и страданій подъ каждой строчкой писемъ, наполненныхъ, как водится, всего болѣе поклонами. И вѣдь шли далеко не бѣднѣйшіе, вотъ что досадно, т. к. на переселеніе требуется порядочно средств. Надѣлы они тамъ получили, но все же письма полны жалобъ.

Продолжаете ли Вы Вашего „Лира“? Переводъ Кулиша, как Вы увидите сами, далеко не такъ естественъ и чистъ по языку, как Вашъ. У него много натянутыхъ оборотовъ и словъ, онъ слишкомъ свободно играетъ малор. рѣчью, иногда удачно, иногда нѣтъ. Кромѣ того сбивается чтеца орфографія, на этотъ разъ какъ то оригинальничающая. Онъ вездѣ ставитъ кг для выраженія звука придыханія. У него переведенъ и „Лир“, да и весь Шекспир, какъ говорятъ. Переводилъ онъ с англійскаго и конечно с полнымъ усвоеніемъ духа поэта. Но с языкомъ перевода онъ обращался слишкомъ свободно. Захватите когда будете ѣхать в Гадячъ, и передѣланную „Згубу“ и „Лира“ и еще что есть. С нетерпѣніемъ буду ждать нашей встрѣчи и весьма охотно приѣду, если захотите, к Вамъ и в Гадячъ, гдѣ я не былъ со временъ (незапамятныхъ) когда гимназистомъ еще ѣздилъ на своихъ лошадахъ в Полтаву. Что в Полтавѣ подѣлывается? Какая из малороссійскихъ труппъ подвизалась еще у Вас; вѣдь онѣ часто околачиваются в Полтавѣ. Не полѣни-

Опанас Якович Рудченко (Панас Мирний) та дружина
його, Олександра Михайлівна, народжена Шейдеман
у р. 1889, скоро вони побрались.

Село Ярошівка, що біля нього був маєток Горленків. Будиночок Василя Горлетка у р. 1907-му, скоро він умер, підчас ремонту, що зробили спадкоємці Горленкові.

тесъ написать мнѣ, дорогой Афанасій Яковлевичъ и еще разъ простите мои обманы. Шекспира вышлю тоже в Каз. Пал. завтра или послѣ-завтра (надо задѣлать посылку, почему и не шлю сегодня).

Обнимаю Васъ и остаюсь всегда любящій

В. Горленко.

27 іюня 96

С. Ярошовка.

Въ день „преславной Полтавской викторіи“ пишу Вам в Полтаву многоуважаемый и дорогой Афанасій Яковлевичъ, дабы письмо мое за-стало Васъ по прибытіи в побѣдоносный градъ отъ мирной Вельбовки. Какая досада что пребываніе тамъ омрачено было для Васъ хвораніем Вашихъ славныхъ малышей! Совсѣмъ ли уже оправился маленький „ры-женькій“ к Вашему отъѣзду? — Я равно восторженно буду ждать Вашего „заѣзда“ по пути в Ромны как в іюлѣ так и в августѣ. В августѣ я даже буду большим домосѣдом чѣм в іюлѣ, так к. августъ это мѣсяцъ в котор. сосредоточивается вся моя сельскохозяйственная дѣятельность, или, по крайней мѣрѣ, интереснѣйшая ея часть. Это мѣсяцъ „— возовицы“, и, вслу-чаѣ возможности, молотбы, а слѣдовательно (слѣдовательно у меня, но не вообще) — продажи продуктов, т. е. полученія денегъ, вещь котор. слу-жащіе испытываютъ каждыя двадцатаго числа, а земледѣльцы (или вродѣ того) — лишь разъ въ годъ... Если служебное путешествіе Ваше состо-ится в іюлѣ то Бога для, увѣдомьте меня письмом. Я был бы неутѣшен если бы такой рѣдкій случай видѣть Вас у себя пропущен был по моему случайному отсутствію, кот. я, — зная о Вашем выѣздѣ, всегда могу отсро-чить и измѣнить. Таким образом напишите мнѣ изъ Полтавы, по полу-ченіи сего, хотя примѣрныя соображенія Ваши насчетъ того когда будете Вы путешествовать по казначействам, а слѣдовательно когда можно будет Вам и заглянуть въ мою медвѣжью берлогу.

Видѣлись ли Вы съ Иванъ Яковлевичемъ и успѣли ли ему прочесть Ваши драматическія вещи? Почему он былъ противъ перевода „Лира“! Конечно в силу желанія видѣть Вас сосредоточеннымъ на оригинальных произведеніях¹⁾. Но и включеніе великаго произведенія творчества в мало-рос. литературный обиходъ — дѣло хорошее. Я думаю, ознакомившись съ Кулишевскими переводами, Вы также раздѣляете мое мнѣніе о ихъ на-

¹⁾ Що-до відношення Ів. Білика до „Ліра“ є дуже кольоритний лист його до Мирного від 17/IV 95 р. В цьому листі він дуже палко вмовляє брата не передавати своєї посади в I відділі Каз. Палати, що Мирний хотів уступити якомусь Доценкові, мотивуючи це між іншим і тим, що йому буде іноді більше часу для літер. праці. Після всіх доводів, що головним чином зводяться до того, щоб Мирний не поспував собі кар'єри, Ів. Як. говорить так: „Что касается усталости, досуга для Лира, то это глупость, достойная моей Паси или Оли (доньки його, І. Р.). Лирь по малорусски никому не нуженъ, и живое дѣло, которое ты до сихъ поръ держалъ въ рукахъ, нужно всей Полтавщинѣ“.

прасной вычурности и о странных немного капризах и новшествах языка имъ вводимых. Все это дѣлает его переводы тяжеловѣсными и нѣсколько отбиваетъ от них т. к. приходится привыкать ко многому новому и в языкѣ и в орфографіи. Конечно, если у него переведен весь Шекспиръ и с подлинника, то это все таки громадный вкладъ, но жаль что он попортил свой трудъ этими вычурами. Ваш переводъ вполне простъ, язык его носить чистоту живой народной рѣчи и потому он полезенъ. Рано или поздно он пригодится и для сцены.

„Складку“ я не видѣл, но читал отзывъ о ней из кот. вижу что этотъ выпуск совсѣм не интересенъ. У Васъ, вѣроятно, есть не мало теперь матеріала для 4-го выпуска. — Я помню, напр., рассказ, напис. на смерть Вашего племянника. Вѣдь он не был нигдѣ напечатанъ? А „Повія“? Она могла бы продолжаться в „Складкѣ“ разъ изданіе это дѣлается почти періодическимъ. Наконецъ „Згуба“, кот. малорос. труппы были б рады прерады заполнить в свой репертуаръ.

В Кіевѣ начинаетъ играть Кропивницкій, а послѣ объявленъ пріѣзд труппы Саксаганскаго и по расчету, это совпадает почти с пріѣздом в Кіев двора, ожидается по всѣм слухам в августѣ. Не знаю гдѣ Садовскій и К°. Кто из них был в это время у Вас в Полтавѣ?

Послѣднее время (что вѣроятно было и в Вельбовкѣ) нас допекали непрерывные дожди и погода съ сентябрьским оттѣнкомъ. Съ глубокой меланхоліей, которой я в существѣ подвержен (имѣющей источником много несчастій и полныя во всем неудачи) такая погода гармонируетъ, но она вредить кой-чему изъ злаковъ, на кот. возлагались нѣкот. экономическія надежды. А впрочем надо ли вообще на что-нибудь надѣяться! Не благо-разумнѣе, во избѣжаніе вѣчных разочарованій, выключить это слово из своего, личнаго по крайней мѣрѣ, словаря совсѣмъ?

На столь мрачном размышленіи кончаю свои малоинтересныя строки. Жду от Вас письма дорогой Афан. Яковл., а потом жду встрѣчи с Вами, при которой свою меланхолю съумѣю прогнать в три-шея, да она и сама тогда исчезнетъ как нѣчто неприличное.

Всегда Вас любящій В. Горленко.

30 іюня 96

С. Ярошовка.

Дорогой и многоуважаемый
Афанасій Яковлевич!

Я не получаю извѣстія от Васъ о предполагаемом Вашем маршрутѣ, а между тѣмъ изъ Полтавы я получил вызов, по котор. необходимо мнѣ туда ѣхать. Поэтому пишу два слова, боясь в высшей степени упустить случай видѣть Васъ у себя. Между 1 и 10 авг. я могу не быть дома. Но вслѣд за 10-м буду ждать Васъ ежедневно. Въ Полтавѣ я зайду

конечно к Вамъ, но застану-ли вопросъ. Вотъ почему я пишу и надѣюсь что мы не разминемся, это было бы безконечно досадно. Я не воображал ѣхать в Полт. въ то время, но вызываетъ сложное дѣло с проклятымъ банком, котор. невозможно отложить. Все же, прошу усердно, напротив, если возможно не выѣзжать из Полтавы до 10-го или с такимъ расчетомъ чтобы 10-го или около того бытъ в Дмигровкѣ. Если я не увижу Вас в Полтавѣ, то Бога ради напишите.

Обнимаю Вас и остаюсь любящій.

В. Горленко.

29 апрѣля 97

С. Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Около трех мѣсяцев не отзывался къ Вам и столько же времени, (если не больше и что похоже уже на подлость!) — не возвратил взятых у Вас денегъ. Простите за все! Послѣдніе скоро вышлю Вам почтой, а не отзывался, был в Петербургѣ, безмѣрно хлопоча и, обманутый банковыми расчетами, вынужденный приняться за самую черную, постоянную газетную работу среди которой провел все свое время в Петербургѣ. Приѣхал домой нѣсколько очумѣлый, и сразу былъ охвачен множеством хлопотъ, которые съ такой утонченной жестокостью собираетъ в кучу и сразу выльетъ на Васъ милая, но безконечно мелочная мучительница — деревня. Едва дышу, клянусь Вам. Передъ глазами мои милые лѣса, кот. валятся подъ ударами топора, — и все это не успокаивает даже матеріально и не освобождаетъ отъ вѣчной финансовой муки... Как поживаете Вы, уѣхали ли Ваши в Гадячъ или собираются и когда? Скоро ли поѣдете Вы въ свой объѣздъ, какой районъ предстоит Вам теперь, будете в нашемъ? Вспомните Ваше обѣщаніе, дорогой Афанасій Яковлевичъ, — не минать меня если будете ѣхать мимо. Хотя лѣсовъ Вы не увидите уже в прежнем видѣ, но все же остался еще садъ и прудъ и домъ, и я, жаждущій видѣть Васъ всегда и слышать написанное Вами.

В Петерб. я видѣлся с Иваномъ Яковлевичем и с женатымъ Петей (!!) ¹⁾. Вы вѣроятно видѣли Ив. Яковл. в Гадячѣ на Пасхѣ, он по крайней мѣрѣ надѣялся встрѣтиться с Вами тамъ. Как поживают Ваши? Передайте усерднѣйшій поклонъ мой Александрѣ Михайловнѣ, кот. одна из немногихъ так участливо относилась к моимъ горестямъ. Я много писал в газетах, но не имѣю оттисков послать Вам, да едва ли это интересно.

Отзовитесь ко мнѣ и не гнѣвайтесь на искренно любящаго Вас и очень измученнаго душой.

В. Горленко.

P. S. Не перебирается ли к Вам в Полтаву начальникъ Мордвиновъ изъ Владиміра? Он из пишущей братіи и имѣетъ кажется это намѣреніе.

¹⁾ Син Ів. Рудченка; одружився на 22 році свого життя.

11 сент. 96

С. Ярошовка.

Дорогой и многоуважаемый Афанасій Яковлевичъ! Ровно мѣсяць спустя послѣ того единственнаго дня (или лучше, сказать нѣсколькихъ часовъ) котор. Вы были у меня, пишу Вам. Я все собирался в Полтаву и наконецъ устроилось такъ что не я поѣхал, а Полтава пріѣхала ко мнѣ (по моему банковому дѣлу) въ лицѣ Викт. Вит. Старицкаго превосходнѣйшаго и любезнѣйшаго человѣка. Это однако не совсѣмъ оканчиваетъ дѣло и в Полтавѣ я все таки буду, но нѣсколько позже, вѣроятно в октябрѣ. Въ то время я навѣрное застану Вас в городѣ т. к. Вы кажется не выезжаете на ревизіи осенью?

Со времени нашего прощанья на большой дорогѣ, при восходящей лунѣ, я все время пребывал в Ярошовкѣ. Недѣли двѣ назадъ поглощенъ былъ четыре дня безумной суетой, — молотьбой на нанятой паровой молотилкѣ. К несчастью результаты не вознаградили хлопотъ: умолот оказался самый плачевный и, заткнувъ оныя наиболѣе зіяющія дыры, опять остался при „размышленіи о Божіемъ величіи“. Все сіе вмѣстѣ взятое сугубо толкаетъ на службу, в Петербургъ, отрывая отъ „пажитей отцовъ, отъ мирныхъ стадъ“ и пр. — и велитъ скорѣе предаться этому бѣгству... Судя по газетамъ у Вас в Полтавѣ подвизаются теперь Заньковецкая и Садовскій. Это должно вносить много оживленія и в Вашу личную жизнь, такъ какъ актеры народъ общительный и Вы вѣрно часто с ними видите. Хотѣлось бы захватить ихъ еще в Полтавѣ, а то всѣ эти труппы ходятъ вокругъ меня а я ихъ не вижу. Въ Кіевѣ играетъ теперь Саксаганскій и ставитъ кое-что совсѣмъ новое. Но ѣхать для этого в Кіевъ — невозможно. Кстати о Кіевѣ. Слышали ли Вы что М. П. Старицкій получил из Академіи Наукъ (из фонда назначен. на помощь литераторамъ) пожизненную пенсію в 350 р.? Кромѣ того что эта поддержка ему полезна, — она служитъ несомнѣннымъ признаніемъ законности существованія малор. литературы.

Какъ же Вы поживаете и что подѣлываете? Давно ли пріѣхал изъ Гадяча Ваня (котор. низко кланяюсь).

Отзовитесь хоть коротенькимъ письмомъ.

Всегда Ваш
преданный и уважающій

В. Горленко.

97 г. 9 мая Ярошовка.

Спасибо Вам, Дорогой Афанасій Яковлевичъ, за Ваше доброе письмо. Для такой истерзанной разными горестями души какъ моя — это единственное цѣлительное средство. Да, Вы угадали, я не переставалъ в Петерб. скорбѣть о лѣсѣ и объ уродствѣ кот. производятъ в немъ жида. Я не могъ видѣть просто даже ни одного дерева, такъ эта мысль глубоко во мнѣ засѣла.

Приѣхавши домой, я ни разу не был еще, и не знаю буду ли, в мѣстах гдѣ происходит рубка (временно с 1 мая остановившаяся). Это измѣнило как то все мое окружающее и, вмѣстѣ со всѣм другим, затянуло для меня все покровом печали, кот. никогда уже не пройдет. Но обращаюсь к Вашим вопросам.

Ив. Яковл. я встрѣтил случайно и видѣлся с нимъ два раза. Он немного постарѣл (сѣдина), но такъ же страшно интересенъ и уменъ. Жиль он въ квартирѣ Пети, кот. в свою очередь жил у каких то знакомых, бывших в то время заграницей. Петя имѣет видъ милаго и добраго малаго и кажется вполне доволен своей женитьбой. Смотря на него я думал, что лучше всего жениться такъ рано. Послѣ мало ли что может случиться и рискуешь остаться совершенно одиноким, какъ остался напр. я. Петя служить и кажется занимает уже порядочное мѣсто, но объ этом не могу сказать ничего вѣрнаго. Ив. Яковл. собирался на Пасху в Гадячъ, слушать великій дзвонъ и еще разъ встрѣтить там Праздникъ.

О Мордвиновѣ говорил мнѣ не онъ. Есть у меня великій пріятель Ив. Щегловъ (Леонтьев). Из Петерб. он переселился, чисто случайно, во Владиміръ (откуда уже убѣгает) и вот там он вел знакомство с Мордвиновым, тоже подвизающимся по части литературы (какія то экономическія статьи и прожекты). Вот Щеглов и говорил мнѣ что кажется Мордвин. собирается помѣняться мѣстом с Шидловским, кот. будто бы хочет переходить в Москву. Жена же Мордвинова больна и желала бы переѣхать въ теплый климатъ, как в Полтавѣ. Вотъ все что я слышал объ этом и рѣшительно не могу сказать насколько во всем этом есть основанія. Если Вы довольны Шидловским, то дай Богъ чтобъ он дальше оставался в Полтавѣ.

Появленіе на сценѣ „Згубы“ для меня новость. Существует ли еще труппа Садовскаго? В Москвѣ кажется Марья Конст. заболѣла и труппа разѣхалась. Впрочем не знаю навѣрное. В Кіевѣ теперь играетъ труппа Суслова и Суходольскаго (съ „премьершей“ Зарницкой). Я слышал от актеров что Суходольскій превосходный артистъ. Кропивницкій, имѣвш. большой успѣх в Москвѣ, перебрался на все лѣто в Петербург. Гдѣ Саксаганскій?

Я не только знаю о том, что дѣлается в Полтавѣ по поводу памяти. Котляревскаго и Музея, но даже писалъ объ этом и сіе писаніе наднях должно быть в „Полт. Вѣдом.“. Кстати обратите вниманіе на рассказъ г-жи Розальонъ-Сашольской (А. Р. С.), печатающейся в тѣх же „Вѣдомостях“. Это вещи совѣм талантливыя и чрезвычайно симпатичныя. Не знатели кто она и гдѣ живетъ (она „женщина-врач“)? Не знаю буду ли скоро в Полтавѣ, но мож. быть и буду. У банка я надѣюсь кое что вырвать и есть нѣкоторая надежда. Рубка остановлена на 4 мѣсяца и в это время необходимо что-либо сдѣлать. Поѣдете ли Вы в объѣздъ и когда? В какое время переселяются Ваши из Полтавы? Передайте мой искренній поклон Александрѣ Михайловичу. Видите ли Викт. Ив. Василенка? Если встрѣтите, то передайте что пусть готовитъ статьи, я ему их пристрою,

лишь бы (если это можно сказать) не были слишком многорѣчивы, растянуты и не слишком „кобеляцких“ интересовъ. Интересно очень послушать „Лира“. Ив. Яковл. против переводов, во имя самостоятельной литературы. Мы немного с ним объ этом спорили. Если возможно отзовитесь.

Искренно любящій Васъ В. Горленко.

Отчего бы не попробовать отдать „Лира“ в драматич. цензуру. Мож. б. теперь и пропустили бы на сцену.

10 іюля 97.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ! Простите что отвѣчаю съ замедленіемъ: хотѣл что либо опредѣленное написать Вам по части „Кіевск. Ст.“ т. к. послал тогда же запросъ по поводу печатанья Вашихъ сочиненій. Но лѣтом такой разброд что до сих пор отвѣта нѣтъ. Какъ только получу сообщу Вамъ. Но заранѣе могу сказать что „Лира“ в „Стар.“ напечат. невозможно ни по услов. цензуры ни по самой программѣ журнала. „Повія“ Вы говорите несполнѣ кончена, слѣдов. самое подходящее пока „Морозенко“. Съ редакціонной оговоркой (о необходим. литературн. разработки этнографич. мотивов) он, думаю я, можетъ пройти. О том что онъ не относится прямо ни к исторіи ни к этнографіи — не печальтесь. Все малороссійское, увы, почти уже исторія и все гдѣ малорос. духъ подлежитъ вѣянію „Старины“. Думаю, что это дѣло устроится, готовьте рукопись.

Пишу Вам под впечатлѣніемъ концерта Лисенка, кот. я слышал позавчера в Прилуках (нарочно ѣздилъ на лошадах). Я почитатель Лисенка, но не безусловный. У него нѣсколько легкій пріемъ разработки малор. нар. музыки на основаніи общихъ правилъ (обычные пріемы акомпанимента, разложеніе пѣсенъ на голоса хора, чего не существуетъ в народн. малор. музыкѣ, собраніе пѣсенъ из вторыхъ рукъ — отъ любителей, а не самимъ среди народа и т. п.). У него талантъ, милый, но средних размѣровъ и не обширнаго полета (Онъ по моему, исключительно лирикъ — и только пѣсни его лирическ. характера безусловно хороши, эпосъ и героизм — не его сфера, в нихъ он легокъ, а в выборѣ и перелож. народн. пѣс. иногда и пошловать). Но все сіе (говоримое между нами) не мѣшаетъ мнѣ придавать ему и его дѣятельности очень большое значеніе и живѣйшим образом интересоваться ею! К несчастью он не Глинка (т. е. не создает сразу как толь творческой національн. музыки), но будем счастливы и тѣм, что у нас в музыкальн. области есть это милое и несомнѣнное дарованье и художеств. и общественное значеніе котораго очень и очень велико. — Нынѣшняя его поѣздка (съ мужским хором) очень удачна во всѣхъ отношеніяхъ. В Житомирѣ, Бердичевѣ, Бѣлой-Церкви — успѣхъ хорош, в Смѣлѣ очень хорош, в Умани — средній, в Черкасах — плох, в Золотоношѣ — замѣчательнъ для этого города, в Прилукѣ — прекрасенъ. Изъ Прилукъ они поѣхали опять в Золотоношу, потом предполагали быть опять в Смѣлѣ

и Бѣлой-Церкви, а если пѣвцам удастся продлить немного свой отпуск, в Лубнах и Ромнахъ.

В Прилукѣ канцертъ давался в нов. городск. саду на открытой сценѣ. Сад был набит биткомъ, мѣста у сцены взяты тоже почти все, первый концертъ, на кот. я был, дал 230 р. чистаго сбора, на втором цѣны были очень понижены для мѣщанской и всякой мелкой городской публики.

Но не буду распространяться, имѣя теперь орган для бесѣды съ Вами. Обстоятельныя рѣчи об этой матеріи Вы на днях читаете въ „Полтавск. Вѣдомостях“ — фельетон „Отголосок кочующей пѣсни“, я уже начал писать. Ах! как трудно писать о малорусск. сюжетах по политическимъ соображеніямъ! Очень горячиться нельзя, пожалуй повредишь дѣлу, вполнѣ быть правдивымъ въ сужденіи, т. е. указывать все слабыя стороны — тоже нельзя: дѣло требует еще такого ухода, положеніе его еще так непрочное. Буду опять извиваться и хитрить, как угорь. Для кого? Спросите Вы? Газету читают становые, писаря и земскіе начальники. Но прочтет и нѣсколько иных человекъ, прочтет и Афанасій Яковлевич! Да дай Бог хоть десяток становых и писарей обратить в свою вѣру и смягчить усердіе остальных.

Я все таки вскорѣ должен быть в Полтавѣ, но не знаю когда именно. Теперь разгар хозяйственных дѣл. Очень хотѣлъ бы съ Вами побывать на Вашей дачѣ. А что же Ваша поѣздка, будет ли, куда и когда?

Мой усердный поклон Александрѣ Михайловнѣ. Удосужьтесь отозваться, я же извѣщу Вас об отвѣтѣ „Старины“, как только получу его, не ожидая для этого Вашего письма, а когда узнаю.

Искренно любящій Вас В. Горленко.

21 іюня 97.

Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ! Разом с этим письмомъ посылаю фельетонъ въ „Полт. Вѣдом.“ о памятникѣ Котляревскому, вызванный Вашим письмом¹⁾. Вѣроятно онъ напечатан будет наднях, изъ него увидите болѣе обстоятельныя отвѣты на нѣкотор. Ваши вопросы. Я не жду многого отъ Позена. Онъ диллетантъ и мелокъ. Он имѣетъ ту цѣну что мѣстный и должен бы работать с любовью, но едва ли у него хватитъ пороку. „Энеиду“, какъ чтеніе, я самъ не уважаю, объ историческом же значеніи говорить нечего (см. статью) Как ни мудри, а для надписи кажется всего лучше два начальные стиха: „Эней був парубок etc. Они до нѣкоторой степени выражают и мысль поэта, к тому же это первые двѣ правильныя стихотв. строчки, какія написаны на малор. языкѣ. Против „Москаля“ я рѣшительно вооружаюсь, и не из малорос. патріотизма, а... опять см. статью. А кстати, знаете ли что у Котляревскаго есть русское

¹⁾ Полт. Губ. Вѣд. 1897. № 121.

стихотвореніе (переводъ из Саффо) и даже напечатанное! Но я молчу, конечно, об этом и надо молчать!

— Не осудите лукаво-патріотическаго тона статьи: он почитенъ.

Если Вы получите „Кіевск. Старину“, то увидите что в ней печатаются теперь малороссійскія сочиненія (Богд. Хмельн., Старицк.) а печатаются в силу того что „Стар.“ выхлопотала на это право. Не можете ли Вы поэтому, узнать не дал ли бы чего нибудь своего, в этот журнал О. Мирный? Что его разсказъ посвящен. покойному племяннику, — или, наконецъ „Повія“ в цѣлом видѣ?!? Скорблю что Вы не ѣдете теперь на Ромны. Около 15 іюля или 20-го может быть (но вилами писано) сам буду в Полтавѣ. Навѣрное однако не знаю. А слѣдующая Ваша экскурсія куда и когда?

О переводѣ Мордвинова в Полтаву, как пишет мнѣ Щеголевъ, нѣтъ болѣе и рѣчи, слѣдов. Ваш принципал еще надолго здѣсь останется.

Перебрались ли Ваши в деревню? Теперь наступила чудная погода и в городѣ, даже столь мало городском как Полтава, оставаться было бы грѣшно. Часто ли Вы будете туда ѣздить?

Волосы Розальон-Сошальской должно быть преждевременно посѣдѣли, т. к. медиц. женскіе курсы вѣдь существовали недавно еще. Но хорошо что не посѣдѣло ея сердце. Читали ли Вы ея „Въ залѣ суда“? Вѣдь ей Богу это прелестно, а „Маленькій Тамерланъ“ — списанъ очевидно с Вашего Мини!

Кончаю поклоном низким Александрѣ Михайловнѣ и малышамъ. Если будет у Вас минутка — черкните.

Любящій Вас

В. Горленко.

13 іюля
Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

На другой же день, какъ я отправил письмо Вамъ получилъ откликъ отъ редактора „К. Ст.“ (находящагося нынѣ в Пирятинѣ) по Вашему дѣлу. Редактор в восторгѣ от этой мысли, проситъ прислать ему „Морозенка“ скорѣе и надѣется провести его чрезъ цензурныя препоны. Съ своей стороны скажу, что редакція „Старины“ далеко не из самых аккуратных, что посылку посему надо посылать заказным способом, т. е. лучше не в бандероли, а в коленкорѣ, с надписью цѣнная etc. а если пакетом, то заказным. Не дурно бы имѣть у себя и списокъ „Морозенка“ в запасѣ, но это говорю на всякій случай; едва ли все таки оригинал может погибнуть и цензурѣ (Думаю что у Вас есть список, сколько знаю у Вас бывали всегда таковыя). По всѣм этим данным можно, кажется, ждать появленія „Морозенка“ в „Старинѣ“ в сентябрѣ или октябрѣ (как выпустить цензура) — ура!

Может быть разом с этим Вы прочтете статейку в „Вѣдомост“. о концертѣ Лысенка. Я ее послалъ въ пятницу.

Думаю что буду в Полтавѣ в концѣ іюля. Надо бороться съ проклятым банком до конца. С помощью „Комиссіи прошеній“ кое что я надѣюсь сдѣлать. (на одну просьбу уже получил удовлетвореніе) хоть бы сколько нибудь исправить идиотское условіе заключенное банком съ жидомъ! Я не рѣшался до сих поръ ѣздить в лѣса, но нельзя было не ѣхать и не давно я был. Они все же хороши еще, рубки произведено еще немного. Чего бы я не дал чтоб ее остановить совсѣм?

Мой привѣтъ Александрѣ Михайловнѣ. Искренно любящій Васъ

В. Горленко.

16 августа 97.

С. Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Возвращаю с признательностью такъ давно взятых у Васъ деньги! Давно поджидаю письма отъ Васъ, но все нѣтъ. Не путешествовали ли Вы въ это время по губерніи, кажется большею частью поѣздки Ваши приходятся на начало августа?

Я съ недѣлю назадъ был в Кіевѣ. Редактора „Старины“ не было в городѣ и я его не видѣлъ, но как я ужъ писал Вам, имѣлъ отвѣтъ насчетъ нетерпѣливаго ожиданья Вашего „Морозенка“. Надѣются, что цензоръ пропуститъ эту вещь хоть и не историческую. Я видѣлся с Антоновичем, Лысенком, Старицким, Садовским. Послѣдній приглашал меня, заѣхать к нему и Марьѣ Конст. на обратном пути из Кіева, но к сожалѣнію, надо было спѣшить и я опять не успѣлъ быть у них. Кіев представлял из себе в дни, когда я был в нем раскаленное пекло, едва физически переносимое. Въ моральном отношеніи городъ сей (на мой взгляд) дѣлается менѣе и менѣе интересным, т. к. его коренной элементъ страшно растворился въ пришломя, а этот пришлый составляют поляки юго-зап. края (самые несимпатичные, как сидящіе в чужой землѣ и изображающіе из себя пауков) жидаы, в ужасающем количествѣ, и великоросы, явившіеся жить и хлѣбъ наживать насчетъ малороссійской простоты. Всякій раз, как бываю в Кіевѣ, выношу из него досадное и горькое чувство, при видѣ господства этих элементовъ.

Садовскій „закончилъ“ к августу сезон в Кіевѣ, слегка отдохнет и ѣдет послѣ в Севастополь. Он говорил мнѣ что „Згуба“ шла у него уже в Кіевѣ. Саксаганскій наднях начинает дѣйствовать въ Черниговѣ.

На этой недѣлѣ я пускаюсь в дѣловую поѣздку по Полт. губ. и можетъ быть буду в Полтавѣ, чтобы хотя слегка исправить возмутительную и хищническую эксплоатацію моих несчастных лѣсов. Банкъ и лѣсоохранительныя учрежденія кобелятся, но я дѣйствую на

них путем давленія из Петерб. отъ их начальствъ. Приближается 1 сент. когда жиды опять начнутъ рубить лѣсъ, каждым ударом топора попадая мнѣ въ сердце.

В виду возможной встрѣчи обрываю бесѣду, дописывая, впрочем, уже послѣднюю страничку листа. Прошу передать усердный привѣтъ мой Александрѣ Михайловичу и ребятишкамъ, навѣрное еще пребывающим на дачѣ.

Всегда искренно Ваш
В. Горленко.

8 ноября 97.
Ярошовка.

Вчера я получил Ваше письмо, дорогой Афанасій Яковлевичъ, и спѣшу написать Вам дабы застать въ Полтавѣ, начиная прежде всего съ главнаго: умоляю Васъ заѣхать ко мнѣ будучи в Ромнахъ, будет ли это до 15 ноября или послѣ, было-бы возмутительнѣйшим поступком если бы Вы проѣхали мимо не завернувъ на нѣсколько часов хотя ко мнѣ! Если Вы будете ѣхать из Прилукъ, то утренній поѣздъ в Дмитровку приходит в 8 ч. утра, а уходитъ вечером на Ромны в 9. Если Вы будете ѣхать со стороны Полтавы, то из Ромен выѣдете или вечером в 6 ч. (и будет в Дмитровкѣ в 9^{1/4}), или в 2 ч. ночи (и будете в Дмитровкѣ в 2^{3/4}). Первый поѣздъ конечно покойнѣе — и опять таки пробудете у меня до вечера. Но как бы то ни было это невозможно же чтобъ Вы не заѣхали. Вы говорите что мало времени. Но взгляните на это какъ на отдыхъ. Все время у меня Вы можете пролежать, а я буду сидѣть возлѣ Васъ. Но Бога ради заѣзжайте, а передъ тѣм дайте знать письмом, в какой день и с каким поѣздом ждать Вас, чтобы я выслал лошадей, т. к. теперь в Дмитровкѣ их не всегда можно достать. Я буду в Ярошовкѣ еще навѣрное весь ноябрь. Оживленный надеждой Вас видѣть продолжаю бесѣду.

На счетъ надписей на памятн. Котляр. имѣю сказать кое-что. Въ первой надписи я не одобряю кобзаревъ. Это не вѣрно и не точно, т. к. это слово не означаетъ поэтъ, а ясно относится только къ музыканту — пѣвцу думъ. Не лучше ли письменниковъ или что ниб. в этом родѣ. Кобзарей до Котляр. было много, были и при немъ, и Шевченко, в названіи своей книги, взял это слово не в смыслѣ поэтъ, а в смыслѣ репертуаръ поэта. Во 2-й надписи я не одобряю слов талановитого, и я думаю сам Позенъ не согласится на постановку его. Идет ли хвалить автора на собств. его произведеніи. Что сказали бы Вы о книгѣ с таким названіем: „Перед бурей“, сочиненіе талановитаго М. П. Старицкаго (я взял случайно названіе ужаснѣйшаго, кроваваго произведенія М. П., заполниваго злополучную К. Стар. на горе ея читателей). Я не знаю даже в каком смыслѣ употреблено слово мастакъ в этой же надписи. Если в смыслѣ мастера-искусника, то тоже оно лишнее. Вот мое мнѣніе. Остальное все хорошо, в осо-

бенности сжатость первой надписи. Цитата из „Наталки“ политично-подходящая.

Я очень счастлив что Боннэ понравился Вам, как я и рассчитывал. Это автор совсѣмъ неизвѣстный (это первая его книга) и, не смотря на рекомендацію Доде, наши журналы пренебрегли им, я гоняясь за всякой модной дрянью (правда и перевод его очень труден при этнографическом характерѣ этой вещи) перевел по своему выбору, и издателю моему потом очень понравилось. Но нѣсколько главъ пришлось выбросить, какъ имѣющих слишком мѣстный характеръ и предст. картинки, не прямо относящіяся къ сюжету. Если будетъ когда отдѣльное изданіе, то надо возстановить ихъ. Но о литературных дѣлах надѣюсь поговорить с Вами вволю в Ярошовкѣ (надѣюсь, надѣюсь!!). Если у Вас есть что нибудь Ваше прочесть — захватите с собою! (Я не читал послѣдних частей „Повіи“) — О „Морозенкѣ“ ничего не знаю. Из Кіева пріятели пишут мнѣ что Науменка невозможно застать в редакціи, вѣчно он гоняется по своим разным дѣлам, а не хочет никому уступить бразды правленія и журнал отъ этого страдает. Но я думаю что к пріѣзду Вашему мнѣ напишутъ об этом и я сообщу Вам лично.

Прошу Вас усердно кланяться Александрѣ Михайловнѣ и ребяткам. Жду нетерпѣливо извѣстій от Вас, и еще больше Вас самих.

Любящій Вас всегда

В. Горленко.

18 ноября Ярошевка. 97 г.

Вмѣсто Васъ, дорогой Афанасій Яковлевичъ, котор. я поджидал со дня на день, получил вчера Ваше письмо — и поник головой! Я строил такіе пріятные планы литературнаго дня, в котор. Вы бы немного забыли противную службу, а я свои мучительныя дѣла и всѣ проэктъ разсѣялись как дымъ. Очень, очень грустно что такъ вышло.

Добраться от Дмитровки дѣйствительно теперь вечером затруднительно, но, будь извѣстія от Васъ хоть за день раньше, то путь Ваш был бы освѣщенъ факеломъ, котор. мы всѣ здѣсь имѣемъ, ибо без них невозможно ѣздить по ночамъ. Онъ специально покупается с этой цѣлью в Кіевѣ, у Лучанскаго, сдѣланъ изъ жести и прикрѣпляется на большую палку, палки же сіи привязываются или к козлам экипажа, или факел везется верхом. Таким образом можно путешествовать „по морю как по сушѣ“, по сторонам кромѣшная тьма, а впереди все видно.

Но что съ воза упало то пропало, и теперь передѣлать дѣла уже нельзя. Обращаюсь къ надписям на памятникѣ Котляревскому. Щирою працею кажется вполне выразить безкорыстное участіе Позена в дѣлѣ, а Кобзареву (Вы позволили мнѣ быть откровеннымъ) — все таки не точно и натянуто. Вѣдь Котляр. наполовину писатель прозаикъ (хотя

конечно поэтъ по существу (таланта). Не печально ли что языкъ не имѣетъ слов для выраженія понятія писатель (письмовецъ?) или просто поставитъ поэтовъ, т. к. слово это международное и принято во веѣхъ напр. романскихъ языкахъ происходитъ отъ латинскаго (не утверждаю ничего положительнаго но только высказываю лишь мнѣніе, какъ Вы требовали). У Шевченка в стихахъ можно встрѣтить не одну неточность, допускаемую всегда поэзіей если она идетъ в пользу образности и выразительности. Но представьте Полтавскаго крестьянина, кот. не знаетъ этихъ условностей, подошелъ и читаетъ надпись. Какое представленіе о Котляревск. с своими понятіями о Кобзарѣ?

Къ своему Морозенку Вы совсѣмъ не правы. У меня сохранилось воспоминанье о немъ, какъ объ очень хорошей вещи. Я помню великолѣпныя описанія и весь скорбно-поэтический колоритъ. Это было ужъ очень давно что Вы читали мнѣ его, когда Вы жили на Монастырской улицѣ. Навѣрное онъ у цензора и доселѣ, а можетъ быть пошелъ на разрѣшеніе и в Главн. управленіе по дѣл. печати. Быть можетъ в самом концѣ ноября я буду въ Кіевѣ на день-два, то узнаю навѣрное о всемъ его касающемся и сообщу Вамъ.

Мои дѣла ни на волосъ не подвигаются впередъ, такъ что рѣшительно не знаю когда выѣду и эта неизвѣстность, мѣшающ. возможности хоть кое какъ устроить свой бытъ, убиваетъ меня. Вотъ что значитъ выбиться совсѣмъ изъ колеи, какъ я, потомъ никакъ и не попадешь уже на сколько нибудь проѣзжую дорогу. Увы, увy, колея очень нужный предметъ на свѣтѣ! В Петерб. вышла „поэма“ Мордовцева „Козаки и море“, старая вещь изъ его „Саратовскаго Сборника“ напис. в томъ духѣ какъ писались эти вещи прежде, с прославленіемъ козацкихъ подвиговъ; между котор. рѣзня и звѣрство, нападенія на турокъ и т. п. Книжка съ рисунками Сластѣна. Изъ газетъ видно, что Саксаганскій с декабря будетъ играть в Москвѣ, а Кропивн. подвизается в Варшавѣ, гдѣ же Садовскій — неизвѣстно.

Прошу кланяться Александрѣ Михайловичъ и юнымъ обитателямъ Садовой улицы. Откликнитесь когда позволитъ время. Всегда любящій Васъ

В. Горленко.

Кіевъ 9 дек. 97.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Пишу Вамъ изъ Кіева куда пріѣхалъ на нѣсколько дней по поводу печатанья своей книжки (выйдетъ в двадцатыхъ числахъ января)¹⁾. Позавчера я видѣлъ редактора „Старины“ и спрашивалъ о „Морозенкѣ“. Онъ посланъ в Петербургъ, в цензуру, по правиламъ. Редакторъ, желая получить

¹⁾ Южно-русскіе очерки и портреты дозв. ценз. 17 дек. 1897 г. выпущена в 1898 г.

его скорѣе, просил не задержатъ мотивируя тѣмъ что рассказъ будто бы святочный. Но досель еще его нѣтъ, а какъ получится то пойдетъ немедленно. Кромѣ Вашей малорос. вещи было прислано еще двѣ: историческая повѣсть Мордовцева — цѣликомъ зачеркнутая цензурой и историческій романъ Нечуя „Гетьманъ — Шляхтичъ (Выговскій) который забракованъ редакціоннымъ комитетомъ по полному незнанію авторомъ исторіи и, увы, по общей литературной слабости. „Старина“ потому такъ запоздала что в. типографіи, гдѣ она печатается, былъ пожаръ, произведшій большія пертурбаціи. При этомъ сгорѣли всѣ оттиски „Лубенскаго полка“ Лазаревского и все отдѣльное изданіе романа Старицкаго „Передъ бурей“. Последнему можно было бы радоваться, еслибы редакція и безъ того не богатая, не должна была вновь напечатать это отдѣльное изданіе. А вѣдь это 25 печатныхъ листовъ! Литературныя новости таковы: Русско-малорос. Словарь Тимченка т. I-й, половина (до буквы О) уже продается по 2 р. Складка, (эту Вы знаете, вѣроятно), новое изданіе поэмы (?) Мордовцева „Козакъ и море“, „Гетманъ Мазепа“ (по русски Мордовцева) и пр. Тысенко собирается в Полтаву для концерта кажется на праздникахъ; в ученомъ здѣшн. кружкѣ идутъ приготовленія к археологическому Кіевскому съѣзду 1899 г.

Я уѣзжаю домой послѣ завтра и не знаю когда еще двинусь в Петерб., вѣроятно въ началѣ генваря. Если соберетесь написать мнѣ, пишите пожалуйста еще в Ярошовку.

Передайте мой поклонъ Александрѣ Михайловнѣ. Обнимаю Васъ и остаюсь любящій

В. Горленко.

P. S. Если возможно, идя со службы, пройдите мимо гостинницы Воробьева и, вызвавъ лакея Ивана, потрудитесь сказать чтобъ онъ отдал Вамъ забытую мной в гостинницѣ в послѣдній мой пріѣздъ совсѣмъ новую рубашу и оную благоволите ткнуть куда нибудь в свой комодъ, до слушного часу, когда мнѣ можно будетъ ее у Васъ взять. Простите за это нахальное порученіе!

Какая громадная потеря смерть Альфонса Додэ.

30 октября Ярошовка 97.

Простите, дорогой Афанасій Яковлевичъ, что замедлилъ отвѣтомъ на Ваше интересное письмо. Я ѣздил из дому, а дома тоже имѣлъ множество хлопотъ. Устраиваю возможность отъѣзда на зиму, т. к. зимовать еще годъ в Ярошовкѣ нѣтъ смысла. Но что то трудно устроится эта возможность. Ъхать прійдется в Петерб., гдѣ в виду довольно газетной работы, до „Нов. Времени“ включительно, давшаго мнѣ занятія в своей „библіографіи“. Хотя все сіе и не можетъ приводить в восторгъ, но выбора нѣтъ, а ѣхать надо. (Я не писалъ Вамъ что мнѣ предлагали ѣхать на зиму въ Парижъ.

с больным сосѣдом Скоропадским, и, представьте себѣ, я не поѣхал!.. Надо знать, что у больного падучая, а, что еще вѣрнѣе, что онъ хуже даже здоровым, чѣмъ больным: мелочен, невѣжествен и пр., а мнѣ предстояло быть с ним постоянно глазъ на глазъ. Какъ не велико было искушеніе, но я отказался!). По примѣру древних, я предпочелъ добродѣтельную бѣдность столь сомнительному довольству. Теперь изобрѣтаю разныя комбинаціи чтобъ устроиться настолько чтобы можно было выѣхать черезъ мѣсяць хотя, рассчитывая исключительно на заработки.

Конечно съ большимъ любопытствомъ прочелъ Ваше сообщеніе (замѣчательно хорошо изложенное. Какой газетный сотрудникъ былъ бы из Вас!)) о преніяхъ о памятникѣ Котляревскому. Во многомъ Позенъ правъ и кое-что изъ своего заключенія (кот. Вы сдѣлали незаслуженную честь прочитавъ комиссіи) я беру назадъ (напр. онъ правъ что на маленьк. барельефѣ нельзя поставить шесть лицъ „Наталки“). Что до сценки изъ „Энеиды“ — то разницы касательно ее въ нашихъ предположеніяхъ немного (я рѣшительно отказываюсь видѣть въ „Энеидѣ“ какую-то идею протеста. Далась имъ эта идея, суютъ вездѣ ужъ гдѣ попало). Уступаю ему и „Музу“, хотя не во имя ея аллегоричности (ужъ слишкомъ понятной всякому), но „Москаля“ рѣшительно не могу одобрить. Если ужъ дѣлать сценки на всѣ сочин. Котляревск. то почему не ставить чего нибудь и на „Оду до князя Куракина“? Позенъ очень милый человѣкъ и давай Богъ ему всякаго успѣха, — не былъ бы онъ только мелковатъ въ своей работѣ, т. к. онъ скульпторъ-жанристъ, а эта вещь требуетъ большого размаха. Все же памятникъ будетъ это главное! Не берусь сейчасъ разыскивать тексты для подписи: страшно некогда! В Полтавѣ много свободныхъ людей, пускай-ка пороются съ этой цѣлью въ „Энеидѣ“. Изъ Кіева имѣю кое-какія извѣстія, но ничего еще не знаю о „Морозенкѣ“, т. е. пропустила ли цензура или нѣтъ, ибо въ цензуру онъ пойдетъ вмѣстѣ съ журналомъ. Должна бы пропустить, если пропустила, „Богдана“ Старицкаго. „К. Стар“, какъ поѣзда нѣкотор. желѣзныхъ дорогъ выходитъ съ жестокимъ опозданіемъ. Редакторъ — Науменко, очень плохъ и очень занятъ своими гимназическими уроками и частными. Матеріалъ, говорятъ, преимущественно собрался теперь въ „портфель“ редакціи этнографическій. Изъ интересныхъ повѣстей обращаетъ вниманіе „Гетм: Мазепа“ Уманца, книга написанная въ защиту Мазепы. На дняхъ долженъ имѣть ее чтобы писать о ней въ „Нов. Вр.“ Я началъ читать „Парижъ“ Zola, очень интересную и живую вещь, такъ искусно сдѣланную, какъ всѣ произведенія этого ловчайшаго закройщика. Но мой источникъ литератур. новинокъ не великъ, т. к. я читаю только то, что выписываю или получаю самъ, ибо достать здѣсь книгъ негдѣ. Меня же мучать многіе не книжнаго свойства вопросы. Жиды, рубящіе лѣс, изводятъ мою душу! Каждый день нетерпѣливо дожидаюсь вечера, зная что вечеромъ прекращаются терзанія моихъ лѣсовъ, о котор. я иначе не могу думать какъ о живыхъ существахъ (да деревья и дѣйствит. живыя существа, только низшія). Пытаюсь какъ нибудь отстоять хоть кусочки. Съ этою цѣлью продаю мельницу, чтобъ

выкупить один участочекъ и т. п. И я же долженъ еще платить барышъ этимъ господамъ!

Если Вамъ можно будетъ, то напишите мнѣ еще сюда, ни в какомъ случаѣ раньше 15 ноября я не уѣду, хотя в моемъ домѣ порядочный холодъ и много неудобствъ вообще въ деревенской жизни зимой. А можетъ быть в это время какими нибудь судьбами, Вы будете на ревизіи роменскаго или прилуцкаго Казначейства? Что если бы это случилось! Долгъ чело-вѣколюбія заставилъ бы Васъ тогда заѣхать ко мнѣ. Прошу передать мой искренній привѣтъ Александрѣ Михайловнѣ и юношамъ, кот. незамѣтно приближаются ужъ и къ школьному возрасту?! Если паче чаянія не получу еще письма отъ Васъ здѣсь, то сообщу свой адресъ изъ Петербурга.

Всегда любящій Васъ

В. Горленко.

21 дек. 97.

Ярошовка.

Пишу Вамъ болящій, дорогой Афанасій Яковлевичъ, мои утлыя одежды (за то у банковыхъ чиновниковъ и жидовъ, рубящихъ мой лѣсъ хорошія шубы) — не защитили моего злополучнаго тѣла, во время поѣздки в Кіевъ, главн. образомъ возвращенія — и я простудился. Не могъ поэтому ѣхать в при-сяжные в Прилуки и вѣроятно буду оштрафованъ. Вотъ уже шестой день какъ страшно неможется, а насколько это удобно одному, в деревнѣ, безъ доктора, аптеки, лавокъ и того что требуется для лавокъ, можете судить сами. Къ этому скорби и заботы и огромный вопросительный знакъ впереди.

Среди невольной моей недѣятельности (долженъ вѣдь сидѣть выжи-дая хода дѣла!) — болѣзнь является нѣкот. рода извиненіемъ и оправданіемъ передъ самимъ собой. Новое доказательство ужасной истины, что в каждой вещи можно отыскать хорошія стороны.

Я все же занимаюсь в это время. Внявъ кличу какой-то дамы из редакціи „Полт. Вѣдом.“ о статьѣ для Рожд. номера, я во время самого жара, писалъ родъ фельетона кот. и послалъ, а теперь прихожу в ужасъ. Посмотрите, если охота, в Рожд. номер, называется — „Разговоръ в степи“, — не похоже ли на бредъ сумасшедшаго?

Читалъ усердно (и пишу теперь о ней) книгу Уманца „Гетм. Мазепа“ очень замѣчательную книгу и прекрасно написанную. Это первое доброе слово о Мазепѣ съ 1709 года, шутка ли сказать! Я же давній, инстинктивный и традиционный Мазепинецъ и съ радостью встрѣчаю фактическія подтвержденія своихъ симпатій къ Мазепѣ. Прочтите при случаѣ книгу непременно! Глава „Шведская Инкурсія“ прямо блистательна. Очень меня порадовали и заинтересовали сообщенія о задуманной работѣ. Т. к. к не-счастью я не могу ее прослужать в рукописи, то дѣлаю то что в состояніи въ смыслѣ критики: высказываю лишь домысел, насчетъ этой вещи,

именно: будучи убѣжденъ что это будетъ умно, благородно, хорошо, спрашиваешь: не будетъ ли это публицистично, какъ всегда, когда произвед. выходитъ изъ мысли или ряда мыслей, а не наоборотъ т. е. не мысли вытекаютъ изъ образовъ. Разумѣется и публицистика нужна, полезна, хороша, но когда имѣешь дѣло с Вами, то требуешь искусства и оно будетъ конечно, а мнѣ старому брюзгѣ, типунъ на языкъ!

Я забылъ написать Вамъ, что „Морозенко“ предположенъ на янв. книжку „Старины“, мѣсто ему оставлено и весь вопросъ в своевременномъ возвращеніи его изъ Петерб. отъ цензуры. Науменко думаетъ, что пропускать и немножко побаивается только за молитву Катри. Въ Кіевѣ теперь прекрасный, чрезвычайно либер. цензоръ, Бутовскій, но малор. тексты он не можетъ в журналѣ пропускать своею властью и они все идутъ в Петерб. Въ моей книжкѣ, кот. обѣщали выпустить около 20 генв. онъ зачеркнулъ только одну фразу.

Прошу Васъ передать мой привѣтъ Вашимъ. Гдѣ теперь Ив. Яковл., в Петербургѣ ли и до какихъ поръ тамъ пробудеть? Обнимаю Васъ и ост. любящій В. Горленко.

P. S. Очень благодаренъ за комиссію, пусть извлеченный предметъ полежитъ у Васъ до слушного часу.

Какіе курьезы в преніяхъ послѣдняго Полт. Земск. собранія, судя по отчету в „Вѣдом.“ хорошо что В. И. Василенка нѣтъ в Полтавѣ, онъ изшелъ бы слезами по случаю неудачъ г-жѣ Селиховой и Коляновской! ¹⁾

15 февр. 98. Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Посылаю Вамъ свою книжку кот. прошу принять во всей скромности ея содержанія — Ваша личная доброта ко мнѣ быть можетъ заставитъ Васъ снисходительно взглянуть на ея литературную физіономію. Какъ Вы поживаете в теченіи той вѣчности что нѣтъ вѣстей отъ Васъ? Я до сихъ поръ еще не выѣхалъ в Петерб. и только в концѣ 1-й недѣли поста выѣду наконецъ. То дѣла то изданіе книжки (не мое конечно, но потребовавшее нѣкот. личнаго участія), то нездоровье (зимой я пропадаю всегда) мѣшали сдѣлать сіе до сихъ поръ. В Петерб. желалъ бы пробыть не болѣе трехъ недѣль, но не знаю какъ случится (во всякомъ случаѣ останусь не дальше Пасхи). Ни за что не ѣхалъ бы въ противную, холодную и шаблонную столицу, если бы не нѣкотор. мелькнувшая надежда отвоевать деньги выручен. за лѣсъ и заграблен. проклятымъ банкомъ, кот. лишилъ меня и моей отрады и оставилъ все таки съ неуплоченнымъ долгомъ на шеѣ. Кстати, чтобъ кое что все же устроить, если в Петерб. дѣло не выгоритъ, я веду хлопоты черезъ

¹⁾ Селихова і Коляновська мали в Полтаві ткацьку школу — майстерню, що субсидувало її пізніше Земство.

одного жида в Полтавѣ, кот. наднях я послал планъ своей земли и велѣл ему, по минованьи надобности планъ сей занести к Вам. Будьте добры спрячьте его пока что у себя. Если онъ понадобится мнѣ, я выпишу его у Вас, если нѣтъ, то покуда полежитъ у Васъ, если можно.

Я нѣсколько раз справлялся о „Морозенкѣ“ но не могу добиться толку у глупаго Науменка. Знаю что он был в цензурѣ (в Петерб.) и предполагался для 1 № „Старины“. Но там его нѣтъ (В книгѣ этой удивительно интересны письма Кулиша к Хильчевскому). Вѣроятно будет во 2-й, я наднях запрашивал у Стороженка (член редакціи) и если он напишет мнѣ то сообщу Вам. Что Ваша работа для „Складки“, как поживают Ваши, многоуважаемая Александра Михайловна, которой усердно кланяюсь и „юные отпрыски рода Рудченков“. По прежнему ли бѣдствует самый юный побѣгъ древа? Надѣюсь нѣсколько Ваших словечек получить до отъѣзда, а пока обнимаю

Вас и остаюсь всегда любящій
В. Горленко.

28 февр. 98. Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ! Во исполненіе обѣщанія даннаго г. Шидловскому, посылаю Вам, с просьбой передать ему, библіографію болѣе рѣдких сборниковъ нотъ малорос. пѣсень. Пишу сіе нарочно на отдѣльном листкѣ, кот. оторвавъ, можно передать по принадлежности.

Изъ Полтавы я заѣзжал в Константиноградъ, исполняя давнишнее желаніе видѣться с Мартиновичемъ. Отходившій туда поѣздъ соблазнил меня, но в дорогѣ я порядочно простудился. Мартиновича застал почти здоровым, но въ ужасном состояніи духа и дѣлъ. Невозможно рассказать это в письмѣ, тѣм болѣе что и не придумаешь что и сдѣлать чтобъ извлечь его из этого состоянія. Но его записи, рисунки и онъ самъ — нѣчто столь драгоцѣнное, что не думать объ этом и не желать этого — невозможно.

Сомнѣваюсь чтобъ Вы откликнулись теперь (см. недавніе примѣры), я еще съ недѣлю пробуду здѣсь до отъѣзда в Петербургъ.

Если напишете, то сообщите как прошли Шевченковскіе вечера и что Вы читали, как все это сошло?

Сверх своего дурного обычая болтать, пишу нѣсколько только слов т. к. чувствую себя плохо. Мой поклонъ Александрѣ Михайловнѣ. Какъ здоровѣе милыхъ дѣтей?

Всегда Вашъ В. Горленко.

Петербургъ 11 апр. 98.

Любезное и доброе поздравленіе Ваше, дорогой Афанасій Яковлевичъ, получилъ из Дмитровки сюда, а здѣсь я уже окалачиваюсь около мѣсяца.

Пробуду еще дней съ десять и возвращаюсь во свояси. Такъ очумѣлъ от суеты и всяких хлопотъ, что совѣм сбился съ панталыку и во время не поздравил и Вас, — а дѣлаю это, отъ всей души теперь. Послѣ моего Ярошовскаго одиночества — переход в самый центръ Петербурга (Литейная, 58) довольно таки рѣзокъ, а нахожденіе мое тоже вблизи всяких литературных и художествен. кружков — также вещь изъ не успкаивающих нервы. Я имѣю дѣло с газетами и газетчиками, завоевывая себѣ постоянную работу, а у этого народа — все основано на спѣшкѣ и борьбѣ. Роль борца совѣм не по мнѣ, да что подѣлаешь! Видѣлся здѣсь съ Ив. Яковлевъ, уѣзжавшим на праздники в Варшаву и опять пріѣхавшимъ. Передал ему насчет „За водою“ и онъ собирався послать повѣсть в Кіевъ. Познакомился и съ „Магдалиной Михайловной“¹⁾, которая, пока, еще не каюшаяся Магдалина, но пріятнѣе рѣшительно непріятной Марьи Петровны. Но это такія области куда посторонній имѣет право проникать только въ качествѣ равно со всѣми любезнаго гостя... По части искусствъ — видѣлъ не мало: нѣсколько выставокъ — (гдѣ, какъ и вообще на свѣтѣ было кое что хорошее, но очень мало) — вновь созданный „Музей русскаго искусства“, двѣ оперы, невѣроятнаго „Трансформиста“ Фреголи, Савину въ особенно удавшейся ей роли „Идеальной жены“ (идеальной по лукавству). Изъ оперъ я остался очарованным вагнеровской „Тристаномъ и Изольдой“, гдѣ Тристана пѣлъ превосходный артистъ Решке, и совершенно разочарованным „Садкомъ“ Римск.-Корсакова. Послѣдняя вещь холодна не создана, а придумана можетъ быть и „остроумно“ — но что такое „остроуміе“ въ музыкѣ? Поставлена опера недурно, но без особеннаго вкуса, исполняла ее та же труппа что зимой играла въ Москвѣ. Вагнеровская опера уѣхала за границу, а всѣ русскія сцены дѣйствуютъ еще до 1-го мая.

„Старины“ здѣсь я не вижу (о самой Малороссіи почти ни кто и не вспомнить!) — а жажду прочесть „Морозенка“. Не забудьте побаловать меня оттискомъ! Моя книжка почти распродана и встрѣтила неожиданно нѣчто вродѣ успѣха. — Мой глубокій поклонъ и благодарность за память Александрѣ Михайловнѣ и привѣтъ юношам. Совѣмъ ли они уже поправились? Я буду здѣсь числа до 23—4 апр., — рѣшите сами куда лучше писать, мнѣ — а писать надо!

Всегда любящій Васъ

В. Горленко.

4 мая 98. Ярошовка.

Позавчера вернулся я изъ россійскаго Вавилона и отвѣчаю Вам, дорогой Афанасій Яковлевичъ, опять болѣе или менѣе изъ человѣческаго жилья, а не изъ противной мебелированной, пошлой комнаты гдѣ околачивался около 1 1/2 мѣсяца. Перемѣна послѣ Петерб. во всѣх отношеніях

¹⁾ Друга жінка Ів. Яковл.; Марія Петр. — перша.

рѣзкая: там на первом планѣ люди, иногда хорошіе, но болѣе, как водится, дурные; здѣсь природа, хотя и не безъ людей, котор. уже сразу и встрѣтили меня нѣсколькими пакостями (не стоит рассказывать!) — Забот и дѣл сразу навалилось на меня не мало, а, не прерывая, завтра же берусь опять за писаніе, ибо оно одно должно меня нынѣ прокармливать (остальное кушает банкъ). Въ найденных дома двух книжках „Старины“ увидѣлъ наконецъ „Морозенка“. О нем ниже, а пока скажу кое что о малорос. печатныхъ дѣлах. По указанью кого то мнѣ в Петерб. писала Ал. Мих. Кулишъ, прося навести в цензурѣ справки о рукописях ея покойнаго мужа и вотъ почему я кое что узналъ там. Цензор Соколов, кот. кажется один вѣдает малороссійск. печатью (хотя плохо понимает по малорусски) — сказал что „беллетристику Государь позволилъ малорос. всю, на одних, будто, правах как русскую, но правила о перекладах (увы тебѣ „Лирь!“!) — состоятъ тѣ же. Поэтому Кулиша не пропустят представлен. его вдовой „Ромео“ и вѣроятно пропустят его двѣ укр. драмы и нов. изданіе (столь желательное и необходимое) „Черной Рады“. Кіевскій сборн. в пам. Котляр. тоже вѣроятно пройдет если составл. его вещи не встрѣтят препятствій по обще-цензурным соображеніям. В Петерб. слышал о послѣдовавшем сліяніи труп Саксаганскаго и Садовскаго, послѣ разных драм и исторій (Заньков. была законтракована в трупу Науменка и чтобы выйти оттуда заплатила 1000 р. неустойки). Говоря Вам в письмѣ о том что в Петерб. как будто нѣтъ Малороссіи, я разумѣлъ что ее нѣтъ в сферѣ обществ. и умств. литерат. интересовъ. Малороссы конечно есть и их даже очень много. С Мордовцев. я видѣлся и он даже написал статейку в „Новостях“ о моей книжкѣ (котор. боюсь, Стороженко почти „накидываетъ“ силой, напр. Вам в Полтавѣ). Билиловскаго не успѣлъ повидать, недосугъ был страшный т. к. я выѣхал из дому с ничтожными деньгами, должен был там же на мѣстѣ работать в газетах.

Как Вы поживаете, куда переѣзжаете на дачу и когда, будете ли ѣздить для ревизіи казначействъ? Не забудьте в этом случаѣ мои вѣчныя просьбы, кот. я хотѣлъ бы превратить в правило. Ив. Яковл. съ его подругой я оставил в Петерб. гдѣ он поселяется на лѣто, нашел уже квартиру в Троицкой улицѣ, дом кажется 5-й. Их всегда можно встрѣтить вмѣстѣ, так что выходить даже трогательно...

Быть может в маѣ буду в Полтавѣ, хотя очень желал бы посидѣть дома и свободнѣе работать. Мой глубокій привѣтъ Александрѣ Михайловнѣ.

„Морозенка“ прочелъ вчера же, давно не читавши ничего Вашего. Да, это не то что наши поверхностныя, легкомысленныя писанья! В рассказѣ отразилась вся трагическая Ваша сила, съ какою Вы умѣете рисовать и людей и природу. Языкъ великолѣпенъ¹⁾. Послѣ этого не хочется смотрѣть на свои маранья, но каждый долженъ дѣлать что может! — Надо подумать объ изданіи Вашихъ небольшихъ вещей книжкою. Навѣрное можно найти издателя даже из книгопродавцев. Пишите! Всегда весь Ваш

В. Горленко.

¹⁾ Какой бы трезвонъ поднялся если бы это написал Корсѣнко и К^о и какъ бы они сами были рады написать такъ! Въ Петерб. печатается 2-й том стихов. Щеголева. (Прим. Горл.).

Листівка.

20 мая Ярошовка (98).

Еще в самом началѣ мая, по прибытіи из Спб., писалъ Вам, дорогой Афанасій Яковлевичъ (на Казенную Палату), но не имѣю до сего дня отклика от Вас. Дошло ли письмо мое, писающее послѣ прочтенія „Морозенка“, или можетъ быть не дошло? Какъ же Вы поживаете, гдѣ устроились на дачѣ и что подѣлываете? Не собираетесь ли по Казначействамъ — (Гм! Гм!) — и когда и по какимъ (усиленное Гм!) — Отзовитесь, дорогой Аф. Як., — скучно не знать ничего о Вас. Мой привѣтъ Александрѣ Михайловнѣ и дѣтямъ. Искренно Вас любящій.

В. Горленко.

17 іюня 98.

С. Ярошовка.

Я такъ и предполагалъ о причинѣ долгаго Вашего молчанія, дорогой Афанасій Яковлевичъ. Очень и очень радъ что все кончилось благополучно и Ваши тревоги миновали (хотя начнутся новыя по воспитанію новорожденнаго)¹⁾. Какъ рѣшили Вы устроиться лѣтомъ: оно, наконецъ, и по календарю, пожаловало къ намъ сегодня! — Письмо Ваше засталъ ворясь изъ Глухова Черниг. губ. Есть в этомъ городѣ, — нѣкогда гетманской столицѣ, у меня пріятель докт. Дорошенко, котор. десять лѣтъ уже звалъ меня посѣтить Глуховщину и его. На этотъ разъ призывы его были особенно настойчивы, а такъ какъ я хочу писать нѣчто о трехъ послѣднихъ (ничтожныхъ гетманахъ) исключеніе нѣсколько дѣлаетъ одинъ Д. Апостол, то мнѣ необходимо было посмотрѣть ту мѣстность, гдѣ они жили, дѣйствовали и вот я и сдѣлалъ теперь эту экскурсію, продолжавшуюся 4 дня. За это время я хорошо оглядѣлъ все что мнѣ было нужно, былъ в очень старомъ Петро-Павловскомъ монастырѣ, гдѣ жил и писалъ „Минеи“ Дмитрій Ростовскій и впечатлѣнія свои сложилъ в памяти до „слушнаго часу“. Задуманная работа довольно большая и много потребуетъ труда, прежде чѣмъ удастся довести ее до ума.

21 іюня. Случайно я былъ оторванъ от этого письма на цѣлыхъ 4 дня и в это время получилъ от Вас оттискъ прекраснаго „Морозенка“. Искренно благодарю Васъ за него, но сгораю от смущенія за надпись, объясняемую лишь Вашимъ добрымъ расположеніемъ ко мнѣ. Нѣтъ достаточно душевныхъ словъ чтобъ сказать какъ я цѣню его! Брошюрка вышла премиленькая и, если редакція сдѣлала оттисковъ не мало, то слѣдовало бы часть хотя сдать в продажу, не корысти ради, а чтобъ дать возможность пріобрѣсти книжку тѣмъ кто не получаетъ „К. Ст.“ — Пора, давно пора Вамъ выпустить совмѣст-

¹⁾ Народження третього сына Мирного — Леоніда,

ный сборникъ своихъ небольшихъ вещей, которыхъ всѣхъ набралось бы около десятка („Образы з життя“ из „Рады“, Лихий попутав, Пьяныця, Морозенко, очеркъ из „Правды“ — кажется „Подорож до Гадяча“ — и вѣроятно еще что-нибудь). — Навѣрное издатель хоть в Кіевѣ хоть в Харьковѣ найдется очень легко, хотя тот же Билиловскій, а в Кіевѣ — кто нибудь из книжниковъ (что вѣроятно могъ бы устроить хотя бы Старицкій, — онъ „сих дѣлъ мастеръ“). Все это уже пропущено цензурой, а потому и теперь не встрѣтитъ препятствія в появленіи, а собранное вмѣстѣ, — куда удобнѣе для обращенія в публикѣ и чтенія. Соберите же все сіе воедино и закажите сдѣлать списокъ из „Правды“ съ соотвѣтствен. требованіям цензуры изложеніемъ правописанія.

Буду пока питаться надеждой — поданной Вами насчет Ромнов etc. О, если бы в тамошнемъ казначействѣ требовались почаще ревизіи, да такія что нуждались бы не в одном и не в двухъ приѣздахъ грозныхъ (?) ревизоров...

22 іюня в Прилукѣ выборы гласныхъ и їду на нихъ и я В. уїздѣ нашемъ земскіе дѣла идутъ невозможно скверно, всякая мѣра терпѣнія лопается, тѣмъ болѣе что налоги все возрастаютъ и превосходятъ теперь 50 коп. съ десятины, что весьма и весьма не мало. Поэтому господствующая сѣверная „партія“ должна быть во что бы то ни стало свергнута и вотъ почему потянутся на выборы даже такіе скептики и инвалиды земскаго дѣла какъ я многогрѣшный.

Гринченко пишетъ мнѣ что печатаетъ 3-й выпускъ своего „Этнографич. Сборника“ (произведеній народн. творчества Черниговской и смежныхъ с нею губерній), куда и я сдалъ свои, разновременно записан. матеріалы. В этомъ выпускѣ будутъ пѣсни. Набрано уже 17 листовъ с 540 пѣснями, а будетъ еще столько же. Черниговскій сборн. — очень цѣнный, какъ надо заключить по первымъ двумъ его выпускамъ.

Если будетъ возможность — отзовитесь! Мой искренній привѣтъ многоуважаемой Александрѣ Михайловнѣ. Какъ назвали Вы своего птенца? Искренно любящій Васъ

В. Горленко.

30 іюня 98

С. Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ! Былъ у Васъ в Вашемъ отсутствіи и представлялся почтеннѣйшему Леониду Афанасьевичу, принявшему меня впрочемъ, довольно сухо (къ счастью!). Ужасно жалѣю, что не засталъ Васъ, но узналъ пріятную вѣсть, что вскорѣ Вы предпринимаете мало занимательный вояжъ по казначействамъ и что, между прочимъ, будете вскорѣ и в Ромнахъ (Гм! Гм!). — Поэтому, разсчитывая на ваше доброе обѣщаніе посѣтить меня бывши в Ромнахъ, я очень озабоченъ тѣмъ чтобъ какъ нибудь не совпало это съ временемъ моего отсутствія изъ дому. Напишите пожа-

луйста когда примѣрно можно ожидать Вас? Я полагаю что 10 августа и вплоть весь август и половину сентября я рѣшительно никуда не двинусь из дому и буду всякую минуту ждать Васъ с одинаковым нетерпѣніемъ.

Александра Михайловна, которой усердно кланяюсь, познакомила меня съ новымъ и симпатичнымъ малороссійскимъ авторомъ Мих. Коцюбинскимъ „открытым“ Вами. Эти маленькія брошюрки обыкновенно такая дрянь в литературн. смыслѣ, что я перестал и читать их, но означеннаго автора, какъ почти всѣ, впрочем, пропустилъ. Я прочел в Полтавѣ и даже завез (не имѣя времени занести их к Вам) обѣ его книжки. Чрезвычайно симпатичный талантъ, показавшій себя покуда на дѣтскихъ типахъ и на дидактическихъ темахъ. Но мило, мило и мило! Нельзя еще сказать хватить ли у него силы на большее. Какъ будто не много онъ однотоненъ. Мнѣ больше всѣхъ понравился рассказ „Ялына“ (быть может по моей особой любви к деревьямъ)—но нѣтъ, онъ дѣйствительно выдержаннѣе всѣхъ другихъ.

У вас еще нѣтъ и Слобожанщины „покойнаго Щоголева“. Усиленно рекомендую ее Вам, этот поэт пошел в ней много дальше своего перваго сборника. Есть прекраснѣйшія піесы. Мнѣ случилось недавно перечитывать пьесы Караго и я убѣдился, какъ онѣ проигрываютъ въ чтеніи. Характеров (во всѣхъ пьесахъ) у него всего нѣсколько — и они повторяются. Красокъ в языкѣ, для обрисовки характеров, (как у Островскаго, напр.) очень мало. Есть сценическія положенія, условные типы, и очень большое знаніе сцены. Лучшая вещь, без сомнѣнья, „Безталанна“. Но добрая треть пьесъ взята с польскаго (напр. „Палывода“ — очевидно цѣликомъ, „Боруля“ сильно „заимствованъ“ и проч.). А все же полезный и дѣльный авторъ! Захватите с собой когда будете ѣхать Via Ромны тетрадку „Лыха“. Очень интересно познакомиться с нимъ. О своем лихѣ не буду распространяться, оно и мнѣ самому стало уже поперекъ горла. Милые юноши Ваши встрѣтили меня очень радушно. Они с каждымъ разомъ что я вижу их становятся интереснѣе и милѣе.

До скораго свиданія дорогой Афанасій Яковлевичъ!

Всегда весь Вашъ В. Горленко.

6 дек. 98 Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ! Пишу Вам немного прійдя в себя послѣ мѣсяца ужаснѣйшихъ передрыгъ, среди которыхъ, на этот разъ, я чуть чуть не погибъ. Но большими личными усиліями, молитвами моихъ друзей и судьбой, еще кое-какъ меня хранящей, я вынырнул из самой пучины. Но не могу сказать, какъ я утомленъ всѣмъ испытаннымъ и физически и душевно. Душа совершенно пуста. Вотъ дней пять какъ стараюсь приняться за работу — и не могу! Увы и ей нуженъ отдыхъ и покой, а в особенности если она такъ глупо „чувствительна“, какъ моя.

В теченіе этого времени я был в Кіевѣ. Тогда же хотѣлъ написать Вам, но не могъ. Я видѣлъ Науменка, говорил ему о „Повіі“ и он хотѣлъ сейчас же сам писать Вамъ. Писал или нѣтъ? Разумѣется он рад и счастлив ее получить и печатать. Высылайте ему скорѣе рукопись хоть одной третьей части (по адресу редакціи.). О подробностях (перепечатывать ли и начало или нѣтъ, объ отдѣльном изданіи) спешите сами. Конечно редакція исполнит всѣ Ваши желанія в предѣлах своей возможности. Я же буду считать (раз Вы вступите в переписку сами) свою роль конченною, счастливый тѣм, что такое сочиненіе увидит наконец свѣтъ. Буду ждать этого как личнаго радостнаго событія.

В Кіевѣ я видѣлъ труппу Саксаганскаго, — пресловутое „По нал Днѣпром“. Пьеса порядочно фальшива в своей „артельной“ части (не вѣрю я в дух артели, хоть убейте меня), но в части переселенческой — интересна, жива и трогаетъ, так что я, съ моими разстроенными нервами, проливал слезы. Трогательно собственно сценическое положеніе; написано же все блѣдно и вещь это чисто головная. Саксаганскій был насколько можно хорошъ изображая малороссійскаго Лео, Садовскій дѣлает очень типичную фигуру из доктора (у кот. какъ будто оба кармана набиты динамитом). Но, увы, театр был почти пустъ. И так бывает в Кіевѣ на всѣх серьезных малороссійских пьесах! Актеры бѣсятся и негодуют, тѣм болѣе что заарендовали театр на весь сезон. Они приписывают „развращеніе“ Кіевской публики Кропивницкому, приучившему ее к легким пьесам с пѣніем и т. п. А эта труппа играет почти исключительно одного Карого, да еще с очень слабыми актрисами, т. к. Линицкая все время болѣетъ. Как бы то ни было печально, пот. что труппа прекрасная.

В театрѣ видѣлъ Косач, Старицкаго, Лысенка. У них в Кіевѣ есть еще какой то „литерат.-артист.“ кружок, гдѣ входят и малороссійскіе элементы. Косачъ, Старицкій, Старицка-Черняхівська выступают там в качествѣ чтецов. Собирались тогда чествовать память Котляревскаго, а потом Кулиша.

Я жадно хочу приняться за работу чтобы кончить свою новую книжку, для кот. надо написать еще двѣ статьи. Есть очень много работы для газет, главным образом составляющей мое занятіе. Но во всякую минуту могу быть оторванъ дѣлами и эта мысль угнетает меня.

Как Вы поживаете? чѣм заняты? Если бы праздники принесли Вам побольше досуга, чтобы можно было пересмотрѣть четвертую и пятую части „Повіі“, чтобы роман кончился печатаньем хотя в теченіи будущаго 99-го года. Соберите для этого все Ваше свободное время, ради себя самого и всѣх насъ. Въ настоящую переходную и нерѣшительную минуту это будет такой плюс, такой козырь въ игрѣ, кот. имѣет великое значеніе. А какова судьба „Лыха“ и „Дня в дорозі“?

Во время своих передрыгъ мыслью часто обращался к Вам и Вашему дому, как истинно близкому мнѣ. Передайте мой привѣтъ Александрѣ Мих. и милым дѣткамъ. Я жду их обѣщанной карточки. Не желая от Вас скрывать ничего, скажу что был (не помню уж числа) один день в Полтавѣ,

но что не имѣл никакой возможности посѣтить Васъ. Да право я был и невмѣняем тогда и лучше сдѣлал (для Вас) что не явился.

Весь и всегда Ваш В. Горленко.

30 дек. 98.

Что с Вами, дорогой Афанасій Яковлевич! Здоровы ли все у Вас? Пишу только два слова, чтоб поздравить Вас и Многоуважаемую Александру Михайловну с Новым Годом и от души пожелать Вам всего лучшаго. Меня беспокоит Ваше молчаніе. Посылаю книжки с просьбой передать Витѣ. К сожалѣнію еще нѣтъ таких, кот. могли бы занять Миню. Обоих цѣлую и поздравляю.

Отзовитесь к всегда любящему Вас В. Горленко.

19 янв. 1899.

Дорогой Афанасій Яковлевич! Письмо Ваше застал, воротясь из Кіева, гдѣ пробыл дня три. Это дает мнѣ возможность написать Вам кое что относительно „К. Ст.“ и „Повіи“. Науменко, если не писал Вам, — то по весьма уважительным причинам. Он заболѣл и настолько тяжело, что его высылаютъ как можно скорѣе из Кіева в Каиръ, Алжир и т. п. страны, ибо угрожаютъ ему развитіем „галопирующей чахотки“. В редакціи, поэтому, полныя перемѣны. Редактиров. журнала временно взял на себя Лазаревскій, как Вы знаете чистый историк и, даже больше, — человек документа и сырого матерьяла. Это конечно отразится сейчас же на журналѣ. Схватка уже произошла из-за драмы Старицкаго „Осада Буши“, кот. одни хотят помѣстить, а другіе нѣтъ. Также предложено было напечат. какую то — яко-бы историческую пьесу Карого, но и против этого Лазар. возстает неистово. Поэтому теперь нѣтъ необходимости спѣшить съ высылкой „Повіи“, пока обстоятельства выяснятся. Да повторяю в сѣ-тый раз: лишь бы Вы ее написали, а издатель моментально найдется, — цѣльной же, отдѣльной книжкой она только выигрываетъ. Если нельзя теперь, то докончите лѣтом, обязательно докончите, хотя бы взяв для этого отпуск (почему же не взять когда нибудь, вѣдь все берут).

Таким образом обстоятельства сложились как бы нарочно в угоду Вашему недосугу. Но это не избавляет Вас от священной обязанности в этом году окончить (и издать) „Повію“.

Я все еще не знаю когда и уѣду ли в Петерб. — обстоятельства все висят над головой мечом Дамокла. Мнѣ надо справку в два слова у Квитки. Думал попросить Вас об этомъ, но вспомнив Ваше распредѣленіе времени, отступился сейчас же от этой мысли и прошу об этом Викт. Ив. Василенка, а так как адреса его не знаю, то посылаю письмо на Ваше имя,

с передачей. Т. к. это весьма нужная справка, то будьте милостивы послать ему, (если существ. городская почта то хотя ею) это письмо точасъ же. Заранѣе благодарю за трудъ.

В Кіевѣ, в кружках историков готовятся къ археологическому съѣзду, имѣющему быть в августѣ. Труппа Саксаганского сначала не очень процвѣтавшая, стала дѣлать большіе сборы, идут всѣ новости, но я не успѣлъ быть. Существует еще Народный театр на Подолѣ гдѣ также даются малороссійскія пьесы. Дѣятельную роль в его жизни играет знакомый Вам по Полтавѣ В. П. Шереметевскій (театр этот отъ Комитета Трезвости). Я был на „собесѣдованіи“ поповъ, съ архіереем Сергіем во главѣ, с штундистами в Народн. Аудиторіи. Штундисты дѣлают чудное впечатлѣніе, но собесѣдованіе — кукольная комедія. Во первых все вертится на догматической и текстуальной сторонѣ — это нелѣпо, когда дѣло ведется с людьми полуобразованными, сильными только своей душой, ея инстинктивной правдой. А главное штундистам не дают говорить толком, постоянно зажимают рот. Их было не мало в залѣ и в Кіевѣ их вообще много среди мастеровых, ремесл. и полуинтеллигентов.

Я имѣлъ в виду печатанье своей книжки в Кіевѣ; она еще не вполнѣ дописана, но я взял билет у цензора на право набора по листамъ. Послѣ мнѣ невозможно будетъ попасть в Кіев, а это надо лично продѣлать.

Прошу Вас передать мой усердный поклон Александрѣ Михайловнѣ и отвѣтъ мой Витѣ. Не знаю будет ли оживленно наша переписка. Обнимаю Вас и остаюсь всегда любящій В. Горленко.

26 февр. 1899.

Дорогой Афанасій Яковлевич!

Что с Вами, отчего нѣтъ ни звука от Васъ? Пишу Вам за нѣсколько дней до (рѣшеннаго уже на 2-е марта) отъѣзда в Петербург и если Вы сейчас же отзоветесь ко мнѣ (а теперь масляная и Вы мож. б. свободнѣе), то я еще получу Ваше письмо. Послѣдніе нѣсколько дней был так сказать с Вами, перечитал кое что из Ваших сочиненій, т. к. хотѣлъ написать двѣ статьи о Вас для „Полтавских Вѣдомостей“. (Я писал там с Новаго года еженедѣльные „Замѣтки“ по воскресеньям). Но остановился подумав, что мож. б. это будет не желательно для Вас по личным соображениям (о заграничных вещах, с грустью, я хотѣлъ совсѣм умолчать). Дѣло это я пока что отложил. Как Вы на это смотрите, скажите пожал., без Вашего разрѣшенія я писать не смѣю.

Я перечитал маленькія повѣсти и „Перемудрилъ“. Как растянута эта вещь для сцены! Если бы актер сыграл роль Храпка, то его послѣ спектакля навѣрное прямо свезли бы в больницу. Из Ваших вещей — эта мнѣ наименѣе нравится, хотя есть очень хорошенкія сценки. Но лица образованных украинцев — ходульны, ибо они ходульны и в жизни — увь! Что же касается чисто народных вещей, то Вы знаете мою любовь, удив-

леніе и нѣжность к ним! Кончайте, кончайте ради Бога „Повію“! Но „Перемудрыв“ я читал с большим удовольствіем, потому что на каждой страницѣ видѣл Вас, а это зрѣлище — одно из самых для меня пріятных.

Писанье в „Вѣдомостях“ я кажется прекращу, т. к. хлопот с четырьмя статьями в мѣсяц все же не мало, а денежнаго проку не много. В Петербургѣ можно подыскать что нибудь болѣе в этом отношеніи солидное, хотя туг меня интересовало чисто мѣстное дѣло и публика.

Вѣроятно Вы страшно заняты были (по обыкновенію) в послѣднее время, что совсѣм забыли меня. Как же поживают Ваши, Александрѣ Михайловичъ и дѣтям — мой искренній привѣтъ всѣм. — Я рассчитываю пробыть в Петербургѣ до Гоминой недѣли. До сих пор не пускали меня „дѣла“, а также печатанье книжки в Кіевѣ („Украинскія были“) кот. выйдет в Кіевѣ к 15 марта.

Как мнѣ быть с нею относительно Полтавы? Я не хочу повторять нахальнаго образа дѣйствій Н. В. Стороженка и навязывать ее желающим и не желающим, но Полтава все же мѣсто гдѣ должны бы найдтись для нея читатели. Позволите ли сдѣлать так: прислать штук 25 Вам, но не с цѣлью распространенія Вами, а чтобы магазины (Богоявленскій и Савчук) брали у Вас, по мѣрѣ спроса, но на наличныя деньги. Уступку (с 1 р. 25 коп. ея цѣны) можно дѣлать большую, брать 1 р. или даже 90 коп. (Оглоблин берет по 85 к., но по 100 экзempl. в раз (всѣх 700). Нѣсколько объявленій о книжкѣ будет сдѣлано в „Губ. Вѣд.“ Одним словом я хочу идти прямыми путями, а не насильственными, как мой милѣйшій издатель Стороженко. Важно лишь скорѣе раздѣлаться с типографіей, т. к. расчет с ней на сей раз основывается на сбытѣ книжки. (Половина покрывается сейчас кіевскими заказами).

Если Вы напишете мнѣ сейчас же, как надѣюсь, то отвѣчать Вам тоже буду из Петерб. откуда дам и адресс, кот. теперь еще не знаю. Итак отзовитесь ко мнѣ и передайте еще мой поклон Вашим и Виктору Ивановичу при встрѣчѣ.

Всегда любящій Вас В. Горленко.

14 марта
Петербург

Надеждинская, д. 1. кв. 38.

Дорогой Афанасій Яковлевич! Отчего письмо мое и вопрос так напугали Вас? Разумѣется слово Ваше для меня закон, и писать я не буду, но нахожу совсѣм неосновательными Ваши самообвиненія. Кто же может поставить Вам в вину Ваше молчаніе? Никто и никогда, всѣ лишь сожалеютъ о нем. Дай Бог, чтоб лѣто дало Вам болѣе досуга и возможность докончить „Повію“. Тогда Вы уже не запретите мнѣ писать о ней!

Я в Петербургѣ с 7-го и пробуду до страстной. Хлопот по писанію сразу обрушилось на меня очень много и, вмѣсто того, чтоб послѣ моего Ярошовскаго одиночества побольше посмотреѣть и видѣться с людьми,

подолгу должен просиживать в своей меблированной комнатѣ читая книги для рецензій. Но это тоже у меня, что у Вас служба. Рецензіи оплачиваются блистательно — 15 к. За отсутств. других доходов, к этому надо прибѣгать поневолѣ.

Видѣл выставку передвижную. Из 300 карт. — десять интересных и милых, остальное дрянь. В театрѣ видѣл нагрѣвшаго „Федора Ивановича“ Толстого. Главную роль играет актер Орленев (бывшій водевильный) с большою силой. Поставлена эта татарщина очень интересно, нѣкоторыя сцены почти археологически хороши. 27-го буду на концертѣ из одних сочиненій Чайковского, гдѣ будет исполняться между прочим „Снѣгурочка“ с декламацией актеров. Музыки, кот. я обожаю, до сих пор не слышал никакой.

Но за то здѣсь зима и морозы! Просто отвратительно смотрѣть, вспомнив, что уже половина марта. В Полтавѣ вѣрно цвѣтут цвѣты? Все это вмѣстѣ взятое не побуждает меня ничуть мечтать о переселеніи сюда и я молю небо, чтоб мнѣ удалось удержаться в моем скромном и дорогом уголкѣ.

Иван. Яковл. я не видѣл еще и не знаю когда увижу, так как дѣла бездна. Но я непременно побываю у него, добыл адресс, и передам Ваши укоры за лѣность в писаніи писем.

Книжки своей на таких основаніях как Вы пишете я не позволю себѣ выслать, кромѣ экземпляра, кот. будет выслан лично Вам, с просьбою его принять. Пускай продается в Кіевѣ у Оглоблина и отчасти здѣсь. Она выйдет около 20-го марта.

Вы снисходительны к моим мараньям в „Полт. Вѣдом.“ кот. я пока что прекратил. Чтоб был какой нибудь толк в писаньи, при их гонорарѣ (3 к.) надо писать как можно больше, а это никогда не может способствовать достоинству работы, т. к. много приходится грузить завѣдомаго балласта.

Прошу передать мой искренній поклон Александрѣ Мих. и милым мальчикам. Не отзоветесь ли сюда ко мнѣ?

Всегда искренно преданный Вам В. Горленко.

P. S. Собрав справки объ изд. малор. общ. сообщу.

Петербург

2 апр. 99 г.

Дорогой Афанасій Яковлевич!

Вопреки моим распоряженіям, Стороженко послал на Ваше имя 25 экзempl. моей книжки. Простите, ради Бога. Я рѣшительно против такого способа ея распространенія и отнюдь не хочу никому с нею навязываться. Будьте добры принять один экземпляр от меня и передать другой Викт. Ив. Василенку. Остальные прошу Вас или пріютить пока что

у себя (пока я напишу Иваненку, что бы взял ее в ред. Вѣдомостей для продажи оттуда) или сдать для свободной продажи в Обществ. Библіотеку (которой экземпляр прошу вручить один бесплатно). Простите, ради Бога, за всѣ эти хлопоты, кт. я хотѣл именно избѣжать прося Стороженка не высылать книжки никуда по примѣру прошлаго года.

Я видѣлся с Ив. Яковлевичем (Пушкинская д. № 11), довольно долго сидѣл у него. Он совсѣм здѣсь основался, но лѣтом собирается странствовать. Отчасти по службѣ (по Волгѣ), а то поѣдет за границу. Также занят как всегда служебными работами. Говорил что может быть будет лѣтом и в Харьковѣ, но кажется еще не рѣшил окончательно своего маршрута.

Большую сенсацию производит „Воскресенье“ Толстого. В том, что вышло еще только пока черточки интересныя, остальное похоже на отчет засѣданія суда. В день выхода номера „Нивы“ теперь передается по телеграфу во всѣ страны міра. Вы боялись за послѣднюю часть „Повіи“, послѣ „Воскресенья“, которое печатается с большими пропусками, хотя пропущено цѣликом цензурой, заключительныя сцены „Повіи“ покажутся навѣрное совсѣм скромными.

Я еще недѣли двѣ пробуду здѣсь, лучше сказать до третьяго дня Пасхи. Напишите, если возможно, что дѣлается у нас, какова весна, есть ли уже или нѣтъ?

Мой глубокій привѣтъ Александрѣ Михайловнѣ и моим милым пріятелям.

Весь Ваш В. Горленко.

Р. С. Какой то Григоренко напечатал здѣсь том малорос. рассказов.

20 мая 99. С. Ярошовка.

Боясь терзать Ваш недосуг, до сих пор не писал Вам, дорогой Афанасій Яковлевич! Приѣхал я из Петерб. 6-го мая, до поздней осени, разумеется, когда по всѣм видимостям опять прійдется перебираться в ненавистную болотную столицу. Судите сами, как ее не ненавидѣть: 1-го мая там шел большой снѣг, хлопьями. Вѣря календарю, я отправился в соотвѣтственных сезону одѣяніях в Царское Село, к знакомым, и возвращаясь, чуть не погиб отъ холоду, а с схваченной тогда простудой ношусь и до сих поръ. Сосѣди одни выѣхали оттуда 11-го, — и тоже при снѣгѣ и отсутствіи зелени... Воля Ваша, а это может озлобить хоть кого!..

Но для профессиональных занятій литературой без него почти нельзя обойтись, а мои условія складываются так, что только и остаются мнѣ в удѣл оныя занятія.

Каковы Ваши предположенія на лѣто, гдѣ поселяются Ваши, будете ли Вы имѣть болѣе досуга и возьмете ли наконец для отдыха отпуск?

Я приѣхал съ самыми опредѣленными и рѣшительными планами работ, но всѣ они парализуются теперь упорным нездоровьемъ. Думаю и должен приступить к самым крупным перемѣнам в своем личном житіи:

къ продажѣ половины земли для избавленія отъ долгов, къ устройству дома на новыхъ упрощенныхъ началахъ, и къ переселенію на продолжительныя времена на „отхожіе промыслы“, съ возвращеніемъ восвояси, увы — лишь время отъ времени.

Я сдѣлалъ кажется ошибку съ изданіемъ второй книжки. Ради двухъ трехъ статей, кот. хотѣлъ издать, я перепечаталъ и мелочи, кот. совсѣмъ пови-
димому не стоило было перепечатывать. Какъ Ваше, совершенно откро-
венное и рѣзкое мнѣніе на этотъ счетъ?

Не собираетесь ли въ поѣздку по казначействамъ? Въ этомъ случаѣ по-
звольте напомнить Вамъ обѣщаніе Ваше, торжественно данное — помнить,
что на ст. Дмитровкѣ поѣздъ стоитъ не три минуты, а по крайней мѣрѣ
сутки, а т. к. на станціи оставаться неудобно, то вблизи есть с. Ярошовка,
гдѣ всегда Васъ жаждутъ видѣть. Не откладывайте слишкомъ на долго Вашъ
отвѣтъ. Прошу передать мой большой поклонъ Александрѣ Михайловнѣ
и милымъ юношамъ.

Искренно любящій Васъ В. Горленко.

Ярошовка, 27 мая 99.

Пишу не съ тѣмъ, чтобъ затруднять Васъ отвѣтомъ, дорогой Афанасій
Яковлевич! а чтобъ поблагодарить за присылку книжки и сказать кое-что.
Я съ новымъ удовольствіемъ прочелъ исповѣдь бѣдной, милой Варки Луценко-
вой и, закрывши книгу, подумалъ о томъ, что Вы очень снисходительны,
говоря послѣ этого о моихъ издѣліяхъ. Напечатано не важно, есть и опе-
чатки. Но первое можно было улучшить, если бы выбрать у Статожицкаго
лучшій шрифтъ (я былъ у него въ типографіи и знаю, что у него есть поря-
дочные шрифты) и немножко уже взять гранки и т. п. Ручаюсь Вамъ, что
и въ Полтавѣ можно напечатать красиво. Но это не столь важно. На книжкѣ
не обозначено ни цѣны ни мѣста склада изданія. Откуда же и по чѣмъ вы-
писывать? У Дмитріева видна большая неопытность въ этого рода дѣлахъ.

Чтобы покончить съ книжнымъ вопросомъ, скажу два слова о своей
книжкѣ. Я упустилъ изъ виду попросить Васъ заявить въ бібліотекѣ, чтобы
ее продавали по 70 к., — той цѣнѣ какую даютъ мнѣ книгопродавцы, беру-
щіе ее у меня. Съ какой же стати съ полтавскихъ покупателей брать мнѣ
больше? Относительно цѣны не оправдываюсь (ибо чувствую себя правымъ),
но, между нами, приведу лишь подлинный счетъ, изъ кот. видно высока она
или нѣтъ? Бумага и печатаніе 750 экз. стоятъ 302 р., 50 экз. пошло на раз-
сылку друзьямъ, знакомымъ и рецензентамъ. Изъ 700 остающихся 250 (и на-
дѣюсь будутъ и остальные) взяты книгопродавцами. Уступка имъ 30% и 40%
(Нов. Вр.), причемъ я былъ счастливъ и тому, что брали на этихъ условіяхъ, т. к.
прежде всего надо было оплатить типографію. Считайте эту скидку на
всѣхъ 700 экз. = около 225 р. Итого 302 + 225 = 527 р. Если къ концу про-
дажи изданія, автору перепадетъ 150 р. — то право же трудъ писанія
чего нибудь да стоитъ и долженъ же хотъ сколько нибудь имѣть цѣну.

И я убѣжден что дорогою находят цѣну тѣ, кто не поморщится проиграть в винт в десять раз больше. На первой книжкѣ, распространенной Стороженком в извѣстной ей части без скидки и разошедшейся цѣликом, — послѣдовал все же небольшой убыток.

Но довольно об этих меркантильностях! Я вчужѣ опечален смертью несчастнаго докт. Моторнаго. Мнѣ писал кое что об этом Викт. Ив. (и я читал в газетѣ), но я не думал что он так близко Вам приходится. Какой ужасный случай! ¹⁾

Что касается маленькаго Мини, то надѣюсь, что ему теперь совсѣм лучше? И отчего эта дѣтвора не выдумает ничего лучшаго, как постоянно болѣть?

Разумѣется Вы совершенно правы в том, что касается Петербурга. И представьте себѣ, что неизбежно должен переселиться туда в октябрѣ же, а потом опять и опять, и конца этому и перемѣны — не вижу. Без литературн. работы уже не могу жить, а литер. работа и заработок от нея есть только тамъ. Но что со мной будет по прошествіи нѣскольких лѣтъ (если хватит вѣку) — не знаю. И теперь какой то мрак въ головѣ послѣ двухмѣсячнаго там пребыванія — отраженіе физическаго и нравств. мрака там царящих.

Посылаю Вам брошюрку Общества изданія книгъ (до сих пор кажется ничего не издававшего!) и, кстати, перевод свой одной прекрасной вещи писателя, которым я теперь особенно увлекаюсь. Я перевел нѣсколько его вещей, но других у меня нѣтъ тѣх номеров газет. Вышло по французски продолженіе книги Боннэ (Дѣтство крестьянина), — изображающей юность (назыв., Воспоминаніе работника на фермѣ). К сожалѣнію много-много уступает первой части, т. ч. я и переводить не буду. К тому же обязательная работа над рецензіями и не дает мнѣ для этого времени.

Простуда моя разразилась довольно непріятной штукой, — нарывом в ухѣ и доселѣ меня терзаетъ. Не веселое настроеніе поддерживает и страшная засуха в наших мѣстах и сопровождающее ее общее уныніе. Ярина начинает гибнуть, жита низки и плохи — этим все сказано.

Надо ли говорить, что буду у Вас если попаду в Полтаву. Пока этого не предвидится, но жизнь моя так утла и неуравновѣшенна, что все может случиться нечаянно. Прошу очень от меня кланяться Александрѣ Мих. и юношам. Любящій Вас В. Горленко.

Я получил новое изданіе „Досвитокъ“ Кулиша съ примѣчаньями в духѣ его новых исторических воззрѣній. Вышел еще огромный том Лирическ. народн. малор. пѣсень изд. в Черниговѣ земством (редакц. Гринченка). Там есть около 500 новых пѣсень.

¹⁾ Доктор Моторний, залізничний лікар, вертаючись від хорих, переходив через залізничні шляхи і був забитий локомотивом, що, маневруючи, несподівано повернув назад. Він був одружений з сестрою дружини П. Мирного нарєдж. Шейдеман.

2 іюля 99.

Дорогой Афанасій Яковлевич!

Простите маленькую справочку, которой я обезпокою Васъ. У меня до сихъ поръ продолжается несносная простуда головы, захваченная в Петербургѣ, о кот. я писал Вамъ. Это настолько затянулось и настолько непріятно, так мѣшаетъ мнѣ, что я хочу, вопреки своимъ обычаямъ, обратиться к Эскулапу. Съ этой цѣлью хочу поѣхать в Харьков, ибо Кіев страшно надоѣлъ мнѣ. Въ Полтавѣ харьковскіе доктора без сомнѣнья извѣстны. Кто изъ нихъ лучше, к кому обратиться за совѣтомъ? Если Вамъ или Алекс. Мих. неизвѣстно это, то можетъ быть укажетъ Вамъ докторъ Іонинъ¹⁾, кот. заранѣе приношу свою признательность. Не откажите написать мнѣ, что знаете по этой части. Я хотѣлъ бы ѣхать около 10 іюля. Ничего хорошего не могу о себѣ сообщить. Эта гнусная простуда отравляетъ мнѣ жизнь, почти ничего дѣлать нельзя и все мнѣ дѣлается хуже.

Какъ Вы поживаете, гдѣ устроились на дачѣ, часто ли выезжаете из Полтавы къ своимъ? Я ѣздилъ въ Ісклѣ въ Умань, видѣлъ вновь Кіевщину, кот. очень люблю (но не самый Кіевъ). Обнимаю Васъ и прошу не изыскать за справку. Мой привѣтъ Алекс. Мих. и дѣтямъ (какъ здоровье Мини?)

Любящій Васъ В. Горленко.

11 сент. Ярошовка.

(Дата на конверті 1899 р.)

Прежде всего — покаянный вопль, дорогой Афанасій Яковлев. (Если бы самъ я не мучился этимъ обстоятельствомъ, то проще всего — могъ бы ничего не сказать о немъ). Я былъ в Полтавѣ 5 сент. и не видѣлъ Вас! Пріѣхалъ в 2 ч. дня и едва вышелъ изъ гостиницы, какъ встрѣтилъ одного изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Бобровскаго. Оказалось что в ту минуту в Нижн. Млинахъ они собрались всѣ четверо (чего не было уже много лѣтъ). Онъ не далъ мнѣдохнуть, и в 4 часа я былъ уже в Млинахъ, в родственныхъ объятіяхъ. Вернулся в Полтаву в 11 вечера. Все утро слѣдующаго дня просидѣлъ в двор. банкѣ и другихъ подобныхъ мѣстахъ и едва поспѣлъ на поѣздъ, уходящій в Кременчугъ в 3 часа дня. Судите меня какъ хотите, но ей Богу я больше самъ навѣрное, сожалею о томъ стеченіи обстоятельствъ, чѣмъ Вы.

Напишите хотя, какъ поживаете, работали ли лѣтомъ надъ „Повією“ в какомъ она состояніи? „Згубу“, какъ я видѣлъ изъ газетъ, не повторяли в Полтавѣ. Теперь они повезли ее в другія мѣста. (В Кіевѣ недавно шла „Лемерівна“ с Заньковецкой). Какъ Ваше впечатлѣніе отъ пьесы на сценѣ, каково было исполненіе, если возможно, сообщите хоть что нибудь изъ этого.

¹⁾ Л-р Іонинъ був близький приятель Мирного. У Полт. Музею є примірник Женев. видання романа „Хіба ревуть воли як ясла повні“, що подарував Мирний лікарєві Іонину з великим написом віршами.

Не совершенно невозможно чтобы мнѣ не довелось еще разъ осенью смахнуться в Полтаву, хотя я всячески принимал мѣры, чтобы избѣжать этого, ибо это и утомительно и убыточно. Если обойдусь безъ этого, то в концѣ октября рассчитываю выѣхать в Петерб., т. к. даже не буду топить своего дома зимою. Я иду уже на все уступки чтобы устроиться с дѣлами и завоевать себѣ хоть кое какую свободу передвиженія и дѣйствій.

Простите за маленьк. комиссію. Будьте добры справиться о моей книжкѣ в Общ. Библіот. и, если можно, остаток экземпляров вышлите мнѣ посылкой. При сем Бога ради удержите, (если что продано) то что кажется Вы заплатили при полученіи книгъ, а также стоимость теперь их пересылки мнѣ. Оставьте пожалуйста 1 экз. для передачи от меня при случаѣ Падалкѣ, (кот. говорят опять в Полтавѣ). Все это прошу продѣлать при досугѣ, слезно извиняюсь за хлопоты.

В Кіевѣ на Арх. съѣздѣ я был 4 дня. Съѣздѣ не удался, хотя были чтенія интересныя кое когда. Зданіе Нов. Музея в Кіевѣ очень хорошо. В Полтавѣ мнѣ очень не по душѣ мѣсто Гоголевского дома.

Глубокій мой привѣтъ Александрѣ Мих. и дѣтям. Простите за все. Искренно Вас любящій В. Горленко.

23 сент.

Само собой разумѣется, дорогой Афанасій Яковлевичъ, что первое же мое случайное посѣщеніе Полтавы будет сопряжено съ непремѣнным и долгим визитом к Вам. Я подробно объяснял обстоятельство похищенія меня Бобровскими, как причину того, что послѣдній раз не попал к Вам. Свидѣтельницей этого обстоятельства для оправданія моего перед Александрой Михайловн., которой шлю низкій поклон, может быть извѣстная ей Авдотья Дмитріевна, которую я наконецъ увидѣлъ там послѣ безконечно длиннаго промежутка времени и кот. заставила и меня повѣрить тому что я когда то был „маленькимъ“ (въ чем я сильно сомнѣвался). Она напомнила мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ тѣхъ незапамятныхъ временъ, совершенно мелкіе эпизоды, но котор. почему то остаются в памяти и, вводя сразу въ далекую интимную мелочь, особенно наглядно представляют прошедшее. Но не в этом дѣло. Очень благодарю Вас за справку о книжкѣ, хлопоты и труд. Если еще не высылали посылочки, то потрудитесь оставить еще два экземпляра, котор. при случаѣ, потрудитесь передать Олѣховскому¹⁾, одинъ лично ему, а другой в библіотеку, имѣющуюся при Земском Музеѣ, а остальные ужъ перешлите (если возможно, для избѣжанія хлопотъ съ почтой, с помощью сторожей Палаты).

По вопросу о художниках, затронутому Олѣховским, дѣла теперь быть не может. Оныя художники могут явиться в Полтаву только лѣтом, в свободное отъ занятій время (если это ученики Академіи Худож.).

¹⁾ Мих. Ол. Олѣховскій, першій завідувач музеєм Губ. Земства в Полтаві.

Василь Горленко в Ярошівському садку
біля комори (90-ті роки).

Но вѣдь главное надо чтобъ ихъ самихъ тянуло в Малороссію, взглянуть еще на имѣющіеся ея остатки, надо чтобъ они любили ее и ихъ, тогда только от работы ихъ выйдетъ прокъ. Вотъ Мясоѣдовъ — живетъ в Полтавѣ долгіе годы, а рисуетъ все какія то кацапскія онучи. Конечно, будучи в Петерб. я постараюсь пропагандировать интересъ экскурсій в Полтаву и губернію, не зная выйдетъ ли что изъ этого. Увы, художника дѣлаетъ не умѣнье лишь рисовать, но общій порывъ и влеченье духа, кот. направляетъ его в ту или другую сторону.

Клянусь Палату и скорблю о постоянномъ недосугѣ Вашемъ, отражающ. на „Повіѣ“. „Пѣсню о Гайаватѣ“ я знаю в переводѣ Михайловскаго и очень люблю ее. Какъ всѣ вещи, имѣющ. народный источникъ, она, конечно, превосходно подойдетъ къ малорусск. стихамъ. (Какъ подойдетъ „Илліада“, „Нибелунги“, до извѣстн. степени „Донъ-Кихоть“, Мольеръ и пр.). Если когда нибудь Вы будете добры написать мнѣ, сообщите хоть строчекъ десять изъ Вашего перевода, чтобы имѣть мнѣ понятіе о немъ. Изъ словъ Вашихъ я чувствую, что сдѣлали актеры со „Згубой“. У нихъ это вѣчная замашка представлять все наряднѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Есть сортъ публички (низкопробной) кот. шокируетъ будничность на сценѣ и в угоду этому сорту (большинству) они и наряжаются (отчасти сами заражен. этимъ взглядомъ). Что касается до превращенія горожанъ в великоруссовъ, то тутъ я вижу умствованіе Карого. Онъ импонируетъ трупъ своими взглядами, а взгляды его узковаты и односторонни. Авторъ онъ суховатый, головной. И вотъ онъ вообразилъ, что такъ надо передавать этихъ лицъ, а остальные подчинились ему.

В Черниговѣ поставлена недавно любителями нов. піеса Чайченка „Степовый Гість“, в Кіевѣ шла новая вещь Людм. Старицкой „Жага“ (оказалась украденной у Островскаго — Не такъ живи, какъ хочется) и нов. водевиль Кропивницкаго. Но листокъ приходитъ къ концу, моя болтовня также.

Поразительная французская кадрили, кот. Вы протанцовали с Иван. Яковлевичемъ (2-ая фигура)! Большой привѣтъ всѣмъ Вашимъ. Искренно преданный и любящій В. Горленко.

С. Ярошовка 2 дек. 1899 г.

Пишу Вамъ, дорогой Афанасій Яковлевичъ, наканунѣ отъѣзда своего в Петербургъ. Съ такими трудностями совершается это переселеніе, — (необходимое, ибо в домѣ моемъ жить нельзя до радикальной передѣлки печей и половъ, — эти дни в моей комнатѣ было 8—9° тепла, к тому же только в Спб. я могу зарабатывать кое что перомъ, а сіе тоже мнѣ очень необходимо) — что я думалъ, что хлопотамъ не будетъ и конца! Изъ Петерб. пришлю свой адресс, в надеждѣ что Вы напишете мнѣ туда. Кромѣ всегдашняго желанія бесѣдовать с Вами и знать о Васъ, у меня и дѣло есть в Полтавѣ,

справки о котором я могу узнать только при Вашем добром содѣйствіи. О нем я скажу дальше, а теперь кой о чем другомъ.

Но нѣтъ, нельзя о другом, ибо все это в связи между собою. Вы знаете что я был сбременен частными долгами, расчет по кт. задерживался жидовским процессом, с страшным и неправильным на меня начетом (14 тыс.!) и „запрещеніем“. Жид умеръ, а жиденята оказались очень благородными. Въмѣсто 14 тыс. они согласились получить 3, каковъ долг был в дѣйствительности. В это же время сильно поднялись цѣны на землю. Я распродал кусок крестьянам и друг. хозяевам, но т. к. дѣло дѣлается с помощью крестьянскаго банка (крестьяне берут ссуду), а кредиторы не ждали, то вмѣсто нѣсколькихъ мнѣ устроили соединеніе „обязательствъ“ воедино. Так. образом расчет произведен почти со всѣми кредит. и запрещеніе снято, а из продажи земли я выплачу все, или большую часть тому „единому“ (полтавец, живет даже на Вашей улицѣ, омерзительная фигура, — нѣкій Случевскій). Но мнѣ конечно надо чтобы дѣло с банком и продажей земли скорѣе кончалось. Крестьяне ужасно возились с массою формальностей, кот. сопровождаются ссуды из крест. банка и только 5 или 6 дек. посылают туда всѣ бумаги. Я посылаю свои вмѣстѣ съ ними, но Вам препровождаю при сем два плана моих земель с просьбою спрятать их у себя. Через недѣльку попрошу Вас, идя на службу, зайти в дворянскій банк и обратиться к красѣ и гордости Полтавы неотразимо прекрасному г. Кириченку и спросить его, получено ли мое прошеніе (о разрѣш. на продажу земли) и в порядкѣ ли вопрос о планах (одну выкопировку я послал имъ). Если не так сдѣлано, — не дай Бог — то передайте ему подлинный большой планъ, пусть закажет выкопировку по оному, так же и на том же участкѣ как сдѣлано на моей выкопировкѣ, но съ своими (проклятыми) формами. Другой план — на урочище Мордоновщину, подлинник кот. (плана) находится в Полтавѣ, в двор. банкѣ. Его я посылаю на всякій случай. Т. к. этот кусок продается цѣликом, также как и другое урочище „Дутій Яр“, то копій, как мнѣ сказали в банкѣ, не надо. И так „выкопировка“ моя из большого плана тоже навѣрное не потребует замѣны. Я посылаю Вам план на всякій случай (иногда пустое что ниб. задерживает дѣло в этих проклятых учрежденіях). А от красавца Кириченка, или раньше, будьте добры спуститься вниз, в крест. банк, к Корсунскому. И хотя взор Ваш оскорбится сравненіем этих двух лиц (такая красота как Кирич. рѣдкость!) — но все же спросите, умоляю Вас, Корсунского — как дѣло крест. с. Ярошовки, просящих о ссудѣ для покупки земли у Горленка и, если можно, попросите ускорить елико возможно дѣло, ибо я плачу, в ожиданіи продажи большіе проценты.

Простите меня за все это, — но это долъше писать, чѣм спросить, все это в одном мѣстѣ и по пути Вашему в Палату.

Я буду в Петерб. до половины апрѣля, не менѣе. До этого времени дѣло это навѣрное кончится и банк будет выдавать деньги крестьянам (или мнѣ). Т. к. я не могу пріѣхать в Полтаву, то кому поручить получить их и передать Случевскому? Позволите ли Вам, возьмет ли на себя

трудъ В. И. Василенко, или мож. б. Дмитріев, — послѣдній, как прис. пов. конечно за плату.

Боже мой! Все письмо наполнено несносными дѣлами, между тѣм хочется о другом говорить с Вами. Что же Вы подѣлываете? Не брались ли за „Повію“, кончили ли „Пѣсню о Гайаватѣ“. Я по части, „литерат.“ занимаюсь все рецензіями для газет, кот. написал очень много. Не знаю удастся ли в Петерб. поработать над чѣмнибудь „душевно-любимым“. Буду оттуда писать Вам, сообщать новости. Вы не знаете как я дорожу и цѣню общеніем с Вами! Алекс. Мих. большой, большой мой приѣз, дѣтишкам поцѣлуй. Грѣшный человекъ я не опечален смертью Маріи Петровны ¹⁾, одной из антипатичнѣйшихъ женщин, какихъ я знал. Что то будет? Не зажжетъ ли гименей снова свой факел, чтобъ посвѣтить в Католическую церковь! ²⁾. Увижу и сообщу Вам, если чтонибудь обозначится. Обнимаю Вас и остаюсь много много любящій В. Горленко.

Посылаю кое что из своихъ лѣтнихъ пустяков.

Петербург 11 генв. 1900.

Караванная д. 6. кв. 7.

Дорогой Афанасій Яковлевич! Поздравляю с Новогодиѣмъ Вас и Александрѣ Михайловнѣ от всей души желая Вам всего добраго. Съ 6 декабря я в Петербургѣ и до сихъ пор не могъ написать Вам, такъ мѣшало то то, то другое! Главное же работа. Чтобы жить не имѣя (в данное время) другихъ источниковъ кромѣ почасной платы и при страшной Петербургск. дороговизнѣ, можете представить сколько надо писать. А писавши о книгахъ и т. п. поймите сколько надо читать для этого. Слѣдовательно нечего и распространяться о томъ что же я дѣлалъ. Я грѣшный человекъ, поджидалъ вѣсточекъ от Вас по сообщаемому мною передаточному адресу, но не дождался. Какъ поживаете, что подѣлываете в Новомъ году? Я, наскоро, успѣю лишь кое что сообщить Вамъ сегодня. У брата Вашего я былъ на Сочельникъ (елка для маленькаго сына Пети). Было нѣсколько человекъ гостей, в числѣ ихъ сестра Маріа Марковна ³⁾, пріѣхавшая изъ Курска, кот. я уже видѣлъ в прошломъ году на Пасхѣ. Послѣ того я не видѣлся с нимъ. Под новый годъ попалъ в компанію малороссовъ, гдѣ былъ и Мордовцевъ. Рѣчь шла о проэктѣ газеты с беллетристикою малороссійскою, при чем, конечно сейчасъ же было упомянуто Ваше имя. Не думаю чтобъ проэктъ этотъ, в общемъ симпатичный, выгорѣлъ, — едва ли цензура допуститъ. В этой области произошли перемѣны. На мѣсто Соловьева назначается кн. Шаховской. Он довольно терпимъ к малор. литературѣ (большой почитатель Кулиша), но все же чиновникъ прежде всего. Впрочемъ трудно сказать чтонибудь

¹⁾ Дружина Ів. Як. Рудченка.

²⁾ Натякъ на давню пріятельку Ів. Як-а, французку, з якою він справді одруживсь потім.

³⁾ Французка пріятелька Ів. Рудченка, потім друга його дружина.

заранѣе об этом. По части Малороссіи — тут еще трупна Суслова з Зарницкой. Как кажется еврейскій элемент играет в трупѣ порядочную роль. Идут больше пьесы обстановочныя и с пѣніем. Кажется трупа имѣет успѣх. И то хорошо уже, что напоминает о существованіи Малороссіи.

Литературныя новости? Если как нибудь еще не читали сочиненій М. Горького, то усиленно рекомендую прочесть (вышло три тома рассказов). Это крупный писатель. Задержан был „Вѣстн. Европы“ за „внутреннее обозрѣніе“ Арсеньева, кот. и вырѣзано из книжки. Мелочи всякой — множество, (Я лично, по обязанности чтенія — утопаю в ней) но нечего о ней писать. Газеты поглощают почти литературу теперь и всѣ почти силы уходят в них.

Слезная просьба к Вам, дорогой Афанасій Яковлевич! Вы конечно получили посланный мною Вам план моей земли? Как я предвидѣлъ, так и случилось. Только пришлось опять войти в сношенія с Двор. банк. — опять и начались гадости и притѣсненія. Я писал Вам, что запродам крестьянам часть земли. Требуется банком выкопировка из плана продаваемого куска. Т. к. два из проданных кусков продаются в цѣлом составѣ, то на них копій планов не надо. Но третій кусок вырѣзывается из моего большого куска (план на кот. я Вам послал). Я заказал копію этого плана в Прилукѣ, на кот. обозначен продаваемый кусок. Эта копія отослана в Банк при прошеніи крестьян о выдачѣ им ссуды для покупки. Теперь получаю бумагу из банка — чтоб выслал выкопировку продаваемого куска. Будьте добры и великодушны зайдти к Кириченку и спросить, какого же, с позволенія сказать, чорта им нужно от меня? Вѣдь копія выслана им. Или не так сдѣлана? Если что ниб. не так, то умоляю Вас отдать ему мой план (тот, что я Вам выслал), чтобы их землеѣр снял выкопировку 36 дес. пахати из этого куска (см. слѣд. листок) ¹⁾. Стоимость работы я немедленно вышлю Вам переводом. Если дѣло не двинется, то они зарѣжут меня и я пропад, ибо занял деньги (до окончанія продажи земли крестьян.) за большіе проценты. Просто хоть плачь, или хочь сам поѣзжай в Полтаву! Из моего большого куска земли выкопировку надо взять 36 дес. с той стороны куска № 1 гдѣ обозначены помежниками „крестьяне с. Ярошовки“. Но та копія, что выслана, даже если не годится, объяснит дѣло и выяснит, что требуется. Ради Бога извѣстите меня скорѣе об этом дѣлѣ и великодушно простите. Напишите о себѣ, что, как, как поживают всѣ Ваши, милые дѣтишки? Обнимаю Вас и остаюсь любящій Вас мученик жизни и... банка

В. Горленко.

Петербург 2 февр. 1900.

Караванная д. 6. кв. 7.

Простите, дорогой Афанасій Яковлевичъ, что замедлилъ отвѣтомъ. Столько дѣла и так забита голова, что рѣдко выберется душевный досугъ,

¹⁾ На останньому аркушику зроблено від руки план ґрунту.

чтоб поговорить съ тѣм, кого любишь. Надѣюсь, что Вы давно получили мой „перевод“. Не должен ли я Вам еще? Напишите Бога ради. Банк прислал мнѣ подпись для засвидѣтельствванія. О проклятыя формальности как они мѣшают жить!

Поговорю пока о разном другомъ. Вамъ интереснѣ всего будут, конечно, малорусскія новости. Вот онѣ: появились в Галичинѣ два автора, обращающих вниманіе на себя. Первый—Василь Стефаник, буковинецъ, пишет крошечные рассказы из крестьянской жизни на мѣстном говорѣ. Я их читал: есть утрированные между ними, но есть и очень прочувствованные. Изданы особой книжкой (наз. Синя книжка, мнѣ давали читать, купить нельзя здѣсь). Другой автор, будто достойный вниманія, Мартович. Онъ написал повѣсть в „Науковом Вѣстникѣ“. Это еще не читал, но книгу мнѣ обѣщали.—В здѣшней итальянской оперѣ поет (по итальянски) галичанка Крушельницка. Я ее слышал в концертѣ. Послѣ итальянскаго романса Тости она пѣла „Ой піду я, мамо, на місто“ Лисенка, выговаривая как природная малороссіянка, какова она и есть. Другой раз слышал ее в „Лоэнгринѣ“ Вагнера. У нея хорошій довольно и свѣжій голос, но пѣвица вообще средняго достоинства. Наднях был вечер в пользу Общ. имени Шевченка. Играла труппа Суслова „Чорноморців“ потом публика плясала. Народу было много и почти одни малороссы. Большой Шевченковский вечер будет 4 марта. Труппа, кот. Вы вѣроятно знаете, играет с весьма порядочным успѣхом в театрѣ весьма неудобномъ по отдаленности, Акваріумѣ, находящемся за Невой. Знакомые актеры сообщили мнѣ великую новость: Заньковецкая опять помирилась с Садовским, и они думают, что возникнет опять труппа Садовскаго и Заньковецкой. Недавно труппа Суслова играла новую пьесу: „Душогубы“. Они играют также „Лемеривну“, но еще не ставили здѣсь.

Вот еще новость не безинтересная: Вы знаете живописца Сластена по иллюстрац. к „Гайдамакам“. Он поступает преподавателем рисованія в Миргородскую Гоголевск. школу. Я очень этому рад, зная его хорошо и давно. Он всей душой предан Малороссіи и знает толк в малороссійск. стилѣ и старинѣ. Преподаватель рисованія онъ хорошій и будет там очень полезен.

„Гайавата“ очень хорошо выходит по малороссійски. Присланные отрывки мнѣ очень понравились. В каком состояніи она у Вас?

Предполагал я здѣсь пробыть до Пасхи и так все и расположил. Теперь получаю из дому извѣстія о великих беспорядках у меня в домѣ. Парубок Никита, кот. я оставилъ вмѣстѣ с еще парюю супругов, в дворѣ и домѣ, открыл запертый шкаф, вынул всѣ оставленные ключи и хозяйничает в моих вещах! Я послал отчаянныя письма священнику и пр. прося войти в это дѣло и прекратить грабеж, но не знаю, не придется ли ѣхать в Ярошовку вскорѣ. Во всяком случаѣ напишите мнѣ, пожалуйста сюда поскорѣ. Если встрѣтите Короленка или кого другого из Банка, будьте добры узнать скоро ли я получу разрѣшеніе банка на продажу зѣмли. Если надо им, сообщите мой петербургскій адресс.

Ив. Яковл. — я не видѣл. Вообще я очень рѣдко гдѣ бываю, вынужденный проводить время больше с книгами чѣм с людьми. Мой глубокий привѣтъ Александрѣ Михайловнѣ и дѣтям. Что новенькаго в Полтавѣ, есть ли что хорошее. Обнимаю Вас и остаюсь вѣчно любящій Вас В. Горленко.

Петербург 30 марта 1900.

Страшно давно не писал Вам, дорогой Афанасій Яковлевич, но так занят эту зиму, что понял наконец чувство тягости, котор. можно испытывать при мысли о письмѣ. Приходится так много писать, что взялся опять за перо есть своего рода мука. Как поживаете Вы, что у Вас хорошаго? Я провожу зиму в каком то чадѣ от постоянной мысли о срочном писаніи, сред постоянного чтенія книг — и все это наскоро, к спѣху. Думаю уѣхать отсюда между 15—20 апрѣля, но хочу продолжать работу „в том же духѣ“ из дому. Здѣсь были разные малороссійскіе вечера, ничего из себя серьезнаго не представлявшіе. Ломался на них безтактный старец Мордовецъ и страшно плясали потом молодые люди и дѣвицы в малоросс. костюмах (только на сей раз). На шевченковском вечерѣ поразил всѣх своей очаровательной игрой на бандурѣ (усовершенствованной) нѣкто Ходкевичи з Харькова, нарочно сюда пріѣхавшій для этого. В посту читал лекціи Эварницкій о Сѣчах и Гайдамачинѣ — не важно.

Все время играла труппа Суслова, на днях уѣзжающая. Вы знаете эту труппу. Лѣтом она будет в Полтавѣ. Новыя пьесы, что шли у них — чепуха. Кажется раз или два они ставили „Лемеривну“. „Згуба“ еще не идет у них.

Цензура для малор. піесъ очень облегчена. Цензор новый — Исаевич — малоросс, и очень порядочный человек. Сам начальн. ценз. кн. Шаховской смотрит очень снисходительно на все малороссійское. Наднях знакомый мнѣ актер Пашковский провел в цензурѣ свою пьеску в стихах, напис. на сюжет эпизода из парижской Коммуны (сюжет из разсказа Коппэ). Пріимѣр почти неслыханный.

Недавно я получил от переводчика и разбирал по должности рецензента полный перевод „Пѣсни о Гайаватѣ“ Ив. Бунина. Есть ли у Вас этот, очень милый, перевод? Если нѣтъ, то напишите, я немедленно его Вам вышлю.

Ради Бога зайдите в Крестыанскій Отдѣл Полт. Банка (т. е. в Крестыанскій Банк, гдѣ Корсунскій) и узнайте — что же они со мной дѣлают? Дворянскій банк давно разрѣшил мнѣ продажу земли, из Крест. же Отд. до сих пор нѣтъ ни звука, т. е. здѣсь в Главн. Крест. Банкѣ „нѣтъ никаких свѣдѣній о дѣлѣ продажи моей земли крестьянам с. Ярошовки“. В чем дѣло, отчего такая задержка с декабря мѣсяца!? Вѣдь они рѣжут меня негодая! Что надо сдѣлать чтобы ускорить, вѣдь еще здѣсь, в Главн. Банкѣ дѣло опять будет лежать?! О, горе имѣть дѣло с казной, гдѣ бы и как бы ни было.

Великодушно простите мое безпокойство. На прямой мой запрос туда, я все равно не получил бы отвѣта. Не скажут ли Вам по крайней мѣрѣ.

Поправился ли совсѣм маленькій Миня, как они все поживают, вѣроятно очень выросли! У Ив. Як. за недосугом я так до сих пор и не был, просто надо уже у Сірка позывать очей. Прошу передать усердный привѣт мой Александрѣ Михайловнѣ. Читали ли Вы Горького, как он Вам нравится? Напишите нѣсколько слов, если возможно. Обнимаю Вас и остаюсь любящій

В. Горленко.

Ярошовка.

12 мая 1900.

Восьмого мая приѣхал я наконец из Петерб. во свояси, дорогой Афанасій Яковлевич, и отсюда могу пространнѣе написать Вам. В Петерб. вся жизнь проходит какими то ухватками, как в каждом большом городѣ, кот. представляет слишком сложную задачу для слабого человека: откликнуться на тысячу явленій и предметов, (большей частью скверных и ничтожных), — а вѣдь всякому из нас отпущено лишь определенное количество нервов и сил. Но „немножко философіи“ — и довольно, т. к. мое убѣжденіе в тицетѣ этой вещи непоколебимо. От философіи и психологіи приходится, извинившись земным поклоном! — перейти к той грязной и пошлой пародіи финансов и государственной экономіи, кот. носит названіе... дворянскаго банка и кот. в Полтавѣ олицетворяется омерзительной личностью Квитки. Не знаю как уже и извиниться перед Вами, что так безсовѣстно надоѣл Вам своим дѣлом, но оно не кончилось и днесъ и, с утонченностью инквизиціи, все терзает меня. Чтобы не повторяться, прилагаю послѣднюю бумагу, полученную мной из Банка. Получив ее, я отправился в Петерб. в Главный банк и передал все знакомому своему, члену Совѣга Шеншину. Он дал мнѣ слово написать Квиткѣ чтобы исполнил мою просьбу т. е. не погашал из продажи части ссуды падающей на продаваемую землю, а оставил долг полностью на остающейся землѣ. Когда я уѣзжал из Петерб. Шеншина не было в городѣ и я не мог узнать отвѣта Квитки. Мнѣ надо знать как рѣшил он? Мудрое Полтавское отд. Банка (гаже его я ничего не знаю, развѣ прежнее „Третье Отдѣленіе“) рѣшило послать своего „члена“ для осмотра имѣнія. Но что он увидит? Ничего не измѣнилось в хорошо извѣстном им имѣніи, развѣ то, что срублены лѣса, — но это тоже им извѣстно. Между тѣм члену сейчас давай на выѣзд 50 р. — (почему не 150?). Если это неизбежно и если результатом будет исполненіе моей просьбы, — то я готов подчиниться печальной необходимости. Если же это одни расходы и мнѣ откажут, то лучше не выѣзжать члену. Затѣм опять требуется какой то взнос в 100 р. и какіе то 6 р. на отѣмку на планѣ (уже раз вѣдь взяли столько же). Нельзя ли все это вычестъ с меня при совершеніи купчей на землю, у меня право нѣтъ

теперь лишнихъ денегъ для этихъ взносовъ. Наконецъ я знаю, что Отдѣленіе уже Крестьянское, сообщило въ Петерб. о рѣшеніи своемъ выдать крестьянамъ въ ссуду на покупку по 125 р. на десятину, но не знаю, утверждено ли это въ Петерб. Пусть мнѣ сообщать объ этомъ въ Дмитровку, Либ. Ром. ж. д.

Стараю отъ стыда, но вижу ясно, что все это не можетъ выясниться иначе, какъ личнымъ свиданіемъ и бесѣдой съ Квиткой — и прошу Васъ, поборовъ чувство понятнаго отвращенія, переговорить съ нимъ. Мнѣ невозможно ѣхать теперь въ Полтаву: страшно усталъ и разстроилъ себя въ Петерб. и жажду маленькаго спокойствія. Какъ и чѣмъ отблагодарю Васъ за эти переговоры? Когда нибудь и чѣмъ нибудь да съумѣю!

Въ Полтавѣ мнѣ во всякомъ случаѣ придется быть немного позже для полученія денегъ изъ банка и немедленной отдачи ихъ ростовщику Случевскому. Гдѣ будете Вы лѣтомъ? Если семья Ваша выѣдетъ на дачу, будете ли Вы проживать будни въ городѣ, или также уѣдете съ ними? Сообщите все это в виду свиданія нашего.

Хотѣлось бы что нибудь болѣе человѣческое и отрадное прибавить къ этому противному дѣловому письму. Но отраднаго вообще немного вѣдь есть и въ заводѣ. Придется тѣ крупницы его, что имѣются передать уже при личномъ свиданіи. Теперь адски усталъ. Всѣ планы на будущее связаны исключительно съ литературой. Но литература есть общій терминъ, подъ кот. находятся вопросы всякаго рода: и національн. и нравственные и художественные. Поставленные ребромъ, остро, беспощадно, они часто уничтожаютъ другъ друга. Я хватаюсь за одинъ спасательный якорь — просвѣщеніе, его беру за руководящую нить и за лозунгъ. Изъ него вѣдь выходитъ и все остальное, поэтому служить ему одному уже по крайней мѣрѣ не вредно. О нашихъ малороссійскихъ дѣлахъ побесѣдуемъ при встрѣчѣ. Что то бы надо дѣлать съ ними, какъ то не такъ они стоятъ. А народъ вѣдь живъ и живетъ, вопросъ существуетъ и не оставлять его, не закрывать на него глаза — нельзя.

Мой глубокой привѣтъ Александрѣ Михайловнѣ и дружескія рукопожатія дѣтврѣ. Какъ дурно она ведетъ себя все прихварывая. Надѣюсь весной всѣ стали ужъ молодцами. До осени я здѣсь. Буду видѣть Васъ въ Полтавѣ, а можетъ быть и въ Ярошовкѣ?

Обнимаю Васъ и остаюсь любящій, безсовѣстный, назойливый, но благодарный В. Горленко.

Р. С. Долженъ сейчасъ идти въ школу производить экзаменъ. Дожидали меня для этого, къ несчастью.

Подлинной бумаги Банка не нашелъ, гдѣ то при переѣздѣ, утратилась. Но сущность ея я изложилъ въ письмѣ. Въ ней писано:

1) Что для того, чтобы сохранить всю ссуду на остающ. землѣ надо сдѣлать новый осмотръ черезъ члена, кот. за выѣздъ платить 50 р. Прошу сдѣлать это безъ выѣзда члена, или сказать по крайн. мѣрѣ, поведетъ ли выѣздъ члена къ исполненію моей просьбы.

2) Требуется уплатить какіе то 100 р.— за что? Также 6 р. за вымѣтку в планѣ. — Нельзя ли все это вычестъ при продажѣ.

3) Утвердил ли Петерб. Банк представленіе о выдачѣ ссуды крестьян. по 125 р. за десятину и можно ли уже дѣлать купчую.

Ярошовка 18 мая.

(На конверті—1900 рік).

Пріймите, дорогой Афанасій Яковлевич, мою сердечную благодарность за справку в треклятом Банкѣ. Съ упорством, достойном идолов, они стоят на своем; несмотря на то, что, (как сказали мнѣ в Петерб.) оное рѣшеніе, т. е. оставленіе всей ссуды на остающейся части, зависит от Полт. Отд. т. е. его директора. Но в нем то все и зло! Из Петерб. ему писал об этом один из членов Совѣта Банка любезнѣйшій Шеншин (кузен Фета), но все напрасно. Не буду Вас больше беспокоить никакими справками. Надо просить о дополнител. ссудѣ (она все же удобнѣе, чѣм частный долг). Но сколько времени пройдет прежде, чѣм ее выдадут, сколько формальностей и сколько расходов. Я ежеминутно думаю о том чтобы продать всю землю кромѣ усадьбы. Но из сентиментальности, привычки и пр. не рѣшаюсь еще на это. Это между тѣм единственный способ быть сколько нибудь покойным и не имѣть дѣла ни с Банком ни с частными „денежными лицами“. — Как бы я хотѣл видѣть Вас, чтобы посоветоваться объ этом т. е. найти одобреніе или встрѣтить порицаніе Ваше. Но видно опять не придется увидѣться!

Вы пишете, что около Троицы ѣдете в Гадяч, а мнѣ как раз в концѣ мая или началѣ іюня именно и придется быть в Полтавѣ. Эту сдѣлку с крест. надо кончать теперь, ибо если я им не выдам сейчас купчей, то мнѣ житья не будет, да я и не хочу этого. В Полтавѣ же сидит кредитор Случевскій, (найденный жидами), часть долга котор. должна быть погашена этой продажей (если бы Банк не требовал взноса за продав. часть, то я мог бы погасить весь). Без него купчая не может быть утверждена. Надо видѣться с этим ростовщиком, а также с Зудой — Квиткой. Сообщите мнѣ пожалуйста имя отчество и адресс помощн. прис. повѣр. Дмитріева. Я хочу просить его взять это дѣло на себя и выдать ему довѣренность. У меня есть в Полтавѣ товарищ по гимназіи и хорошій человек Сіяльскій. Но он не интересуется маленькими дѣлами, а мож. б. Дмитріев охотнѣе возьмется за мое.

Какое несчастье что нельзя писать и не говорить о дѣлах. Не можете вообразить какая эта мука при том родѣ занятій, какому я принадлежу теперь. Я пишу постоянно, как Вы знаете, разборы книг — и обзоры франц. журналов и біографіи для словарей. Работа самая кропотливая, касающаяся тысячи разнообразнѣйших предметов, требующая сосредоточеннаго вниманія и спокойствія. Она утомляет и сама по себѣ своей разносторонностью. А тут вѣчная забота о дѣлах! Кстати: между прочим я имѣю работу в огромной, издающ. теперь (не смѣйтесь!) „Исторіи Кавалергардовъ“

(см. рецензію Пыпина в В. Е. на 1-й том.), именно я пишу біографіи нѣкотор. из бывших кавалер. (Репнина (полт. ген.-губ.) и десяток других). В числѣ их есть Черепановъ. В Петерб. знакомый мой Звягинцев сказал мнѣ что земляк его Шидловскій, Ваш симпатичный шефъ, женатъ на Черепановой, племянницѣ или внучкѣ „моего“. Вы конечно каждый день видите с Вашим шефом на службѣ. Спросите, пожалуста, нѣтъ ли у них бумаг, касающихся этого Черепанова (Павел, бывшій Кіевск. гражд. ген.-губ. десятих годов)? Будучи в Полтавѣ, съ позволенія его, я зашел бы пересмотрѣть эти бумаги, буде онѣ есть, или услышать устные свѣдѣнія.

У Вас на днях все поглощено будет дѣлом Скитских¹⁾. Я не получаю уже „Полт. Вѣдом.“ (Иваненко „наказал“ меня за то, что я отказался писать на его условіях), и не буду читать подробностей. Полтаву осчастливил избрав ее своим мѣстожительством г. Короленко. Я весьма невысокаго мнѣнія об этом господинѣ, ни как о писателѣ, ни как о человѣкѣ. Как писатель он раздѣлѣн глупой Москвой. А в сущности, что у него есть? Нѣсколько волынских, еврейских и инородческих легенд пересказанных им, кое что украденное с польскаго и потом безконечная мултянская печенка, с которой он так назойливо лѣз на глаза. Все объясняется когда узнать (достовернѣйшее свѣдѣніе) что он чистокровный еврей, хотя и скрывает это. Ему повезло как то, а в сущности он совсѣм маленькій автор, каких очень много. В Полтавѣ он совсѣм не ко двору.

Яновская несомнѣнно талантлива, хоть я и не сторонник литерат. произв. с экономическими темами. Очень мнѣ еще понравился в „Сгаринѣ“ маленькій рассказ „Злодій“ (апрѣль). Хорошо, что имѣется выход для писателей на малор. языкѣ.

О Каром слышал в Петерб. от одного из актеров труппы Сусллова нѣчто весьма неблагопріятное. Оказывается что всѣ его пьесы (кромѣ 2—3 послѣдних) — передѣлки с Польскаго: Наймычка, Безталанна, Мартын Боруля и пр. Актер этот называл мнѣ поименно польскіе оригиналы. Конечно работа Караго в них есть, есть извѣстная доля авторства, и несомнѣнная услуга малорос. сценѣ; но значеніе его как писателя этой справкой ослабляется больше чѣм на половину. Вполнѣ оригинален романтик Кропивницкій со всѣми своими и сильными и слабыми сторонами.

Весьма и весьма жалѣю, что не увижу Ваших в Полтавѣ. Мой глупокій привѣтъ Александрѣ Михайловнѣ. Ужасно давно не бесѣдовал с ней. Привѣтъ и любезной тройкѣ. Еще раз благодарю Вас и остаюсь любящій
В. Горленко.

25 іюня 1900.

Дорогой Афанасій Яковлевич! Пишу Вам два слова чтоб не отнимать у Вас много времени. Послѣ 1 іюля я думаю сдѣлать маленькую

¹⁾ Братів Степ. і Петра Скитських обвинувачувано в тому, що вони вбили секретаря Полт. Консисторії Комарова.

прогулку по Полт. губ. Если бы я знал, когда именно Вы будете в Гадячѣ, то завернул бы туда на часок, чтобы повидаться. Пишу Вам наугад в Полтаву. Если Вы там, то отзовитесь словечком, сообщив о времени пребыванія своего на берегах Псла. Но если Вы теперь в Гадячѣ? Пускаю два слова и в Гадяч, по чисто фантастическому адресу. Авось дойдет! Оттуда или оттуда но все таки надѣюсь получу отклик.

Всегда Вас любящій В. Горленко.

1 іюля Ярошовка.

(На конверті—1900).

Оба Ваши письма, добрый и дорогой Афанасій Яковлевич я получил. Огь г-жи же Отморъ досель посланія не получал, чѣм не особенно и печалюсь. Дѣло в том, что насчет этого вопроса я нахожусь в сомнѣніи. Пробыть здѣсь остается мнѣ три мѣсяца, 1 окт. я уѣду. Дом зимой „для опасности“ думаю не топить совсѣм, а в кухонной избѣ устраиваю такую комнатку, маленькій „захист“, гдѣ на зимнюю невзгону помѣстятся кто нибудь из служащих людей, два-три уцѣлѣвших цвѣтка и мой бѣдный мопс. Это выйдет гораздо проще и экономичнѣе. Отморъ, вслучаѣ она напишет, я отвѣчу приличным образом. Очень благодарю за память Александру Михайловну и извиняюсь за свою болтовню — (говорю часто, не рѣшивши еще хорошо дѣла). Мнѣ необходимо найти хороших человѣка с женой, котор. я передать бы мог всецѣло на руки все мое добро. В хуторѣ, как у меня, всего нужнѣе физическая сила, в образѣ этого желаемого и чаемого „человѣка“. А впрочем насчет всего этого еще поразмыслю. Вслѣдствіи Ваших условій, измѣняю я свои предположенія поѣздки по Полтавщинѣ немного иначе. Оставляю Гадяч на время между 15—20, іюля. Таким образом мы почти навѣрное можем встрѣтиться. Будьте добры мнѣ черкнуть, когда Вы выѣдете в Гадяч? Думаю что если приѣду 20—21, то Вы уже будете там, уже осядетесь и я не буду „татаринѣм“. С наслажденіемъ мечтаю о наших будущих бесѣдах, прогулках, купаньѣ, толках о безцѣнной литературѣ. Неужели ужъ нельзя раз в год доставить себѣ роскошь таких одного-двух дней. Эта тяжкая жизнь и без того вѣдь уж слишком давит каждого из насъ. Я попрочитывалъ в „Старинѣ“ то что по недосугу не мог прочесть зимой „Смерть Макарихи“, в особ. 2-я половина разсказа (муж и бесѣды женщин над покойницей) восхитили меня. Очень хорошъ также Левенко (Старе и Нове) в іюньской книжкѣ. Это псевдоним Влад. Леонтовича, младшаго из братьев, женатого на дочери Лесевича. На сценѣ, как Вы конечно и догадались, Лубны. Мнѣ кажется весьма хорошъ язык, прекрасно знанье жизни, умѣнье писать, есть юмор. Странно, что очень похоже на польских авторов (манера) на Пруса и Клеменса Юношу. Хороши также, кое гдѣ лишь хромающія сцены Познанскаго. Вообще все это хорошая малор. литер. а не убійственная, фальшивая школа Старицкаго, Пчилки, Украинки, Черняховской и других горожанъ. Насчет историческ. піес вполне с Вами согласен. Пред современ.

онѣ мало интересны, да нашим драматургам онѣ и не по силам. У них выходят лишь поддѣлки. „Гайавату“ жажду прослушать. Я очень люблю это произведение и его поэта. Любо будет слушать его в соответственной гайавато-гадячской обстановкѣ. Итак жду увѣдомленія от Вас о времени выѣзда из Полтавы.

Пока что обнимаю и остаюсь любящій В. Горленко.

P. S. В каком часу отходит поѣзд из Лохвицы на Гадяч с кот. надо ѣхать и как найду Вас в Гадячѣ или Вельбовкѣ (чей дом?)

19 іюля. Ярошовка.

(На конверті 1900).

Дорогой Афанасій Яковлевич! Ваши соображенія насчет моего к Вам приѣзда как нельзя болѣе совпали на сей раз с моими. Именно только послѣ 25 іюля мнѣ и можно будет двинуться в Вельбовскіе лѣса. Но подобно Сыну Человѣческому не могу назначить „дня и часа в онъ же прійду“. Знаю лишь, что между 25 и 30 іюля, вѣрнѣе всего 28—29. Только еще не знаю приѣду ли поѣздом или извозчиком из Ромна. Поэтому прошу Вас не беспокоить почтеннаго Россинанта Вашего (ему и без того, я чаю, не мало дѣла), т. к. в Гадячѣ есть извозчики, то нѣтъ ничего проще, как приѣхать на одном из них. Я жажду попасть к Вам скорѣе: чудные люди и чудныя мѣста. — Чего же больше желать на свѣтѣ? Меня еще очень интересует мѣстность подъ Гадячем, о кот. я сохранилъ смутныя лишь воспоминанія от переѣздов в раннем дѣтствѣ. Недавно я провел два дня в Лохвицком уѣздѣ (в с. Лукѣ близ Юсковец), купался по 4 раза в день и позналъ счастье жить при рѣкѣ. А вѣдь Псел в былые времена пользовался еще лучшей репутаціей, чѣм старушка Сула. К сожалѣнію лишь на весьма короткое время буду у Васъ, дня два, никак не больше. Я должен писать каждую недѣлю, да еще рецензіи книг, кот. приходят ко мнѣ почтой, поэтому не могу надолго отлучиться из дому. К тому же еще и дѣла: должен выѣхать „Член“ из банка, т. к. хлопоту о дополнительной ссудѣ, кот. надо „погасить“ дьявольскую жажду Случевского — и прочая матерія. Но убѣдительный рапорт обо всем этом услышите от меня лично. Но хоть день, да наш! Я надѣюсь наконец видѣть Вас и Ваших на лонѣ прекрасной природы и бесѣдовать о прекрасных вещах, забыв по возможности скверныя. Если Дмитріев¹⁾ надѣдет к тому времени, то бесѣды наши будут еще оживленнѣе.

Итак обнимаю Васъ и собираюсь к Вам. Пока прошу усердно кланяться многоуважаемой Александрѣ Михайловнѣ.

Всегда любящій Вас В. Горленко.

¹⁾ Мих. Дмитріев — адвокат в Полтавѣ, відомий громадський діяч.

26-е іюля. Ярошовка.

(1900 на конв.)

Хотѣл выѣзжать к Вам сегодня, дорогой Афанасій Яковлевич, но вот неожиданная остановка. Нелегкая принесла сюда кузину, довольно „литню“ особу, но весьма желающую переменить фамилію. Составился цѣлый заговор (женскій конечно), чтоб выдать ее замуж за одного из сосѣдей, и я попал в этот заговор как кур во щи! Оказывается что у меня всего удобнѣе (для кого? Для меня? Об этом разумѣется не спрашивается) намѣченным лицам встрѣтиться, как на нейтральной почвѣ (война и политика научила и дам таким выраженіям. Впрочем онѣ всегда были „воюющей стороною“). — И вот, волей-неволей завтра я должен устраивать нѣкій фестиваль и разыгрывать роль очарованнаго при видѣ гостей хозяина, когда я сам стремился стать гостем. Но женскій деспотизм имѣет надо мною силу лишь до 28-го (дай им волю — так совсѣм возьмут в рабство!). В ночь с 28 на 29-е, несмотря ни на какія дипломатическія ноты и соображенія дам, выѣду в Гадяч, гдѣ, пожалуй, без меня уже заключены „гадяцкіе пакты“ (разумѣю пріѣзд г. Дмитріева, кашевареніе и сопровождаящія его бесѣды). Авось поспѣю хоть к минутѣ подписей под этими пактами и к приложенію печати.

Думаю все таки, что Вы раньше начала августа не покинете вельбовских пущ и недр и что, даст Бог, „болѣзнь“ Ваша продлится много дольше. Возможно вѣдь, что 28-го дамы поснимают в колесницѣ моей колеса и я пріѣду 30-го. Но вѣрнѣе, что буду 29. Из этого не слѣдует, что Вам надо беспокоить своего почтеннаго Россинанта. Я весьма невысокаго мнѣнія о себѣ, но грустно всеже сознавать себя „рыцарем печальнаго обрза“. Гадяцкіе автомедоны с успѣхом доставят меня к Вам.

Мой глубокій поклон Александрѣ Михайловнѣ. Вѣчно Ваш В. Горленко.

29 іюля (в тому-таки конверті).

Увы, увy как нарочно все как будто сговорилось, чтоб задержать мой выѣзд к Вамъ. Человѣкъ, бывшій во дворѣ, запыл и ушел домой. Остается один хлопец, на кот. невозможно оставить все, ибо это равносильно полному разграбленію. Ожидается новый сторож, и как только он водворится — выѣзжаю. Таким образом рассчитываю попасть к Вам около Маковія, 1 августа. Но будете ли Вы еще в Гадячѣ? Во всяком случаѣ пріѣду.

Весь Ваш В. Горленко.

6 мая 1901.

Ярошовка.

Возобновляю изъ родныхъ странъ прерванную петербургской каторгой! переписку с Вами, дорогой Афанасій Яковлевичъ. Пріѣхал я сюда

3 мая и къ удивленію, застал погоду болѣе холодную, чѣм в Петербургѣ. Для меня это тѣм болѣе чувствительно, что домъ мой „для опасности“, не топили всю зиму и долженъ был по моему расчету, быть обогрѣтым ласковым майским солнцем. А оно вовсе не ласково и я долженъ топить свою комнату и продолжать „бухикать“, как бухикал с Пасхи в Петерб. Все обойдется, конечно, но-ахъ! иногда устаешь уже отъ этихъ непрерывныхъ компромисовъ съ судьбой. Вся жизнь наша состоитъ собственно въ ожиданіи что „все обойдется“. А в концѣ концовъ,— тотъ же необыкновенно простой и загадочный, хоть и не сложный, неизбежный, конецъ!

Я перенесъ, конечно, сюда всю свою работу, съ прибавкою новой; но хочу методически распредѣленіемъ времени, выгадывать себѣ и антракты, во время которыхъ можно бы дѣлать всякіе зигзаги и экскурсіи. Но не стоитъ и противно мнѣ говорить о себѣ. Я хочу знать о Васъ и очень прошу Васъ скорѣе откликнуться и рассказать: какъ поживаете Вы и Ваши, здоровы ли всѣ, что подѣлываете, как вела себя за это время Ваша Муза? Куда направляются Ваши лѣтомъ и скоро ли выйдутъ изъ Полтавы? Поѣдете ли Вы и скоро ли, по казначействамъ и есть ли надежда увидѣть Васъ хоть на часокъ во время проѣзда черезъ Дмитровку? Ничего вѣдь не знаю о Васъ болѣе полугода!— Что до меня, то, если Гадяч и нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ филиальнымъ отдѣленіемъ семьи Рудченковъ, то „клянусь послѣднимъ днемъ творенія“ посѣтить непременно уже берега Псла в этомъ году! Жду отвѣта на многочисленные свои письма касающіеся Гасъ нетерпѣливо.

В Петерб. очень вліятельныя лица говорили мнѣ о проектѣ отмѣны правилъ 76 г. стѣсняющихъ малорос. печать. Шаховской, управляющ. цензурой, повидимому также стоитъ за эту отмѣну. Малороссійской труппы в этомъ году в Спб. не было. Приѣзжалъ только одинъ Кропивницкій на Шевченкоескій вечеръ в мартѣ. О литературныхъ малор. новостяхъ мнѣ надо у Васъ спрашивать, ибо я возился все только с русскими да иностранными по „должности“ своей. В концѣ мая общалъ заѣхать ко мнѣ Гринченко, чрезвычайно дѣльный работникъ по южнорусск. дѣламъ и умный чело-вѣкъ. Когда же могу видѣть Васъ? Прошу передать усерднѣйшій поклонъ мой многоуважаемой Александрѣ Михайловнѣ и привѣтъ птенцамъ. Жду письма и остаюсь всегда любящій Васъ.

В. Горленко.

26 мая 1901

Ярошовка.

Очень и очень былъ радъ узнать, что Вы, дорогой Афанасій Яковлевичъ, и всѣ Ваши въ добромъ здоровьи, хоть и страдаете отъ дѣйствительно сумасшедшей спеки. Она была и у насъ, во всемъ своемъ ужасѣ, и, какъ разъ во время нее мнѣ пришлось принимать (втеченіе двухъ дней) гостей,— гостей деревенскихъ вваливающихся на сутки,— и еще совершенно между

собой противоположных, отчасти даже враждебных! Эта вторая баня, присоединясь къ первой, чуть не уложила меня в постель, „и бысть вторая горше первой“...

Вы прекрасно выбрали дачное мѣсто; — Млины я знаю, ибо это резиденція моих милых Бобровских ¹⁾. Они должны даже находиться не в особом отдаленіи от Вашей дачи. Понятно, что раз поѣду в Полтаву, то вдвойнѣ, так сказать, буду влечься туда и меня узрят сейчас же на берегах Ворсклы и в обиталищѣ почтеннаго Токаря.

Объ изданіи Вашихъ сочиненій я уже с радостью слышал. Могу только желать чтобъ это милое изданіе двигалось как можно скорѣе. Интересуюсь вельми и томом 1 и 2 и 3-м! и всѣми, но этимъ конечно всего болѣе. Раз изданіе начнется, Вы уже обязаны будете выпустить „Повію“, котор. слишком долго загостилась в Вашихъ объятіях. Новыя кіевскія изданія, говорят, хорошо очень расходятся. „Вік“ печатается вторично, „Пов. Левицкаго“ идутъ очень ходко, а Мирный должен полетѣть в публику, в особенности новыя вещи. Надо чтобы собраніе продавалось и отдѣльными томами, как это дѣлается вездѣ в Европѣ, и как благоразумно сдѣлали для Левицкаго. Это сущее благодѣяніе для небогатыхъ любителей чтенія.

Мнѣ предстоитъ быть в Полтавѣ, — когда именно не знаю, но вѣроятно все же в іюнѣ. Пока что, посылаю свою образину, как всегда, скверно снятую, ибо не могу сниматься без подпорки для головы и, в минуту как фотограф снимает крышку объектива, лицо мое принимаетъ изступленно-идіотское выраженіе. Но это уже органическая черта против кот. ничего не подѣлаешь!

Прошу передать мой глубокій привѣтъ Александрѣ Михайловнѣ и дѣтишкамъ. Думаю что в Млинахъ они чувствуютъ себя много лучше, чѣм в городѣ, да и Вамъ даютъ больше спокойствія и слободы. Но Гадячъ не дается мнѣ как кладъ!

Обнимаю Вас и ост. любящій.

В. Горленко.

14-го іюня 1901 г.

Ярошовка.

Дорогой Афанасій Яковлевичъ

Первая из Вашихъ винъ, — продолжительное молчаніе, возбуждая сожалѣніе, еще кое как простима, въ виду поистинѣ смягчающихъ обстоятельствъ. Но вторая — пребываніе в Ромнахъ и забвеніе въ это время Дмитровки и жаждущаго Васъ видѣть в Ярошовкѣ писателя сихъ странъ — не заслуживаетъ никакого снисхожденія? Тутъ и такое вѣское обстоятельство, какъ присутствіе всѣмъ интересующихся дѣвицъ, не можетъ служить оправданіемъ... Право, ужасно это досадно! Нигдѣ, какъ в такомъ глухомъ уголкѣ как Ярошовка, нельзя съ такой свободой поговорить объ ис-

¹⁾ Тітка В. Горленка та її сини.

кустѣ, литературѣ, прочесть что нибудь Ваше новенькое как читывали мы надъ прудом, на террасѣ и пр. Кое что я бы показал и из новеньких своих вещей по части искусства. Но... барышни!... В Полтавѣ я буду между Спасомъ и Успеніем. Будете ли Вы еще в это время в благословенныхъ Млинахъ? Гдѣ бы Вы ни были конечно явлюсь к Вам тотчасъ. Из Полтавы я поѣду в Яновщину, Миргородъ, Сорочинцы etc. По порученію „Нов. Вр.“ я должен снять фотографіей, в виду юбилея Гоголя, всевозможную Гоголевщину съ натуры. Порученіе весьма интересное (пока что, кромѣ своих, никому не говорите о немъ), но затруднительное по приисканію хорошаго фотографа. Едва ли Хмѣлевскій поѣдет со мной (хотя я могу от редакц. предложить ему дня за 3—100 р.). Впрочем, конечно, я обращусь к нему первому. На-днях я вернулся тоже из небольшой поѣздки (просидѣлъ передъ тѣмъ два мѣсяца совершенно неподвижно). Позвали меня на открытіе „Народнаго Дома“ в Лохвицѣ. Поставл. была „Наталка“ съ Кропивницким, нарочно выписанным из Харькова. Зал „Народн. Дома“ был набитъ, послѣ спектакля Лохвицкіе соловьи говорили безчисленные рѣчи. Была Ольга Петр. Косачъ с препротивным братомъ, Ник. Ил. Стороженко, почти лишившійся ногъ, но усердно изучающій в III отд. интереснѣйшее дѣло Кирилло-Мевод. братства; проживающій на поруках в Лохв. уѣздѣ Туганъ-Барановскій, великій человѣкъ с микроскопическим носомъ и пр.—В общем все очень напоминало Тарасконъ, какъ онъ описанъ Додэ. На эти „народные дома“ я нimalo не уповаю. В нихъ, сдается мнѣ, будутъ формироваться тѣ типы, кот. выведены в Вашей „Згубѣ“—и народному дѣлу от нихъ корысти мало. Прямо с Лохвицкаго ужина (в 3 часа ночи) я проѣхал на ближайшую платформу, а потом, через Ромодан, новою дорогою в Кіев. Вы вѣроятно не раз будете ѣхать, если уже не ѣхали, этой интересной дорогой. Подъ Лубнами—совсѣм Швейцарія; очень хороши Яготинъ, Березань, Дарница. В Кіевѣ жара и безлюдье. Я видѣлъ только милѣйшаго Колю Лысенка. У него сразу вышли замужъ двѣ дочки.

Сам онъ, к счастью нашему, затѣваетъ опять новую женитьбу. Но важнѣе то, что он рѣшил ѣхать зимою в большое *tournee* съ хором и солистами, продюцировать народную музыку и свои сочиненія. Я заклинал его не оставлять этотъ чудесный план. В Кіевѣ я не был два года. Он страшно разросся и в ширь и в вышину. Четырехэтажных и пятиэтажн. дом. кот. прежде были счетом, теперь сколько угодно. Не знаю что будет с этимъ городом, даст ли он что нибудь соотвѣтственное просвѣщенію и народности? Что то новое начинается, но пока—ремесленное, техническое: телефоны, трамваи, политехникум etc—т. е. та матеріальная житейская механика, кот. сводится къ разрѣшенію вопроса какъ с большимъ удобствомъ вы.....тсѣя. Выступать ли послѣ нее духовные элементы?

Затѣваютъ изданіе малор. журн.—подъ номин. редакціей Ив. Сем. Левицкаго. Ходатайство о томъ пошло на рѣшеніе. Зданіе Музея превосходно,—но онъ будетъ носить, кажется, чисто археологическій характеръ. Поступили туда уже двѣ очень цѣнныя коллекціи—Ханенка и Бобринскаго. Конечно, опять таки и Музей можетъ развиваться.

В. Горленко у 70-х роках
студентом Сорбонни.

В. Горленко у р. 1906
(фотографовано в Криму).

Я снималъ фотографіей (такова уже миссія моя в этом году!) картины Екатерининск. живописца Левицкого для роскошнаго изданія, спимки с них, к кот. я пишу текстъ. Когда изданіе выйдетъ, увидать что за громадное художественное дарованіе было у этого уроженца мѣстечка Маячки.

Тут кстати спрошу Вас кое о чем. Розыскал я по старым актам, что в м. Лютенъки Гадячск. уѣзда, в Успенск. церкви, есть икона писан. Левицким (Авраам и три странника). Я запросил мѣстнаго попа, и свѣдѣніе мое подтвердилось. Нѣтъ ли у Вас кого близ Лютенъки, кто могъ бы взглянуть на икону и сказать — хороша ли она и, главное, не реставрирована ли? Прежде чѣм ѣхать туда из Гадяча и тащить туда фотографа, свѣдѣніе это было бы очень важно, чтобы не напасть на что-нибудь совершенно погубленное реставраціей как миргородскіе Боровиковскіе Соборн. церкви и пр.

И этотъ вопросъ и кое что изъ предшествующаго предполагають и вызываютъ отвѣтъ. Препятствій к нему теперь нѣтъ, т. к. любопытныя барышни (я знаком съ обѣими) далеко ужъ от Вас. Кстати, чтобы сдѣлать отвѣтъ еще настоятельнѣе, спрошу Вас, — не извѣстно ли Вам, как сосѣдям, есть ли теперь у Любовь Як. Бобровской, моей тетки, кто из ея сыновей, т. е. моих кузенов? Всѣ они большіе мнѣ пріятели.

Прошу передать глубокой поклон Александрѣ Михайловнѣ. Скоро надѣюсь сидѣть в хramинѣ токаря, как Вы называете свое мѣстожительство. Пока же что обнимаю Вас и остаюсь искренно любящій.

В. Горленко.

26-го Іюня 1901.

Ярошовка

Дорогой Афанасій Яковлевич!

По привычкѣ (быть можетъ заслуживающей подражанія) отвѣчаю на Ваше переяславское письмо, хоть скоро надѣюсь и самъ видѣть Васъ.

Долгимъ опытом деревенской и одинокой жизни, я дошел до того, что письмо замѣняет мнѣ, отчасти, разговор, — а какъ отказать себѣ в удовольствіи побесѣдовать съ тѣм кого любишь? Быть можетъ на этом послѣднем основаніи „заговорили“ Васъ и цокотухи-племянницы. Кто другой извинить их, но я, во имя того что сам лишен был удовольствія Васъ видѣть в Ярошовкѣ, охотно бы слегка, чуть-чуть, подрѣзал у них языки, к их, а можетъ быть, и общей пользѣ.

Вы сомнѣваетесь насчетъ достаточнаго количества сил для малорос. журнала. Но просмотрите цензурные списки и т. п. и увидите как много лиц пишущих по малороссійски. Боюсь сказать ересь, но, кажется, пишетъ столько же сколько читаетъ, или, другими словами, пишетъ всякій читающій. Разумѣется громадное большинство — дичь и гиль, но между этимъ найдется, вѣроятно, достаточно путнаго. Лишь бы была хорошая и умная редакція.

О народных домах и театрах буду с Вами бесѣдовать в Полтавѣ. Не трудитесь поручать статистикам осмотр Лютенскаго образа: я как ни-будь сам проникну туда, очень просит об этом мой издатель. Дѣйстви-тельно тяжкая задача Ваша редактировать адрес Русову. Я ни за что не сѣмѣю бы этого сдѣлать, тѣм болѣе что глубоко сомнѣваюсь в пользѣ зем-ской статистики (очень не дешево стоящей), не давшей до сих пор ровно ничего, — а слѣдов. и во всей дѣятельности Русова, — фанатика этого дѣла. Я предпочитаю рѣшительно А. А. как пѣвца и собесѣдника.

Со вчерашней почтой получил новое изданіе „Хмельныщины“ Кули-ша. Вотъ образцово-написанная вещь, кот. дай Богъ чтобъ пошла в народъ. К сожалѣнію цѣна дорога для народн. книжки, — 15 к. и рисунки выбра-ны безвкусные, но текстъ так хорошъ, что все это забывается. Это вещь из лучшей поры Кулиша.

Присутствіе деньщика у Бобровских, увы, не разрѣшает моих со-мнѣній насчетъ пребыванія там моих кузенов. Они имѣютъ обыкновеніе при-сылать таковых на лѣто для домашнихъ услугъ тетускѣ и кузинѣ, кот. также считаетъ такой порядок вещей нормальным. Деньщик, разумѣется, от этого не страдаетъ, ибо в Млинах ему лучше чѣм в Петерб. и всѣ оста-ются довольны.

Недоволен за то я на себя, возымѣлъ несчастную мысль послушать знакомых и притащить из Петерб. нѣкую чухонку Мари, в качествѣ ку-харки-домоводки. Она сразу вступила в борьбу с малороссами и т. к. я, конечно, всегда на сторонѣ малороссов, то можете судить что выходить? Чухонка страшно жалуется на то, что ей жарко, а еще чаще, — что ей скучно! Каково положеніе, — быть обязаннымъ занимать разговорами свою кухарку, чтобъ доставить ей развлеченіе?!

Глубокій привѣтъ мой Александрѣ Михайл.

Истинно любящій Вас

В. Горленко.

22 дек. 1901 г.

Привѣтствую дорогого и многоуважаемаго Афанасія Яковлевича и глу-бокоуважаемую Александру Михайловну и шлю лучшія пожеланія имъ и чадамъ их, и чадамъ чадъ ихъ... Я здѣсь съ 6 ноября.

Искренно любящій Вас В. Горленко.

Адрес мой: Малая Итальянская д. 31 к. 2.

СПб. 29 дек. 1901 г.

Колокольная д. 3 кв. 7.

Съ Новым Годом, дорогой Афанасій Яковл. На днях буду писать Вам, пока лишь привѣтствую. Всегда весь Вашъ

В. Горленко.

30 — III

Привѣтствую Васъ и Александру Михайловну.

В. Горленко.

Привѣтъ дорогому Афанасію Яковлевичу от В. Горленка глубокоуважаемой Александрѣ Михайловнѣ 12 апр. 1902 г.

Спб. 29 д. 1902 г. Мал. Итальянск. д. 31 кв. 1.

Глубокій привѣтъ мой и поздравленіе искренно уважаемой Александрѣ Михайловнѣ и Афанасію Яковлевичу. Всегда пред.

В. Горленко.

Спб. 3 апрѣля 1903 г.

Привѣтствую глубокоуважаемых Афанасія Яковлевича и Александру Михайловну. Поздравляю с водвореніем на новое жительство. Прошу адресъ. Видѣл дважды „Лемерівну“, давали с больш. успѣхом. Всегда Вашъ В. Горленко.

СПб. 24 апрѣля 1903 г.

Дорогой Афанас. Яковл. Нѣсколько неожиданно даже для себя, сегодня, по поруч. Н. Вр. отправляюсь на нѣкот. время в славянскія земли. Вернусь оттуда прямо въ Ярошовку (на Одессу). Думаю что это будет в концѣ мая. Прошу Вас написать мнѣ въ Бѣлградъ, poste restante (марка в 10 коп.). Будьте добры спросить у Н. А. Дмитріева, в каком положеніи мое дѣло т. е. искъ жидовъ, укравших или утаивших мой вексель, выд. 10 лѣтъ назад и уже оплоченный. Я послал ему довѣренность и писал два раза. Не получил ни слова отвѣта. Видѣл два раза Вашу „Лемеривну“. Мар. Конст. уже уѣхала из Петерб., лѣтом она ѣдет в Сибирь. Мой привѣтъ Алекс. Мих. Любящій Вас В. Горленко.

20/7 мая 1903.

Привѣтствую из Пешта дорогого Аф. Як. Ужасный город тѣм, что никто не гов. иначе как по венгерски. А я знаю только чардашъ и Гуніади-Янось. Сегодня ѣду в Бѣлград и Константинополь. Поклон А. М., вашъ В. Горленко.

10 іюля.

(з конверта 1903 рік).

Спѣшу отвѣтить Вам, дорогой Афанасій Яковлевич, по вопросу о дивах. Анна Петровна Затыркевич (нынѣ Якиманская по 3-му мужу) живет в селѣ Блотницѣ Прилуцк. уѣзда. Адрес ея: Ст. Дмитровка, Черн. губ. с. Блотница. Я недавно видѣлся с ней, она здѣсь теперь. Марія Конст. Заньковецкая, как передавала мнѣ, гостящая у Затыркевич актриса Козловская, теперь играет в Ростовѣ на Дону, в труппѣ Сусллова, кот. взял в свои руки нѣкій студент технолог Волик. Вот все, что я знаю о Мар. Конст., не ручаясь за то, что вмѣстѣ с труппой она не перекочевала теперь куда далѣе. Но вряд-ли.

Не думаю чтобъ та или другая прїѣхали в Полтаву к 30 авг. ¹⁾), но спрос не бѣда, конечно.

Нашлись издатели благодѣтели, кот. вслѣд за посл. Вам книжкой, издадут еще штук 4 разных моих писаній и работ. Своевременно все будет направляться в Полтаву.

Пишу на всѣх парах, почтарь ждет, а теперь, в жнива, иное сообщеніе с почтой, почти невозможно. Могу успѣть только передать мой привѣт. Алекс. Мих. и дѣтям. У нас были адскія жары, теперь легче. Как у Вас?

Всегда Вас любящій
В. Горленко.

Ярошовка 7 сент.
(1903 р. з конверта).

Пріймите, Дорогой Афанасій Яковлевич, мои сожалѣнія, раскаянія и извиненія злочастнаго грѣшника, кот. был раздираем за трехдневное пребываніе в Полтавѣ: своими обязанностями, безчисленными, съѣхавшимися со всѣх стран свѣта знакомыми и оффиціальной стороной праздника и буквально не имѣл никакой возможности, к великой своей досадѣ, побывать у Вас. Передайте мое глубокое извиненіе (и поклон) уважаемой Александрѣ Михайл. которой, к удивленію, я ни разу не встрѣтил ни в один из моментов празднеств Котляревскаго. Много, много сожалѣю что все так вышло, тѣм болѣе, что теперь не скоро уж я буду в Полтавѣ! Но что дѣлать! Вѣрьте хоть раскаянію моему и вспомните, что покаявшійся грѣшник лучше праведника...

Я вынес сильнѣйшее впечатлѣніе от полтавских торжеств, да иначе и быть не могло, это было что то совсѣм особенное и захватывающее.

.....

Какова то обратная сторона дѣла? Мою телеграмму в Нов. Вр., в триста слов, запретила петерб. телеграфная цензура. Храню ее ж телеграфное извѣщеніе об этом как историческій документ.

Послал подробную корреспонденцію; еще не получил тѣх номеров, гдѣ она должна выйти, не знаю пройдет ли и она сквозь двойную цензуру — административную и редакціонную.

Поразительное впечатлѣніе производили галичане — свободные люди среди рабов. И какіе ораторы! Но я давно знал, что они лучше говорят чѣм пишут.

Полтава гыдвинулась недавними днями на первый план — заслужила общую признательность. И голова и члены Управы и комиссія заслужили истинную признательность всѣх друзей родины. Памятник очень мил, все было прекрасно и выставка вышла преинтересной.

И еще с мѣсяц и мож. б. нѣсколько болѣе пробуду в Ярошовкѣ. В концѣ сентября я буду в Кіевѣ. В Петерб. буду в половинѣ октября, или около 20-го. Не ѣдете ли Вы в это время по казначействам, сообщите мнѣ.

¹⁾ На свято відкриття пам'ятника Ів. Котляревському.

Еще не писал Вам по поводу 1-й книги Ваших сочинений. Хотя все мнѣ хорошо знакомо, но в книгѣ дѣлает усиленное впечатлѣніе. Я рѣшительно никогда не читал прежде „Ловы“. Прелестная вещь, есть черты прелестнаго юмора.

В Полт. я, к сожалѣнію, не увидѣл Яновскую, кот. между тѣм, говорят была там.

.....
Передайте мой большущій привѣтъ Алекс. Мих. и дѣтям.

Всегда любящій Вас

В. Горленко.

24 сент. Ярошовка.

(1903 рік з конверта).

Если в чем напутал, писавши о „замѣчательных“ Полтавских днях, то не вините меня, дорогой Афанасій Яковлевич! Я вѣдь не знал закулисной стороны дѣла, писал так, как видѣл. Городского голову можно обвинять в том что он, или не знаю уж кто, послали запрос в Министерство о том, можно ли читать малор. привѣтствія. Вообще же онъ кажется славный и хорошій старик ¹⁾ (Постановленіе думы 9 сент. ²⁾) искупило грѣхи ея, если они были). Моя корреспонденція поневолѣ так осторожна. Задача состояла в том, чтобы провести все же правдивую ноту в отчеты об этих событіях и парализовать нехорошее и враждебное отношеніе, а м. б. и худшее нѣчто. Эта задача достигнута, и помня что дѣлалось прежде в газетном мірѣ при подобных других случаях, даже удивляешься, что все так благопріятно прошло.

Между тѣм общество пріучается к извѣстным мыслям и взглядам. О если бы все можно дѣлать скоро, и только на основаніи здраваго смысла

¹⁾ Полт. міський голова на той час Трегубов. Відомий інцидент на святі відкриття пам'ятника Котляревському, — голова заборонив українцям читати свої привітання українською мовою, проти чого вони демонстративно протестували. Подаю оповідання про це Бориса Познанського в листі його від 13-го жовтня (вересня), з Острогожського, що знаходиться в копії в Полт. Музею. „У перших днях Серпня одібрав я запросини на свято І. П. Котляревського до Полтави... але справи мої фахові і сім'яні не дозволяли мені упевнитися в тому, що мені можна буде пробігти у „славному Полтаву“... Але я гадав їх так улашувати, щоб можна було побувати на святі, а там побачитися зі своїми приятелями.. Мнімаючи, що це буде чисто офіційне свято, я назнамився їхати туди, щоб „не так обідати, як одвідати“ і розложив час так: поїхав з дому 27-го вечером з тим, щоб приїхавши в Полтаву 28-го, мати час на зобачення з тим з ким хотілося, а вже на свято їхати у Москву.. Але лучилося так, що свято захопило мене своєю суттю.. 28 у гостинниці я взнав, що там С. Ів. Васильковський, Карпенко-Карий, Чикаленко, Садовський і Саксан. телеграмами замовили собі квартири.. Вночі вони всі приїхали. 29 я знайшов Беренштама, Лисенка і багато інших приятелів.. Свято пройшло несподівано виказисто (демонстративно). Це мабуть вперше всенародно було заявлено домогання дозволу говорити на своїй мові не тільки Галичанам, котрим це було дозволено, але і нашим Українцям. Дуже виказисто вийшло коли після мови делегата архивної Чернигівської комісії, Коцюбинського, по нашому сказаний без перебою, і оклясків, од котрих трохи не розвалився тїатр, голова не дозволив

и совѣсти! Увы надо сначала еще расчищать почву, чтоб поставить новое зданіе! Когда сравнены шереховатости, укрѣплены слабые пункты, удалены или смягчены мѣшающіе элементы, тогда только можно надѣяться, что зданіе не рухнет. Но простите, что оправдываю себя такими азбучными истинами! Ужасно скорблю, что не мог быть у Вас и побесѣдовать всласть с Вами, Александрой Михайл. и милыми мальчиками. Менѣе чѣм через мѣсяц удаляюсь уже на сѣвер и очевидно свиданіе наше может устроиться тепер не раньше уже новаго, 1904 года.

Я не все договорил Вам о „Ловах“ в прошлом письмѣ. Вы напрасно сдерживаете и не даете воли своему замѣчательному юмору, кот. так блестяще проявился в этой вещицѣ, (как мелькает и в других Ваших вещах). Юмор — великая сила, особенно покоряющая читателя. Я в восторгѣ от „Ловов“. Та сцена когда супруги, послѣ всего происшедшаго, появляются под руку в саду — выше похвал. Что пишете Вы теперъ?

Яновская, кот. я большой поклонник, огорчила меня своей несуразной „Дарочкой“ (кот. правильнѣе бы было назвать Дурочкой). Сколько противорѣчій на так. коротком пространствѣ. Есть и безвкусіе в языкѣ. Но вообще Яновская — большая сила; если бы только осторожнѣе брала свои „сюжеты“.

Наднях буду в Кіевѣ, дня на 2—3. Что дѣлается в Полтавѣ? Нѣкто пишет мнѣ оттуда, что „Полтава опять заснула“. Зато как хорошо она недавно проснулась!

Мой глубокій привѣт Александрѣ Мих. и дѣтворѣ.

Всегда любящій Вас

В. Горленко.

делегатці (панночці чи молодиці—не знаю) говорити по українськи — з тіатру виходити стали не 30—50 чоловіка, як було умовлено, а 200—300 при окриках: Як це, хто має право забороняти нам говорити на нашій мові? Такого закону немає і бути не може. На кафедрі вийшов делегат от „кружка харьк. українців“ присяжн. повѣрен. Н. І. Михновський і по московськи сказав що він після заперту не стане читати своє привѣтствіє, але просить п. голову сказати на якій основі він забороняє говорити по українськи. Коли, заминаючись, голова сказав, що цей заперт вийшов од міністра, то Михновський сказав, що міністр не має права установлювати закони, і прохав занести його слова у протокол для обжаловання в Сенат. Я теж по умові вийшов зо всіма і не чув і не бачив, що далі діялося, але розказували, що два делегати — москалі один курський, а другого не знаю „в виду заперщення малороссам говорити на их языкѣ“ одмовилися прочитати їх привѣтствія. Голові зробилося „дурно“ і його повели за куліси. На другий день святкували „мирно й тихо“...

²⁾ Постанова 9/IX — полягала в тому, що вирішено було „обжалувати в Сенат“ заборону читати привітання укр. мовою; з приводу цього див. статтю в № 68 Полт. Губ. Вѣд. 13/IX 1903 під назвою „Шумимъ, шумимъ“.

В Полт. Муз. е, передана од Гр. Маркевича, колишнього гласного Міськ. Думи, відповідь Сената, що одержала Полт. Дума лиш р. 1906. Сенат постановив висловити догану Міністрові внутрішн. Справ за таку заборону, бо коли укр. мову не можна вживати в діловодстві, нею мали право українці читати свої привітання українському письменникові.

28 дек. 1903.

Петерб.

Из дому печали, больницы, шлю поклон, привѣтъ и поздравленіе дорогому Афанасію Яковл. и глубокоуважаемой Александрѣ Михайл. Четвертый мѣсяцъ — болень. Самое тяжелое, непріятное положеніе.

Адресс Кирочная д. 41. Еленинск. инстит. Будьте здоровы и благополучны.

Весь Ваш

В. Горленко.

10 февр. Петерб.

(На конвертѣ 1904 р.)

Маринская больница, Платное Отдѣленіе.

Вот откуда пишу Вам, дорогой Афанасій Яковлевич, пребывая в этом мѣстѣ с 20-го генваря и оставаясь еще неопредѣленное время! Всю эту ужасную зиму мнѣ не домагалось, на 15-го генваря разразился плеврит, и, протрадав 4 дня в моей подлѣйшей меблированной комнатѣ, 20-го по усиленной моей просьбѣ, я был перевезен в больницу. Первое время было ужасно (надѣюсь что Вы не испытали сами, но слышали об этой несносной болѣзни). Тянулось так долго. Только 2—3 послѣдних дня я стал вставать с кровати и прохаживаться по своей каморкѣ и больничному коридору. Ослабѣл, потерял вѣс (в буквальн. а не переносном смыслѣ слова), поглупѣл. Можете представить какая скука! Конечно рѣдко кто заходит навѣщать. Кому охота доставлять себѣ непріятность? Простите, что навожу на Вас уныніе этим разсказом. Много раз во время болѣзни думал о Вас и Ваших и хотѣл писать, но прямо не имѣл сил.

Жду нетерпѣливо времени, когда можно будет оставить больницу (ничего цѣльзя сказать когда именно). Тогда сейчас же выѣду из Петерб. и надолго. Не могу ѣхать к себѣ: дом нетоплен — это была бы гибель. Еще не знаю куда поѣду. Я не давал знать Ив. Яковл. о своей болѣзни. Просто совѣстно безпокоить собою людей, хотя я увѣрен что и он и Марія Марк. заглянули бы ко мнѣ.

В будущій понедѣльник, 16-го, здѣсь концерт из сочин. Лысенка, на кот. он сам пріѣдет. Увы, почти навѣрное можно сказать что мнѣ не прійдется еще быть на нем.

Ужасная эта война угнетает меня как кошмар. К чему? для чего! Это разореніе, погибель и это затянется надолго, а вѣчным врагом останется азіатскій Восток. Все возмутительно разстроено, вдобавок, и ничто не готово к войнѣ!

Передайте мой поклон Александрѣ Михайловнѣ и дѣтям. Как поживаете Вы и как провели они зиму. В заключеніе дѣло и курьезное. В Ярошовкѣ, в мартѣ, освобождается мѣсто сидѣльца в винной лавкѣ. Это мѣсто очень хочет занять дочь тамошняго священника, Анна Илларионовна Петровская. (Кончила Полт. Женск. Еп. училище и была учительницей.) Пишут сюда ко мнѣ, чтобы я устроил это. Но вѣроятно это всецѣло зависит отъ мѣстнаго акцизн. начальства? Знакомы ли Вы з упр.

акц. Джебелеемъ, в Полтавѣ и могу ли молить Вас устроить это невинное дѣло (барышня вполнѣ хорошая, может представ. залог и пр.). Если да, то поклонюсь Вам до земли, ибо попы не оставят меня в покоѣ, пока я не сдѣлаю им что можно (а они воображают, что я здѣсь очень важен. Монахи Густ. монаст. просили меня, чтоб я выхлопотал им возвращеніе земель, огнятых Екат. II). Напишите мнѣ без стѣсненія, возможно ли сдѣлать это и если да, то кому и как Петр. должны подать прошеніе. Бога ради простите просьбу.

Обнимаю Вас. Любящій Вас
В. Горленко.

P. S. У меня есть пріятель француз Рошъ, переводчик с русскаго (переводил Чехова, Лѣскова, Горькаго, и пр.). Живет в Парижѣ, но бывает и в Пет.—С ним у нас совершенно рѣшено, что будет переведено на фр. яз. кое что из Мирного. Я буду перев. с малор. на русскій, а он с русск. на французскій. Разрѣшает ли г. Мирный? Операція эта будет производиться нынѣшним лѣтом.

Знаю что многіе россияне зарятся на переводы из того же автора, в особ. на перевод „Пропавших сил“ (вышло ли отдѣльное изданіе?). Вѣроятно Вы получите скоро запросы в этом смыслѣ.

22 февр. Петерб.
(з конверта 1904).

Все же Марьянская больница. Платн. отд.

Очень благодарю Вас за Ваше доброе письмо, дорогой Афанасій Яковлевич. Сомнѣваясь мож. б. слишком во многом, я никогда не сомнѣвался в сочувствіи Вашемъ и Алекс. Мих. и много разъ вспоминал Васъ во время болѣзни. Я даже хотѣлъ писать завѣщаніе и ставигъ Вас душеприказчиком, как лицо, кот. я глубоко уважаю. С нѣкотораго времени я уже встал с одра болѣзни и даже уже два раза выходил на воздухъ (на горе в противн. Петерб. все стоят холода).

Обстановка больницы конечно не весела, но мнѣ попались добрые люди, кот. смягчили больничное уныніе: милѣйшій доктор, ученик Захарина, очень внимательная „сестра“ (главная в нашем отдѣленіи) хорошія „хозяыя“ (сидѣлки) и „санитар“ (угощавшій меня мольеровскими инструментами и пр.). Были и непріятныя встрѣчи. Никогда не забуду одной ночи, когда мнѣ казалось, что я вот-вот задохнусь—и попросил „дежурнаго врача“. Явилась фигура с лицом озвѣрѣлым от перепоя, и грубо начала трясти меня к моему ужасу. Не знаю уже что было потом, т. к. мнѣ сдѣлалось совсѣм дурно. Были также курьезные типы сестер милосердія. Одна все свое дежурство проводила на площадкѣ с студентом, являвшимся ежедневно. Больные в это время могли охатъ и стонать сколько им угодно.. Но всего о больницѣ не перескажешь. Я еще остаюсь в ней с недѣлю (в виду нѣкоторых удобств, не даваемых частн. квартирой).

Послѣ этого рѣшил уѣхать из Петерб. Но еще не могу рѣшить вопроса куда? Конечно своевременно сообщу Вам об этом.

О войнѣ и говорить тошно. Это один сплошной ужас и несчастье. По мнѣнью самых завзятых оптимистов, она продлится не менѣе 1½—2 лѣт. А об осложненіях, какія может принять — страшно и подумать!

Сидя в больницѣ, мало конечно соприкасался съ новостями. Сейчас здѣсь труппа Волика с Мар. Конст. и Кропивницким. Играют они в ужасно отдаленном театрѣ и кажется не дѣлают сборов. К сожалѣнію не могу писать о их спектаклях в газетѣ, как в прошлом году. 18 был концерт Лысенка, кот. и сам пріѣхал сюда и кажется еще и теперь здѣсь. Концерт не совсѣм удался, половина пѣвцов и пѣвиц не явилось. Но о Лыс. писали много в газетах.

Проект Ваш, касающійся статьи о „днях Котляревскаго“ интересен (держу его в секретѣ). Откровенно говоря, я не люблю ни сказок, ни иносказаній и как читатель, конечно, предпочел бы статью в другом видѣ, но если мѣшает нецензурность то лучше иносказаніе, чѣм ничего.

Чувствую, что пишу безсвязно и нелѣпо. Простите одурѣвшую от 40 дневнаго лежанья и пребыванья в больницѣ голову.

Как всегда во время болѣзни являются разныя непріятности. В началѣ ея в день, когда я, в ужасном состояніи, перебирался в больницу, получил повѣстку от полт. отд. двор. банка о недоплаченных процентах! А в концѣ, на днях, когда чувствовал себя немножко веселѣе, пришла повѣстка судебн. пристава о взысканіи с меня жида ми, укравшими или утаившими мой, оплаченный давно вексель. (Я рассказывал Вам об этом дѣлѣ). Я должен был не теряя минуты послать отзыв в Полт. Окр. Суд, с просьбой о новом разборѣ дѣла. Послал телеграмму с оплаченным отвѣтом Дмитріеву, но отвѣта не получил. Уѣхал онъ изъ Полтавы — что ли. На другой день я сам состряпалъ и послал отзыв. Теперь, как я узнаю, внялъ ли моей просьбѣ Суд и будет ли назначен новый разбор дѣла Горленка с мѣщ. Башмашниковым (!!) о взысканіи 2-м с 1-го векселю 720 р.? Нѣтъ ли у Вас знакомаго в Окр. Судѣ, кот. мог бы справиться? Умоляя простить меня, прошу, если есть таковой поручить это сдѣлать. Что стоит — я сейчас вышлю. Пока усердно кланяюсь Алекс. Мих. и дѣтям и обнимаю Вас.

Всегда любящій

В. Горленко.

8 марта Петерб.

(з конверта 1904 рік).

Дорогой Афанасій Яковлевич!

Не писал Вам нѣсколько дней в отвѣг на Ваше письмо, все не зная, какой адрес Вам дать? Завтра уѣзжаю из больницы и поселяюсь временно на своей прежней квартирѣ, — ул. Жуковского д. 31, куда, если будете добры и напишете.

Очень и очень благодарю Вас за труд, взятый Вами на себя по справкѣ в судѣ. Если возможно узнать что нибудь, то прошу сообщить. Обыкновенно (говорят) суд уважает просьбы о нов. разборѣ дѣла, если обвиняемый (в данном случаѣ по истинѣ не виновный) не присутствовал при 1-м разборѣ дѣла. Не знаю уважают ли мою просьбу и мучусь этим. Без этого не могу спокойно и уѣхать из Петерб., а послѣднее, говорят, необходимо.

Я не знаю еще куда поѣду. Напишу Вам, когда рѣшу. В Петерб. пробуду еще дней 8—10. Если бы в это время получить извѣстіе о подлом жидовском дѣлѣ!

На днях я был у Ив. Яковл. Конечно много вспоминали Вас. Он получил также экземпляр „Проп. сил“. В каком порядкѣ выйдет роман в собр. сочиненій?

Мой большой искренній привѣтъ Алекс. Мих. и дѣтям. Выхожу из больницы на 50 день пребыванія в ней! Сказать страшно и страшно оглянуться на прошлое (хотя впереди, увы, еще неизбежное будущее. Но счастье наше, что мы можем как бы забывать это).

Искренно Вас любящій
В. Горленко.

Спб. 14 марта
(з конверта 1904).

Улица Жуковского 31, кв. 1.

Дорогой Афанасій Яковлевич!

Я обмер получивши сегодня ваше письмо и сейчас же послал Вам телеграмму, прося внести за меня злочастные 3 р. 75 к. (не послан мною по незнанію), непредст. кот. мож. погубить все дѣло. Завтра же (сегодня денежн. отправл. уже закрыто) вышлю Вам эти деньги. Какая жалость, что Вам не пришло на мысль отдать их в Судѣ тогда же, как Вам заявили об этом. Я бы конечно моментально их возвратил Вам по первому извѣщенію. Никакого письма от Дмитриева я не получал (хоть все доходят исправно). Прости меня, Господи, но я думаю что его не было! Он сказал чтоб оправдаться. Для Дмитриева я плохой и докучный кліент. Если я ошибаюсь, то прости меня, Боже!

Я получил вѣсть из Прилук о возобновл. жидами дѣла. Дмитр. обѣщал слѣдить за ним в судѣ, но конечно не слѣдил. Разбор состоялся и он не знал и не уведомил меня, когда я был еще совсѣм болен. В наставленіи, кот. сопровождало письмо, добрый Новицкій (мой сосѣд, земск. нач.) не упомянул о пошлинах. Он писал „посоветуйтесь с опытным юристом“. Но как я мог это сдѣлать, лежа в плевритѣ? Гдѣ искать юриста, ни одного из кот. я не знаю. Я скорѣе послал прошеніе, какія то марки и какія то 50 коп. — все о чем упомянул в своем письмѣ Новицкій.

Я знаю что нельзя доказать оплоченность векселя, моя цѣль при просьбѣ о новом разборѣ дѣла, затянуть время хотя до лѣта, во 1-х чтобы собраться с деньгами, во 2-х чтобы кое что предпринять

в этот промежуток. Так разстроен, что не могу не о чем другом писать. Я совсѣм, совсѣм еще не оправился. Хотѣл уѣзжать в страст. вторник из Петерб. (не за границу, а только в Варшаву) но теперь жду извѣстій от Вас. Вѣдь это ужас будет, если жида без меня начнут взыскивать и продавать в моем дворѣ и домѣ, что захотят. Мой глубокий привѣтъ Алекс. Мих. Простите за беспокойство.

Весь Ваш
В. Горленко.

Р. S. В случаѣ, если при представлен. пошлин надо писать или заявлять что нибудь — для этого у Дмитріева (как я сказал в телеграммѣ моей Вам) есть полная моя довѣренность. — В виду такого отношенія к дѣлу Дмитр., я бы конечно сейчас освободил его от этих забот, но не успѣю теперь, и дѣло, из за таких пустяков, как 3 р. может пропасть. Надо также (будьте уж добры передать такую мою просьбу. Само собою что я готов сейчас же уплатить гонорар, какой он назначит) чтоб он поддерживал самым энергичн. образом в судѣ мою просьбу о назначеніи новаго разбора дѣла. Я уже сказал, что это необходимо мнѣ, чтоб выиграть время.

Деньги 3 р. 75 коп. завтра перевозжу по телеграфу в Полтаву.

Весь Ваш
В. Дорошенко.

Желал бы ошибаться в фальшивости Дмитріева, но думаю, увы, что и вы в ней когда либо убѣдитесь¹⁾.

28 марта Спб.

Улица Жуковского д. 31, кв. 1. (На конвертѣ 1904).

Великодушно простите, дорогой и многоуважаемый Афанасій Яковлевич, что я так безсовѣстно тревожил Вас по моему дѣлу. Я не знал как быть и что дѣлать, ибо мог пропустить срок обжалованья и тогда дѣло сейчас бы рѣшилось. Первое письмо Дмитріева пропало в редакціи, (гдѣ

¹⁾ В конвертѣ від цього листу П. Мирний вклав три папірці. На одному рукою Мирного переписано тексти телеграм, що ними обмінялися він і Горленко. „Прошу внести пошлины. Дмитрієв имѣет довѣренность. Письма не получал. Извѣстите. Горленко“. — „Пошлины внесу завтра. Извѣщу Дмитріева, Рудченко“.

На другому рукою канцеляриста: „5 марта 1904 г. состоялось опредѣленіе Окружного суда: отзывъ дворянина Василия Горленка оставить безъ движенія за непредставленіемъ 3 р. 75 к. судебныхъ пошлинъ, назначивъ просителю семидневный со дня объявленія срокъ на представленіе денегъ. Объявленіе (обіръвано початок слова)...ается“.

На третьому: По дѣлу Горленка засѣданіе въ Окружномъ судѣ назначено на 11 іюня с. г. Повѣстка будетъ послана послѣ праздника.

страшный кавардак), но второе, посланное по тому же адресу, дошло. Дошло оно когда я Вам уже послал телеграмму и перевод. Простите за то и другое! Все это было сдѣлано в интересах выигрыша времени. В суд прямо, как бы слѣдовало, я не рѣшился писать, т. к. в этих, поистинѣ чортовых учрежденіях, одно слово не по формѣ ведет к потерѣ всего дѣла, одна ненаклеенная, по незнанію, марка—все губит. 4 р. вмѣсто 3 р. 75 к. послалъ во избѣжаніе удлиненія телеграммы. Отдайте разницу первому бѣдному, кот. встрѣтите идя в Палату. Кончаю глубокой благодарностью и еще и еще прошу простить. Как нарочно все это было перед Праздниками, когда у Вас по службѣ множество дѣла. Я все это знал и все же нахальствовал! Но так утоплющій хватается за соломинку. В Полтаву, очевидно, мнѣ значит прійдется пріѣхать к 7 іюня, а до тѣх пор буду вести кое-какія махинаціи.

Очень благодарю за извѣщеніе.

Как это глупое досадное обстоятельство, так и газета, меня питающая, задержали в Петерб. до сих пор, в ущерб здоровью. Погода как нарочно скверная и я чувствую, как опять покалывает в боках. Весь больничный уход пошел на смарку. Из больницы я „выписался“ с небольшим двѣ недѣли назад. Покидал ее с большою грустью. Только там и было мнѣ покойно и хорошо. Но печально признаться, что жизнь сложилась так, что хорошо только в больницѣ?

Простите однако всѣ эти личные рассказы. Из не личных могу упомянуть о спектаклях малор. труппы. Забралась она Бог знает как далеко, что вліяет на сборы. Играет почти все прежнія пьесы или такія ужасныя „новости“, как „Мазепа“ и „Маруся Богуславка“—обѣ Старицкаго, т. е. лубок, шарж, аляповатость. Я опять писал о спектаклях труппы, воздавая должное Марьѣ Конст. и Кропивницкому. Остальная труппа плоха, Марьяненко совсѣм испортился, женщины слабы. 2-го апр. бенефис Заньк. Актеры говорили мнѣ, что кажется пойдет „Лемеривна“ Сборы средніе, успѣх Заньк.—значительный. Удивительно она еще сохраняется для молодых ролей.

Был я на годов. собр. изданія дешевых малор. книг. У этого общества 900 членов и книги могли бы недурно распространяться. К сожалѣнію до сих пор, издана по больш. части дребедень.

Образовался большой музыкальн. кружок—хор малороссов, с цѣлью очищенія отъ аранжировок народн. муз. и исполненія новых вещей. Это очень недурная мысль, если ее хорошо осуществить.

Лѣтом будет печататься книжка—сборник нѣкоторых моих статей из газет литературно-истор. содержанія. Не придавая значенія и не веселясь этому—(давно не веселюсь впрочем уж ничему), я все же пошел на эту удочку, т. к. нашлося лицо (просто книжник—кулак) берущійся издать.

Я думаю выѣхать из Спб. через 8—10 дней на мѣсяц, что ли, в Варшаву,—(некуда больше дѣться,—дома еще невозможно быть) а послѣ продвинусь к себѣ к 20 мая. Прошу передать глубочайшій привѣтъ мой Александрѣ Мих., дѣтям и простить меня за несносную надоѣдливость. Все злой рок заставляет меня надоѣдать всѣм! Всегда искренно Ваш В. Горленко.

10 мая с. Ярошовка (з конверта 1904 г.).

Съ 3 мая нахожусь в родных палестинахъ и хочу побесѣдовать с Вами давно, дорогой Афанасій Яковлевич. Изъ Петерб. так трудно вести правильную переписку. Я выбыл оттуда, по совѣту доктора, когда пошел ледъ по Невѣ и сдѣлалось холодно; пробыл 10 дней в Варшавѣ, три в Кіевѣ, один в Бѣлой Церкви (ужасно люблю Кіевск. губ. и увы! — не люблю самого Кіева) и наконец добрался сюда.

Вмѣсто чаемого тепла застал порядочный холод, постоянный вѣтер (вещь несносную послѣ плеврита). Пожалуй в Петерб. теперь теплѣе.

„Сезон“ этого года вышел для меня крайне неудачным. Болѣзнь, жида, вновь напавшіе на меня с своим украденным векселем... Были и другія непріятности. Против жидов еще малодушно ничего не предпринял... В сущности я безсилен и они с формальной стороны неуязвимы. Наднях подаю заявленіе прокурору (или товарищу), обращаюсь к прилуцкому равину и пишу статью (несмотря на все свое отвращеніе ко всякой публичности) в „Полт. Вѣд.“ Запросил Иваненка о согласіи напечатать. Не возмутительно ли, что должен тратить время и нервы на возню с такою гадостью.

Что Вы подѣлываете, как поживаете? Скоро мнѣ придется быть в Полтавѣ и видѣть Вас конечно лично. Но до тѣх пор хотѣлось бы знать кое что о Вас.

Здѣсь буду писать о Ваших книгах, кот. обѣ путешествовали со мной. Не пишете ли что новаго?

Я приготавливаю к отдачѣ издателю сборник кое-как выбранных статей из газет. Ужасно много возни с чисткою статей. Названіе книги „Отблески“ (замѣтки по словесности и искусству). Печатать книжку будутъ в іюнѣ, а в іюлѣ она и выйдет. Купил издатель нѣкій Евзлин в Петерб. хотя он именовал себя Петром Захаровичем, но на повѣрку, увы оказался іудеем.

О войнѣ нечего распространяться. Двух мнѣній о ней быть не может; несчастье и горе — вот все что можно сказать. В деревнѣ к ней странное отношеніе. Интересуются извѣстіями, читают дешевыя газеты, но введены ими в заблужденіе. Воображают, что японцы и в самом дѣлѣ напали так, без всякаго повода; относятся в серьез к пресловутому „миролюбию“.

Заньковецкая в свой бенефис в Петерб. ставила Вашу „Лемеривну“, свою излюбленную пьесу. Что если бы Вы передѣлали для нея и для сцены „Повію“. А кстати, что творится с этой особой?

Мой большой привѣтъ Александрѣ Мих. и чадам Вашим. Радуюсь мысли что скоро (мож. б. в концѣ мая или началѣ іюня) буду бесѣдовать с Вами. Конечно Вы остаетесь на лѣто в Полтавѣ? Напишите мнѣ, будьте добры, не задерживая письма. Всегда Вас любящій В. Горленко.

17 мая Ярошовка 1904.

Так как только послѣ 25—6 мая буду в Полтавѣ, то хочется еще перекинуться с Вами словечком, дорогой Афанасій Яковлевич! Конечно прежде всего объ „Голубахъ и Орлѣ, или орлах“ ¹⁾ Аллегорія остроумна и ядовита, но цензурна ли? Слишком легко вѣдь разгадать загадку. Во всяком случаѣ очень интересуется меня и я надѣюсь хоть немного познакомиться с ней в Вашем чтеніи. Если не у нас, то, во всяком случаѣ может пройти в Галиціи. Но мож. б. и у нас в печать проникнет. Дай Боже!

Мысль о „Повіѣ“ как драм. сочиненіи не так плоха и я лично надѣюсь еще бесѣдовать с Вами на эту тему. Несомнѣнно что малоросс. трупшы, кот. оч. много, вліяють на русское общество в смыслѣ ознакомленія с Малорос., лучше сказать даже напоминанія о ней. А интересных, живых и содержательных піес так мало. Почти всѣ писатели наши — повѣствователи. Подумайте только какой матерьял для Заньковецкой роль Повіи с ея постепенными переходами и паденіем. И какой реальный образ она из нее бы сдѣлала. Но я забываю, что роман еще не конченъ!

Подлый холодище кажется думает прекратиться. Но кромѣ тоски, кот. он нагнал на всѣх, повліял он страшно на хлѣба. Все сидит и не растетъ. Нѣтъ паши для скота. А не Вам мнѣ говорить, какое страшное уныніе распространяется сейчас в деревнях при таких условіях.

Завтра жду нѣкогого, „юристу завзятого“, чтобы посовѣтоваться с ним о самых рѣшительных мѣрах против жидов и начать дѣйствовать. До 11 іюня вѣдь так уже мало времени! Подумаешь какими розами усяяна моя жизнь, что надо возиться еще с такою мерзостью и отбиваться от того, к чему не причастен и духом. Иваненко не отвѣчает мнѣ, очевидно статьи помѣщать не желает. Кажется это подходит под ту подлѣйшую статью наших подлых законов, кот. именуется дифамачіей и кот. нарочно как будто создана для журналистов...

С „юристой“ своим буду вести самые серьезные разговоры об устройствѣ своих дѣл и быта, ибо то и другое, в настоящем своем видѣ, невыносимо.

К счастью что мой юрист (спеціальность ненавидимая мною) вмѣсто с тѣм серьезный коллекціонер и любитель искусств. Послѣ подлой юри-

¹⁾ Між рукописами П. Мирного є незакінчена річ під назвою: „Кумедія в голубиному царстві“ і варіант до її початку, що зветься „Казка про голуб'яче царство“. Зміст „Кумедії“ такий: в голубиному царстві царює Орел; він сидить у золотій клітці і має зносини з підданими лиш через радників—голубів, що їх обрали всі голуби. Вороги нападають на голубине царство. Голуби випускають Орла для боротьби з ними. Після перемоги над ворогами Орел одмовляється вернутись у клітку, запрошує туди радників ніби для наради, замикає клітку і наводить ціле військо таких-же хижаків, як сам: кібців, шупльік, соколів. Ті насамперед карають на смерть радників, що мали намір скинути Орла з царювання; потім розміщуються по голубиних гніздах, поїдають все, що в їх єсть, стають до бою з голубами із-за голубих і голубівен; один з кібців удає з себе приятеля і переносить потім Орлові всі бунтарські настрої голубів: намір скликати „Юрну раду“ і т. инше. Уривається рукопис на тому, що Орел вирішив скасувати раду голубину і правити необмежено.

дистики, мы отведем душу на бесѣдѣ о божественных, священных искусствах. Ах, что бы жизнь была без них?

Глубокій привѣтъ Александрѣ Мих. и милѣйшим „хуторянам“ (?) Но хуторяне, вообще, народ—тихій и смирный, а Ваши.... Но умолкаю!

Весь Ваш В. Горленко.

5 сент.

Ярошовка.

Давно не бесѣдовал с Вами, дорогой Афанасій Яковлевич. Пользуюсь случаем чтобы сдѣлать это сегодня. О „случаѣ“ скажу ниже, а сначала нѣсколько слов о том и сем и прочем.

Как поживаете прежде всего, Вы и Ваши всѣ? Здоровы ли, благополучны ли, перешли ли уже в учебный и зимній сезон, все ли юношество прикоснется уже къ источнику официальной науки?

Что подѣлываете Вы лично, что пишете. Знаю только что вышел в печати Ваш отрывок из „Гайаваты“. Что касается до той вещи, что Вы читали мнѣ, то при превосходном языкѣ, умѣ и выдержанности аллегоріи, она, — говорю откровенно, показалась мнѣ слишком широко взятой а потому утомительной. Аллегорія выносима только короткая, иначе она начинает томигъ своей туманностью и иносказаніем, А в тѣх размѣрах как Вы предположили какого объема должна была быть эта вещь? Простите дерзостное мнѣніе убѣжденного поклонника Вашего дарованія. Слушая чтеніе, я любовался счастливыми сравненіями и сопоставленіями, но скучал без образов, жизни и лиц. Слушал ли ктонибудь другой эту вещь? Я боюсь, что выражаю слишком субъективное мнѣніе. По своей нелѣпой натурѣ, я не выношу ничего отвлеченнаго. Я пожалѣл, что столько дарованія потрачено на вещь тяжелую, кот. едва ли можно довести до конца. Простите всѣ эти откровенности, доходящія до дерзости. У этой неудачно задуманной вещи столько все таки достоинств, что они позволяют мнѣ быть откровенным.

Вѣроятно за это время Вы брались и за что либо другое. Что именно? Как идет печатанье Ваших сочиненій?

Я все лѣто, послѣ Полтавы, был в Ярошовкѣ. Из Полтавы с Кричевским, на день заѣзжал в Шишаки. Прелестное мѣсто и интересный, еще старосвѣтскій до извѣстной степени, уголок, несмотря на появленіе новой зоологической породы г. „дачников“, хотѣл ѣхать вторично лѣтом на Псел, но многія дѣла и немощи помѣшали.

Теперь, наднях, собираюсь ѣхать в Крым, ибо леченіе оказывается настоятельно необходимо. Выѣду числа 10 сент., пробуду там мѣсяц. Послѣ того вернусь домой, а в первых числах ноября — отправлюсь в Петербург.

У меня сдана издателю книжка, гдѣ есть статьи, касающ. Малоросіи. Предполагалось, что будет печататься лѣтом. Но издатель обманул и не печатает до сих пор, не взирая на мои понуканія.

Вы м. б. слышали от Н. А. Дмитріева или Кричевскаго о любезном их посѣщеніи моего угла. К несчастью мнѣ нельзя было их везти в Ле-

бедняк, для осмотра „будынка“, ибо Лебедянец отстоит от меня в 45 верст. отвратительнѣйшаго сообщенія.

Поморщились — поморщились они и должны были удовольствоваться только мной, т. к. учтивость не позволяла же сказать им, что их интересовал вовсе не я, а „будынок“! Мы провели время в бесѣдах, для меня весьма пріятных.

Теперь, наднях буду ѣхать на Полтаву, но не останавлиюсь в ней, т. к. страшно запоздал, едва — едва могу захватить только клочек лечебнаго сезона,

Перехожу к „случаю“ и становлюсь сразу нахалом, отражая впрочем чужое лишь нахальство. Наднях явился ко мнѣ наш священник, с сыном и стал молить меня обратиться к Вашему содѣйствію для опредѣленія его сына в Полт. Казенную Палату. Молод. человек Виктор Петровскій окончил недурно Полтавскую семинарію и сейчас же, не желая идти в попы, опредѣлился вольноопредѣляющимся в Брянскій полк, стоявшій в Кременчугѣ. На несчастье его разразилась война и его погнали в Манчжурію.

Продолжалась его боевая карьера три мѣсяца. Там он заболѣл и благодаря снисход. доктора, отпущен на волю с чином прапорщика запаса. Возможно ли поступленіе его в Палату на общих основаніях? Если возможно и если о содѣйствіи Вашем можно просить, то окажите его! Если все это почему либо неудобно или непріятно, то прошу сказать мнѣ без стѣсненія, чтоб юноша и не ѣхал в Полтаву (он хотѣл ѣхать и явиться к Вам в Палату, с моей карточкой). Простите сію просьбу.

Мой глубокій поклон Алекс. Мих. и поцѣлуй юношам.

Искренно Весь Ваш В. Горленко.

9 сент. Ярошовка (з конверта 1904 рік).

Усердно благодарю Вас, дорогой Афанасій Яковлевич, за исполненіе просьбы и доброе вниманіе Ваше. Все сообщенное Вами сообщено Виктору Петровскому, на все согласному, пришедшаго в восторг и безконечно Вам благодарному. Наднях он появится в Полтавѣ, подаст прошеніе и вступит в среду „писателей“! Я убѣжден, что он будет стараться елико возможно в собственных интересах. Отец скупъ, но по обычаю духовных мужей „обременен семейством“ — (что-то девять или десять, не считая умерших; как не вспомнить знаменитаго отвѣта одного попа на замѣчаніе о многочисленности его чад: „это единственное наше развлеченіе!...“) и сам он, Виктор Петровскій за счастье почитает получить форму и чин... Старателен он будет несомнѣнно. Сам он по себѣ — попович — как всѣ они, или большинство. Большой театрал, недурно играет в любительских спектаклях, преимущественно малороссійских. Попади на сцену, в руки опытнаго учителя, как Кропивницкій, или Тобилович, скоро сдѣлался бы весьма недурною „полезностью“, во вкусѣ Чичорскаго, Карпенка и Ко. Все это отнюдь не ставлю ему в вину, — напротив! — Это навѣрное то, что есть

в нем лучшаго.—Приношу еще раз Вам глубочайшую благодарность, надѣясь, что дѣло это не затруднило Вас, не поставило в положеніе „просителя“, т. к. не выходит из общих рамок. Но нѣтъ сомнѣнія конечно, что без Вашего содѣйствія никогда бы не попал Петровск. в Палату.

Я все еще не выѣхал и колеблюсь. Смѣшно сказать—пугает переезд! Дѣло в том, что бока мои проявляют ужасную чувствительность. Во время недавняго, звѣрскаго холода (чаша сія нынѣ временно минула нас) мнѣ сдѣлалось совсѣм плохо. О подлый Петербург, милым наслѣдіем наградил он меня!

Я положительно рѣшил не проводить в нем зиму. Уѣду или заграницу (если оставлю за собой газетную работу), или поселюсь в каком нибудь пунктѣ нашего юга. Иногда приходит мысль о... Миргородѣ, кот. я так любил прежде. О если бы он был таким, как был когда то! Желдор. внесла в него много пошлаго. Но она поставила его в необ. выгодное положеніе между Полт. и Кіевом—и в 5—6 часов от меня! Не знаю возможно ли нанять там удобную квартиру, но перевезя свои вещи,—для субъекта как я, весьма разочарованнаго во всем и во вся—там почти достижимо то, что таким усталым душевно субъектам всего болѣе любезно—спокойствіе....

Буду очень счастлив увидѣться с Вами и Вашими, если попаду в Полтаву. В послѣдній раз, в іюнѣ, я был в таком скверном, т. е. болѣзненно-душевном настроеніи, что вѣроятно произвел на Вас самое непріятное впечатлѣніе (сам себѣ был глубоко противен). По добротѣ Вашей Вы извинили меня. Извинили и за все, что я в прошлом письмѣ наболтал об аллегоріях. Но чтож мнѣ дѣлать, если я не сторонник этого литератур. рода. И „Путешествіе Гуливера“ томит меня и даже „Кандид“ Вольтера! Да здравствует реализм в искусствѣ!

На этом возгласѣ кончаю посланіе, прося передать привѣтъ Александрѣ Мих., милому Витѣ и буйной остальной компаніи (ах, боюсь я ее!).

Искренно любящій Вас В. Горленко.

с. Ярошовка 11 мая. Либ. Ром. ж. - д. ст. Рубанка (Дмитровка).
(з конверта 1905 рік).

За мной числятся кажется большіе недоимки по перепискѣ с Вами, дорогой Афанасій Яковлевич, а милостиваго манифеста за это время как будто не появлялось. Поэтому, приѣхав восвояси, спѣшу раздѣлаться с недоимкой, очень желая, сверх того, имѣть вѣсти от Вас. Незадолго до отъѣзда из Петерб. ко мнѣ заходил Иван Яковлев. и кое что передавал о Вас устно. Самое пріятное из этого было то, что, по его словам, Вы отлично выглядите. Таким образом, дающее такой труд ногам, ваше полтавское Монрепо имѣет, значит, и свои хорошія стороны¹⁾. Да почіет за сіе на нем благословеніе Божіе.

¹⁾ „Дача Рудченка“ находится в передмісті Полтавському, Кобищанах, дуже далеко від Казенної Палати.

Доѣхал я из Петерб. с быстротой, до сих пор небывалой, по новой дорогѣ, на Витебск и Жлобин, всего в пути что-то 30 часов. Разумѣется вездѣ, в другой странѣ, этот путь был бы сдѣлан в сутки. Но и за такую благодать нельзя не благодарить судьбу.

Теперь я застреваю в наших краях до ноября. Без сомнѣнія буду в это время в Полтавѣ, значит и у Вас. Столько событій и фактов совершилось за это время, что есть о чем переговорить! Во время самага усиленнаго біенія пульса я жил в Петерб. и совершенно не знаю как все это переживалось в провинціи и в частности у нас. Очень хочется видѣть и знать. Но здѣсь пока ничего не вижу, ибо сижу в хуторѣ и в четырех своих стѣнах.

Усиленно добивался выхода при себѣ в Петерб. книжки своей „Отблески“, да так и не дождался. Она выйдет наднях, уже без меня. Как только мнѣ ее пришлют, вышлю ее Вам, в Казен. Палату. В ней собрано 28 статей из сотен (буквально), написанных мною в „Н. Вр.“ за семь лѣт работы. На эту работу я был вынужден обстоятельствами. Сколько нареканій, клевет претерпѣл я за нее! Между тѣм я не написал ни одной строчки, противной моим убѣжденіям и нечестной. Дѣло идет о том, гдѣ я пишу. Как смотрѣть на это, скажите прямо? Я наканунѣ очень опредѣленных рѣшеній.

Нападал на меня за это между прочим и Н. А. Дмитріев. Не пойму я его! Я оцѣнил вполнѣ его энергію, преданность дѣлу и прочее, рад был отнестись к нему вполнѣ душевно и он, повидимому, стал ко мнѣ относиться так же. Перед отѣздом из Петерб. вижу доктора Пелехина, стараго и очень почтеннаго человѣка, кот. не говорит неправды. Оказывается, что, во время своего пріѣзда в Петерб., видѣвшись с Пелехиным, в первый раз, Н. А. (котор. бывал в то время у меня и казался расположенным ко мнѣ) ругал ему меня. О малороссійская хитрость и провинціальная озлобленность, гдѣ тебѣ предѣл! Это не помѣшает впрочем мнѣ уважать Н. А. за его хорошія качества.

Что Вы подѣлываете, не тяготит ли Вас Петровскій, как он живет в Полтавѣ. Глубокій мой привѣтъ прошу передать Алекс. Мих. и поцѣловать юношей. Искренно любящій Вас

В. Горленко.

11 іюня (з конверта 1905 рік).

Мнѣ стыдно и больно писать Вам, дорогой Афанасій Яковлевич, но не могу и молчать. Вы уже знаете, конечно, что я был в Полтавѣ (от утра одного дня до вечера другого)—и не мог быть у Вас! Я был все по тому же несносному судебному дѣлу с жидом, не отдавшим мнѣ (тринадцать лѣт назад) мой вексель и теперь взыскивающ. с меня (передав его другому жида) вторично. Пока я толкался в судѣ да у юристов, время умчалось, а вечером шел сильнѣйшій дождь. На другой день я так был разстроен всей судебной гадостью, что единственная моя мысль была бѣжать скорѣе из Полтавы и я убѣжал!

Конечно, живя в городѣ, такого казуса не могло бы случиться... Во всяком случаѣ скорбѣл и скорблю, что не видѣл Вас и мало имѣю оправданій. Главное из них то, что я положительнѣйшим образом страдаю нервнѣйшей, если не нервным расстройством, едва ли могу отвѣчать за свои поступки и нуждаюсь в снисхожденіи.

Не теряю надежды Вас видѣть этим лѣтом (не будете ли в Ромнах, в казначействѣ?) А пока что на этих днях, посылаю Вам свою книжку, наконец вышедшую. Книжка случайная, статьи всѣ так сказ. „подневольныя“, писанныя для газеты и для заработка. Из множества их выбрано штук болѣе 20 таких, кот., казалось, могут еще прочесться. Не знаю так ли это и не могу судить сам. Посылаю же Вам за неимѣніем ничего другого лучшаго.

Противный Петербург меня совсѣм распатал и теперь не знаю прійду ли когда нибудь в себя. Мѣсяц что я здѣсь не могу ни за что приняться, ни за какое дѣло и страшно, как никогда скучаю. Работа всегда прежде отвлекала и утѣшала меня, но теперь, сколько не пробовал, не могу работать, т. е. писать.

Я обзавелся новыми газетами, крайними петербургскими, такой же кievской (Отклики) и скромной „Полтавщиной“.

13 іюня. Письмо случайно было отложено и в это время пріѣхал погостить ко мнѣ Кричевскій и оживил мою грустную обитель. В одной из комнат устроена выставка его рисунков и проэктв и мы утопаем в чистѣйшем малороссійском стилѣ. В селѣ в настоящее время происходит сѣнокос, а против меня на толчке ярмарка (9 пятница).

Из бесѣды с Крич. выясняется, что кажется я буду в Полт. в концѣ іюля. Конечно брошусь к Вам, минуя суды и прочее.

Книжку мою посылаю разом с этим. Не судите строго, очень интересуюсь Вашей новой вещью. То ли это, отрывок что Вы мнѣ читали или нѣчто новое? Низко кланяюсь глубокоуважаемой Алекс. Мих. и привѣтствую удалое казачество.

Что Вы подѣлываете лѣтом?

Искренно любящій Вас В. Горленко.

8 авг. Ярошовка (з конверта 1905).

Дорогой Афанасій Яковлевич!

Я ѣду в Екатеринослав в субботу, 13-го авг., письмом вашим весьма взволнован, совершенно не согласен (при всей любви и уваженіи моем к Вам) с доводами этого письма и спѣшу отвѣтить.

Раз европейскіе ученые (ни какой страны) на съѣзд не приглашены — (а сдѣлано это не ради устраненія галицких ученых, а ради стыда перед Европой за свое положеніе и нелѣпаго предположенія скрыть это положеніе между прочим и таким путем) — слѣдоват. галицкіе уч. в это число попали лишь за одно. Слѣдов. это не направлено к их устраненію и срывать из-за этого в высшей степени желательный, полезный

и единственный по своим условиям съезд было бы делом почти преступным.

Я был на трех археологических съездах и знаю несколько работы и предшествующих (самое название „археол. съезд“ — нелѣпый анахронизм. Давно эти съезды занимаются столько же, если не много болѣе исторіей чѣм археологіей).

Никогда на русских арх. съездах европейскіе ученые не играли замѣтной роли и почти никогда (кромѣ раб. Вирхова на Тифл. съездѣ и еще двух-трех) не дали ничего цѣннаго, касающагося территоріи Европ. Россіи (т. е. Малороссіи), кот. они не знают и гдѣ они не работали.

Разумѣется я был бы рад и счастлив чтобы галицкіе ученые читали свои рефераты и доклады, а тѣм болѣе по малорусски. Но если, по общим и чисто внѣшним причинам их не будет, то зачѣм разгонять съезд, кот. мож. б. очень полезен для изученія прошлаго Малороссіи и великаго, во многом еще загадочнаго Запорожья? Т. к. сѣверных ученых едва ли много явится в далекій и не университетскій Екатеринослав, то можно надѣяться, что большинство докладов в Екатеринославѣ будет относиться к исторіи юга. Можно ли назвать появленіе таких докладов „забавой, игрой“? Предположено выдвинуть нѣсколько совсѣм новых тем изслѣдованія, как напр. старомалор. архитектура и стиль и нѣкот. другія. Организуется интереснѣйшая выставка южно-русс. старины, таких предметов и коллекцій, кот. не были и не будут выставлены в других мѣстах ¹⁾. Поѣздки на мѣста запорожск. Сѣчей цѣлою большою, все же не невѣжественною компаніей — когда могут повториться? (Самый остров Хортиця размывается теперь Днѣпром). Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ — срывать съезд могут только присяжные повѣренные, но не ученые.

Я вообще не сторонник смѣшенія науки и искусства с политикой. У науки и искусства — свои, болѣе сильные и иные средства борьбы. Вѣрьте мнѣ что хорошія новыя историческія работы, яркая выставка своеобразности и талантливости болѣе сдѣлают пользы дѣлу, в концѣ концов, чем срываніе и протесты (в данном случаѣ неизвѣстно и против чего).

Обоснованныя, глубокія научныя изысканія, сильныя произведенія искусства оставляют большіе и болѣе прочные слѣды, чѣм манифестаціи. Сильный, рельефный оттѣнок съезда, популяризація всего этого, распространеніе симпатій ко всему малорос., сдѣлают больше, чѣм запальчивые протесты.

Новая Ваша повѣсть, дорогой и глубокоуважаемый, новая пьеса, успѣх того и другого в чтеніи и на сценѣ сослужат дѣлу лучшую службу, чѣм адвокатскіе „отзѣвы“ и „апелляціи“.

Я конечно не буду дѣйствовать против тѣх, кто захочет протестовать, но не буду и с ними.

Говорю все искренно, как уважаю Вас.

Мой привѣтъ всѣм Вашим. Любящій Вас Горленко.

¹⁾ Я отправил уже нѣсколько вещей. Кое что из них поступит в Екатеринослав. музей в даръ. Для моего портрета Мазепы вырѣзана специальная рама, по рисунку сочинен. Кричевским вмѣстѣ со мною. При невзгодах моих, я все жетрачу на нее 30 рублей.

23 декаб. Петерб. Литейная д. 35, кв. 8. (з конверта 1905).

Дорогой Афанасій Яковлевич! Давно хотѣл написать Вам, всему мѣшали почтовые и желѣзно-дорожныя забастовки. Отвѣчаю на письмо Ваше, вчера полученное. Конечно я готов примкнуть к „Рідному Краю“. Предварительно прошу Вас разрѣшить мнѣ нѣсколько вопросов.

1) Вчера в телеграммах было сообщено о возмутительном фактѣ невыдачи Киевск. генер. губернатор. разрѣшенія на изданіе малорос. газеты и журнала в Киевѣ. Имѣет ли уже такое разрѣшеніе Маркевич, будет ли дѣйствительно выходить „Рідний Кр.“ и с какого времени?

2) Если это дѣло осуществимое, то посоветуйте мнѣ, ради Бога, какого рода статьи или статью мог бы я ему дать? Вы знаете круг моих занятій и работ. Дайте мнѣ просто нѣсколько (не оч. сложных) тем на выбор. Я отбился от нашей публики, — да и не знаю, какова она будет у газеты (боюсь, чтобы не была исключительно своя, кружковая). Думаю, что в виду загадочности и народа теперешняго и общества, газета должна наиболѣе гоняться за фактическим матерьялом, взятым из жизни, кот. освѣщал бы и то и другое.

Вообще я — изломанный, искалѣченный, „понівечений“ плод исторіи, обломок дворянства, с нѣкот. сносными, но и со многими несносными его сторонами. Я трагически сознаю все это, но не могу уже перемѣниться. В Петербургѣ я тоже люблю болѣе тонкое, болѣе рѣдкое. А для популярной литературы надо здоровое, простое... Но все же попытаться постараюсь. Только, как быть с языком? Кто же переведет статью? Ваше время слишком дорого, и, по совѣсти нельзя и думать об этом. А Маркевич — не писатель.

Дайте ж мнѣ темы, попытаюсь написать что либо.

Я предпочел бы, чтобы газету Шабленка, до ея выхода, постигла судьба Киевских изданій. Надо быть дураком или предателем, чтобы с перваго же абцуга, выступать с соціально-революціон. малороссійск. органом в то время, когда является лишь первая возможность культ. дѣятельности, когда надо создать еще и читателей, когда надо приучить к себѣ общество, узнать и воспитать еще эго общество! Слухи, до Вас дошедш. совершенно вѣрны. Большинство Петерб. украинцев — поверхностные и скороспѣлые революціонеры того тона, кот. теперь обнаружился. Для культуры, печати и литературы от таких людей не ждать пользы.

Я виноват перед Вами относительно „Іоанны Д'Арк“. В изданіях Суворина ея нѣт, есть только перев. „Маріи Стюарт“ Шишкова. Я разыщу „Іоанну“ в друг. издан. и вышлю Вам на этих днях.

Ужасно жалѣю милаго Витю, которому совѣм бы не слѣдовало хворать, да еще и долго. Не просто ли причина здѣсь его рост? Как теперь его здоровье?

Алекс. Мих. Кулиш писала мнѣ, что в Киевѣ был большой съѣзд украинцев. Что выработал, Вы вѣроятно слышали от бывших там Полтавцев?

Живу я грустно и скверно. Газеты, хоть в руки не бери, такіе в них все ужасы — такіе тревожныя извѣстія! Из дому, с самого отъѣзда сюда, не имѣю ни слова извѣстія (не смотря на множество своих писем). Не знаю, что и думать! Привѣтствую Вас и Александру Мих. в близком новгородѣм с желаніем всего добраго. Как доходят до Вас письма на праздниках, когда Вы не ходите в Палату? Отзовитесь ко мнѣ, искренно любящему Вас всегда

Вашъ искренно любящій Васъ В. Горленко.

R É S U M E.

Ayant pour but de caractériser les savants et les artistes célèbres ukraïniens, le Musée mémoratif de l'Académie des Sciences d'Ukraine collectionne les matériaux mémoratifs de toute sorte: l'iconographie de ces personnes éminentes, les objets dont elles se sont servies et dont elles ont été entourées, les produits de leur oeuvre (art et science), manuscrits et imprimés.

Parmi les manuscrits c'est la correspondance de ces personnes, qui attire la plus grande attention du Musée.

Dans cette publication le Musée présente les lettres de Basile Horlenko, ethnographe ukraïzien et un critique célèbre des ouvrages littéraires et artistiques, qui se distinguait des qualités exceptionnelles du goût et de finesse, à un des plus remarquables écrivains ukraïniens du XIX siècle Panas Myrny (le vrai nom — Athanase Roudtchenko).

Ces lettres sont un vrai spécimen du style épistolaire et en même temps elles reflètent toute la vie de deux correspondants et toute leur oeuvre; elles font voir aussi la part qu'avait pris Horlenko dans le mouvement ukraïzien pendant la période de 1883 à 1905.

C'est en s'appuyant sur ces lettres que nous essayons dans l'article qui les préface de caractériser B. Horlenko, de reconstruire sa biographie et de répondre à la question suivante: pourquoi est-ce que Horlenko, un ukraïzien d'origine, qui habitait toute sa vie un petit domaine au département de Poltava non loin de la ville Prylouka, un collaborateur assidu et diligent de „Kyïvskaja Staryna“ dès le moment de sa fondation (il y a publié 71 articles), l'ami personnel de toutes les personnes éminentes parmi les ukraïniens de cette période de 1883 à 1905, devient-il vers la fin de sa vie (1899 — 1907) un collaborateur de „Novojé Vremia“ à Pétersbourg, le journal réactionnaire, ennemi de toute liberté et liberté nationale avant tout.

Ces lettres démontrent que Horlenko a été poussé à la collaboration dans le „Novojé Vremia“ par le besoin pressant d'argent, car il était abimé de dettes, qui pesaient sur son domaine, hérité par lui de ses parents.

Solitaire, célibat, sans expérience aucune dans les affaires du ménage, il ne savait se débarrasser de ses dettes et fut obligé de partir à Pétersbourg pour y gagner de l'argent par le travail d'un journaliste. Il l'a trouvé seulement à „Novojé Vremia“. A son regret il ne pouvait pas devenir comme il le voulait le collaborateur du journal progressif de la Russie d'a-

lors „Rousskyé Viedomosti“. Cependant Horlenko n'écrivit que dans la rubrique des comptes-rendus des oeuvres littéraires et de la critique des oeuvres d'art, a fait beaucoup de traductions des oeuvres françaises et jamais, selon ses propres paroles dans une des lettres à Myrny, il n'avait pas écrit une ligne contraire à ses principes.

Il est à constater que d'autres motifs encore avaient contribué à ce que Horlenko écrivit en russe et quitta l'Ukraine vers la fin de sa vie.

1. C'est l'influence de Kostomarov, qui écrivait en russe et s'opposait à toute démonstration nationale, que Horlenko a subi en revenant de la France vers 1880.

2. C'est le décret impérial de 1876, qui interdisait tous les articles et les traités originaux ukrainiens, toutes les traductions en ukrainien — c'est à dire tout ce que savait et voulait faire le jeune Horlenko.

3. Et enfin la situation générale du mouvement ukrainien: la censure trop sévère du régime impérial ne permettait pas aux auteurs ukrainiens d'écrire et de publier ce qu'ils voulaient dire à ses lecteurs; les conditions générales politiques ne donnaient aucune possibilité de créer un lecteur développé ukrainien qui pourrait comprendre et goûter la manière fine des écrits excellents de Horlenko. Il était un écrivain professionnel pouvant gagner de l'argent exclusivement de sa plume. Il était obligé de le chercher au delà de sa patrie.

Cependant il souffrait beaucoup lui-même de sa fausse position quant à ses amis ukrainiens les dernières années de sa vie, quand sa collaboration dans le „Novojé Vremia“, pendant la période de 1903 — 1905 (les années qui précédaient la révolution de 1905 et celles de cette révolution) devenait de plus en plus désagréable.

Il détestait Pétersbourg à cause de son climat, y était perpétuellement malade et mourut solitaire en 1907.

З М І С Т.

	Стор.
Переднє слово	1— 2
Євгенія Рудинська. — Василь Горленко	3— 17
Листи В. Горленка до Опанаса Рудченка (Панаса Мирного) 1883—1905	18—104
Résumé	105—106

Ілюстрації.

1. В. Горленко та М. Заньковецька у 90-х р. р.
 2. В. Горленко, його мати та сестри на початку 70-х р. р.
 3. С. Ярошівка. Будиночок Горленків.
 4. Панас Мирний з дружиною своєю Олександрєю Михайлівною (Шейдеман) р. 1889.
 5. В. Горленко в Ярошівському садку.
 6. В. Горленко студентом Сорбонни. Останній фотознімок з Горленка в Криму р. 1906.
-

TABLE DES MATIERES.

	Cron.
Préface	1— 2
Eugénie Roudynsky. — Basile Horlenko	3— 17
Lettres de Basile Horlenko à Panas Roudtchenko (Panas Myrny) 1883 — 1905)	18—104
Résumé	105—106

Illustrations.

1. B. Horlenko et Marie Zankowetzka.
 2. B. Horlenko, sa mère et ses soeurs.
 3. La vue générale du v. Iarochivka et la maison qu'habitait B. Horlenko.
 4. Panas Myrny et sa femme.
 5. B. Horlenko au jardin d'Iarochivka.
 6. B. Horlenko — étudiant. B. Horlenko en 1906.
-

- № 16 — акад. П. Тютнівський. Бібліографія українського мапознавства (1924) — 50 к.
- № 17 — проф. Хв. Тітов. Історія книжної справи на Україні (із 221 знімком) (1924) — 10 крб.
- № 18 — проф. Є. Тимченко. Локатив в українській мові (1925) — (вичерпано).
- № 19 — акад. А. Кримський та М. Левченко. Знадоба для життєпасу Ст. Руданського (з 4-ма мал. та вступною промовою акад. С. Єфремова) (1926) — 3 крб. 25 коп.
- № 20 — проф. Хв. Тітов. Стара вища освіта в київській Україні (із 180 мал.) (1924).
- № 21 — О. Нурило. Особливості говірки села Хоробричів (1924) — 60 коп.
- № 22 — проф. М. Марновський. Як утворивсь роман «Хіба ревуть воли як ясла повні?» (вичерпано).
- № 23 — Л. Шульгина. Пасічництво (етнол.) (1925) — 40 к.
- [№ 24] — Російсько-український словник. Т. I-й, під головним редагуванням акад. А. Кримського (1924) — 2 крб. 50 к. Т. II-й (друк.). Т. III-й вип. 1-й — 1 крб. 60 коп. (1927), вип. 2-й — 1 крб. 50 к. (1928).
- [№ 25] — акад. Д. Багалій. Мандрований філософ Г. Сковорода (1926) — 4 крб.
- [№ 26] — Наук. збірник Істор. Секції за р. 1924 — 3 крб. 40 к.; за р. 1925 — 3 крб. 50 к.
- [№ 27] — а) Н. Грушевська. З примітивної культури (1924) — 2 крб. 50 к.; — б) Первісне громадянство та його пережитки на Україні (1926) — 2 крб. 70 коп.
- [№ 28] — Шевченко та його доба. 1-й Збірник (1925) — 1 крб. 75 к.; 2-й Збірник (1926) — 2 крб. 70 коп.
- № 29 — Див. № 13. I. Програми до збирання оповідань, казок і пісень (1925) — 5 коп.
- № 30 — акад. С. Єфремов. Поет і плантатор (1925) — 20 к.
- № 31 — проф. В. Данилевич. Археологічна минувшина Київщини (з 5 таблицями малюнків та 9 мапами). 1925 — 1 крб. 25 коп.
- № 32 — проф. Є. Тимченко. Номінатив і датив (1925) — 75 коп.
- № 33 — акад. В. Перетц. Слово о Полку Ігоревім (1926) — 4 крб. 25 коп.
- № 34 — проф. Є. Нагаров. Нарис історії етнографії, I (1926) — 75 коп.
- № 35 — Археол. досліді 1925 р., з мал. (трипільської культури) (1926) — 2 крб. 25 к.; за 1926 р. з мал. й табл. (1927) — 2 крб. 75 к.
- [№ 36] — акад. М. Грушевський. Історія української літератури, т. IV (1926) — 6 крб.; т. V (1926-1927) — 6 крб.
- № 37 — Декабристи на Україні, Збірник Комісії для дослідів громадських течій на Україні за ред. акад. С. Єфремова та В. Мінявського (1926) — 3 крб.
- № 38 — проф. В. Нордт. Подорожні по Східній Європі до 1700 р. (1926) — 2 крб. 25 к.
- № 39 — Вад. Модзалевський. Гути на Україні (1926) — 2 крб. 25 коп.
- № 40 — Трипільська культура. Збірник I (з малюнками) (1926) — 3 крб. 25 к.
- № 41 — Російсько-український словник правничої мови, під головним редагуванням академіка А. Кримського (1926) — 4 крб.
- № 42 — Літопис Величка, т. I (1926) — 3 крб. 25 к.
- № 43 — Український Археографічний Збірник, ред. акад. М. Грушевський, т. I (1926) — 3 крб. 75 коп.; т. II (1927) — 4 крб. 50 к.
- № 44 — проф. М. Марновський. Енеїда Котляревського (1927) — 1 крб. 50 коп.
- № 45 — проф. Є. Тимченко. Вокатив і інструменталь (1926) — 1 крб. 40 к.
- № 46 — Історично-Географічний Збірник, ред. проф. Ол. Грушевський, т. I (1927) — 1 крб. 75 к.; т. II (друк.).
- № 47 — Кл. Квітня. Пісні про дівчину-втікачку (1926) — 50 коп.
- № 48 — проф. П. Бузу. Нарис історії української мови (1927) — 1 крб. 35 к.
- [№ 49] — Щоденник Т. Г. Шевченка, за ред. акад. С. Єфремова (1927) — 5 крб. 25 к.
- № 50 — проф. Г. Павлуцький. Історія українського орнаменту (з 11 табл.) (1927) — 2 крб. 25 к.
- № 51 — Ювілейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія. Ред. акад. А. Кримський (1927) — 15 крб.
- № 52 — М. Возник. Листування Ів. Франка з М. Драгомановим (закінч. друк.).
- № 53 — Збірник: П. Куліш. Ред. акад. С. Єфремов (1927) — 2 крб. 50 коп.

- № 54 — Проф. М. Грунський. Київські глаголицькі листи і Фрейзінгенські уривки, з знімками (1928).
- № 55 — М. Левченко. З поля фольклористики та етнографії, вип. 1 (1927) — 1 крб.; вип. 2 (1928) — 50 коп.
- [№ 56] — Українські думи (корпус), т. I, з вступною статтю Н. Грушевської (1928) — 6 крб. 50 к.
- № 57 — акад. Аг. Кримський. Розвідки, статті, замітки. I (1928) — 4 крб.
- № 58 — проф. В. Сиповський. Україна в російськ. письменстві. Ч. I (1801-1850). (1928). — 5 крб. 50 к.
- № 59 — К. Квітка. Українські пісні про дітозгубницю (1928) — 1 крб.
- № 60 — Євгенія Рудинська. Листи В. Горленка (1928). — 1 крб. 50 коп.
- [№ 61] — Збірник: За сто літ, ред. акад. М. Грушевський I (1927) — 4 крб. 50 к.
- № 62 — Акад. Д. Багалій. Автобіографія (1927) — 1 крб. 75 коп.
- № 63 — проф. В. Розов: Українські грамоти XIV—XV в., т. I (1928) — 6 крб.
- № 64 — Збірник Діалектологічної Комісії під головуванням акад. А. Кримського, кн. I (1928) — 3 крб.
- № 65 — Український Архів, I (друк.).
- [№ 66]. — Б. Грінченко. Словник, 3-є доп. вид., 5 тт., редактори акад. С. Єфремов і А. Ніновський (1928).
- № 67 — проф. Є. Тимченко. Акюзатив (1928). — 1 крб. 50 коп.
- № 68 — М. Левченко. Казки та оповідання з Поділля в записах 1850-1860 рр. (друк.).
- № 69 — проф. Л. Беркут. Етюди з джерелознавства середньої історії (1928) — 2 крб. 25 к.
- [№ 70] — проф. Т. Кезма. Граматика арабської мови (1928).
- № 71 — акад. Аг. Кримський. Звинородщина з діалектично-етнографічного погляду (друк.).
- [№ 72] — акад. Д. Багалій. Історія України, т. I (друк.).
- № 73 — Археографічний Збірник Жидівської Історичної Комісії, під головуванням акад. Аг. Кримського, I (друк.).
- № 74 — Збірник Ленінградського при У.А.Н. Товариства за ред. акад. Вол. Перетца (закінч. друк.).
- № 75 — проф. П. Смірнов. Варязький шлях і стародавні руси (друк.).
- № 76 — Юбілейний Збірник на пошану акад. М. С. Грушевського, т. I. (1928).
- № 77 — С. Богуславський. Повідання про кн. Бориса та Гліба (Розвідка й тексти) (друк.).
- № 78 — Акад. П. Лавров. Кирило та Методій в слов'янському письменстві (друк.).
- № 79 — О. Нурило. Спроба пояснити процес зміни о, е в нових закритих складах (друк.).

Державні установи та товариства, котрі вдаються безпосередньо до Академії Наук (Київ, вул. Короленка [кол. Володимирська] 54, тел. 14-26), мають на академічних виданнях 85% знижки. Інший склад видань — «Книгоспілка», Київ, вул. Короленка № 46 та Д.В.У. (Видання під №№ 1, 8, 24—28, 36, 49, 56, 61, 66, 72 набувати можна тільки там). № 63, друкований в обмеженому числі, набувати можна тільки в Академії за спеціальним дозволом од голови Комісії для історії української мови.

Ціна 1 крб. 50 коп.

